

ПД
60
Г87
Громов Вл
Дознание и предварительное следствие
М., 1925

Вл. ГРОМОВ

ДОЗНАНИЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

(ТЕОРИЯ И ТЕХНИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ)

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ
И НАРОДНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Н. В. КРЫЛЕНКО

МОСКВА. ЮРИДИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НКЮ РСФСР.
1925

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Вл. ГРОМОВ
Следователь по важнейшим делам при Прокуроре Республики

ДОЗНАНИЕ
И
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ

(ТЕОРИЯ И ТЕХНИКА
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ)

РУКОВОДСТВО
ДЛЯ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ
И НАРОДНЫХ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
Н. В. КРЫЛЕНКО.

МОСКВА
1925

Москва, Главлит № 27.632. 5.000 экз.

„Мосполиграф". 16-я типография, Трехпрудный, 9.

Часть I.

ВВЕДЕНИЕ.

Акт расследования и его значение.

Борьба с преступлениями во все времена и у всех народов являлась всегда одной из основных задач организованной государственной власти. Самое же понятие о преступном изменялось в каждом отдельном государстве в связи с изменением социальных условий и экономических отношений, сменой господствующих классов и преобразованиями всего политического уклада данного государства. То, что в одной стране признается непреступным, жестоко преследуется в другой; деяние, которое ранее облагалось суровыми наказаниями в том или другом государстве, часто с течением времени признается незначительным проступком или совсем не преследуется.

Таков факт исторического развития человеческих отношений и отражающих их уголовно-правовых нормировок. Вместе с тем эти изменения не являются ни просто случайными, ни просто произвольными. В процессе исторического развития право или законодательство каждого государства в каждую данную эпоху является классовым, и правовые нормы или законы, охраняя данные существующие отношения между отдельными группами населения, всегда защищают и укрепляют интересы того класса, который в данное время является господствующим.

Поэтому естественно, что содержание и сущность уголовного права, являющегося неразрывной частью всего законодательства данного государства, носят также классовый характер: уголовный закон; карающий преступление и защищающий экономическое господство командующего в данное время класса, есть всегда в то же время акт классовой борьбы. И все изменения, которые происходят в бытовом укладе государства в зависимости от состояния классовой борьбы, находят постоянное отражение в уголовном законе.

Советское пролетарское государство, являющееся в переживаемую нами переходную эпоху продуктом и проявлением еще не изжитых окончательно классовых противоречий, вынуждено вести борьбу с преступными элементами, «угрожающими основам советского строя и право-классовых противоречий, вынуждено вести борьбу с преступными элементами, «угрожающими основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (6 ст. Уг. Код.).

И до тех пор, пока классовая борьба в мировом масштабе не закончится, пока процесс отмирания государства не завершится окончательным водворением коммунистического строя, пока, наконец, не будет создано таких условий, при которых не будут совершаться преступления или не будет надобности преследовать эти преступления карательными мерами,—до тех пор будет вестись организованная борьба государства с преступными элементами, мешающими мирному строительству, способствующими разрушению государственного аппарата и нарушающими спокойное существование трудовых пролетарских масс населения.

В целях этой борьбы советское государство, как и всякое другое государство, имеет организованный и специально приспособленный аппарат суда с целым рядом подсобных органов, в задачу которых входит предварительное расследование преступлений, т.-е. выяснение характера преступных событий, розыск и изобличение виновников их, установление доказательств и т. д.

Такое расследование преступлений есть основная база, есть главнейшая и необходимая предварительная стадия в работе государственных органов, управомоченных на борьбу с преступлениями.

Каждое только-что обнаруженное преступное деяние или событие, каждый факт, который только заподозрен, как преступный, требуют почти всегда производства целого ряда действий, направленных к точному установлению состава преступления, к выяснению обстоятельств, при которых преступное событие произошло, и к розыску и изобличению совершителя этого преступления. Недостаточно обнаружить ночью труп мертвого человека на улице, чтобы сказать, что в данном случае мы имеем дело с преступлением. Исчезновение ценного в нашем обиходе предмета еще не дает основания заключить, что этот предмет из'ят из нашего обладания преступным путем. Даже жалоба отдельного гражданина с прямым обвинением кого-либо в преступлении и указанием на учиненное над жалобщиком насилие, на ограбление его, на нарушение его законных прав, еще не дают нам ни полной картины преступления, ни даже достаточной уверенности в том, что в этих случаях имеется наличность преступлений, за которые виновные должны быть преданы суду.

Во всех подобных случаях является необходимым произвести **предварительное расследование**. Такое расследование, как мы увидим далее, входит в круг обязанностей отдельных государственных органов и выливается в самые разнообразные, часто весьма сложные формы или акты.

Что такое расследование? Самое производство этого слова от корня «след» указывает, что под расследованием в широком смысле слова следует понимать обнаружение и выяснение **по следам**,—по первоначальным признакам,—полной картины того или другого события, факта или деяния.

Однако, не всякое такое выяснение события будет формально-правомерным актом расследования преступления в том смысле, как мы понимаем его обычно в науке уголовного процесса. Чтобы акты расследования имели значение формально-правовых, направленных к раскрытию преступления, они должны быть произведены 1) управомоченным на то должностным лицом 2) с соблюдением определенных форм.

Под производством уголовного расследования следует поэтому понимать:

1) действия, направленные к обнаружению и раскрытию преступления, 2) совершенные должностным, специально на то управомоченным лицом, 3) по определенным формам, 4) закрепленные в соответствующих письменных документах или актах. Эти четыре условия будут обнимать собою исчерпывающе все основные признаки того, что принято в науке и практике именовать уголовным расследованием в целом или его отдельных частях.

Поскольку акты расследования в уголовном процессе, как мы увидим далее, имеют огромное значение, для них установлен в законе целый ряд специальных процессуальных норм или правил, которыми они регулируются и несоблюдение которых может иной раз свести на-нет всю работу, которая фактически произведена лицом, производившим те или другие действия в целях раскрытия преступления.

Значение этих форм для всякого уголовного расследования, прежде всего, определяется тем, что акты этого расследования являются единственным и исключительным материалом, который ложится затем в основу дальнейшего направления дела; по ним разрешаются вопросы: есть ли в данном деле, т.-е. материалах расследования, достаточные указания на наличность преступного факта; есть ли состав преступления, а если состав преступления налицо, то какому судебному органу и какого района подлежат передаче эти материалы расследования; достаточно ли полно выяснено преступное событие и собраны ли необходимые в пределах возможного доказательства и изобличается ли этими доказательствами заподозренный или привлеченный при расследовании обвиняемый.

Наконец, все эти материалы расследования явятся в следующей стадии процесса — на суде — основным базисом для судей при судебном разбирательстве или рассмотрении дела, и по этим актам лишь после проверки их судом выносится затем обвинительный или оправдательный приговор.

Отсюда уже ясно, какое важное значение имеют акты расследования преступлений,—это первая, предварительная и самая необходимая, стадия в работе органов, производящих расследование. А вместе с тем и понятно, почему настолько серьезны те требования, которые пред'являются жизнью и законом как к лицам, которые призваны к такому сложному и трудному делу, так и по форме, в которой они производят расследование уголовно-наказуемых деяний.

Эта деятельность, однако, как и всякая другая, естественно, требует определенного минимального запаса знаний, получаемых путем общей и специальной подготовки к работе. Недостаточно одного здравого смысла, житейского опыта и знания жизни, чтобы приступить к работе в этой области.

В условиях советского строя, когда ко всем отраслям работы государственного управления привлекаются в первую очередь рабочие от станка и крестьяне от плуга, значение этого момента предварительной научной и технической подготовки возрастает в еще большей степени.

Говоря словами одного из вождей революции, только «моральная сила, помноженная на технику» обеспечивает успешность достижений нужных результатов. Все это, конечно, в полной мере относится и к следовательской работе.

Вопреки укоренившемуся у нас обывательскому мнению, будто следовательская работа чрезвычайно легкая, можно, наоборот, утверждать, что

из всех видов деятельности в области борьбы с преступлениями работа по расследованию преступлений есть наиболее трудная, при чем трудности эти об'ясняются как чрезвычайной важностью и сложностью этой работы, так и рядом специальных требований, которые она ставит.

Следовательская работа требует от всякого, кто хочет серьезно ею заняться, прежде всего, усвоения ряда методов и технических приемов, без помощи которых нельзя обойтись в деле уголовного расследования; указанные требования, диктуются самым существом этой работы, и в самых общих чертах даны самим процессуальным законом (допрос свидетелей, очные ставки и т. д.). Эти методы и приемы мало, однако, знать, надо еще научиться применять их.

Это тоже, однако, не все. Вторая отрасль знаний, которая необходима следователю, сводится к умению использовать богатую область технических, усовершенствованных приемов расследования, какие дает современное состояние науки.

В настоящее время у нас, в советском государстве, есть, например, целая огромная область жизни и деятельности, в которой не всегда легко разобраться и провести четкую грань между преступным и непреступным. Это — область хозяйственной жизни наших государственных учреждений и предприятий. Не только житейский опыт и знание закона, но и общая научная подготовка и знакомство с целым рядом теоретических положений из области специальных знаний (экономика, бухгалтерия и т. п.) требуются, чтобы разобраться в сложных вопросах по делам о хозяйственных преступлениях.

На ряду с развитием научных знаний и культурных достижений человечества усложняется и развивается и техника уголовного расследования; изменяются и совершенствуются приемы исследования преступлений: к делу расследования привлекаются новые, добытые наукой, данные в различных отраслях знания. Целый ряд научных дисциплин и технических знаний, с особыми присущими им специальными методами и приемами, приходят на помощь в деле раскрытия уголовной истины: психология, судебная медицина, химические исследования, дактилоскопия, фотографирование и т. п..—все это имеет применение на практике в деле расследования преступлений.

Уметь в нужных случаях воспользоваться применением этих знаний при участии специалистов-экспертов к делу расследования наиболее сложных преступных деяний также необходимо для лиц, посвятивших себя специальной работе исследования преступлений. Если взять и сравнить, например, дела о железнодорожном крушении, о подделке монеты и знаков оплаты, об аборте (изгнании плода), о заключении явно убыточных сделок, об отравлении и т. д., то мы увидим, насколько различен в отдельных случаях должен быть самый подход к расследованию этих дел в смысле применения различных приемов, в смысле различного отношения к изучению деталей дела, в смысле расширения научного исследования и экспертизы, в смысле выбора и оценки доказательств и т. п.

Конечно, нельзя требовать от всякого производящего расследование всесторонних и обширных знаний: и инженерного дела, и психологии, и химии, и медицины, и бухгалтерии, и т. д. Как прежние юридические факультеты, так и современные юридические курсы и рабочие факультеты, а равно и всякого рода руководства не могли и не могут подготовить таких всесторонних

специалистов и знатоков во всех областях человеческого знания. Однако, известная подготовка, дающая возможность ориентироваться в вопросах, где общие научные знания соприкасаются с уголовным правом и где эти знания могут иметь применение и быть использованы в деле расследования преступлений, всегда будет надежным средством вернее и правильнее провести расследование и раскрыть истину в уголовном деле. Как подойти к экспертизе, к какой научной или технической области обратиться в данном деле, какой существенный вопрос в этом деле подлежит разрешению и какая научная дисциплина его может разрешить, какие специальные научно-технические приемы выработаны наукой или какие методы существуют, при помощи которых может стать ясным и понятным то или другое неясное и загадочное обстоятельство в деле и т. д.,—все это будет легче и доступнее разрешить тому, кто при расследовании преступлений уже располагает багажом общих теоретических, научных сведений, связанных со специальными юридическими познаниями, относящимися к области уголовного права.

Наконец, третье требование, которое ставит следовательская работа каждому своему работнику, относится уже к области чистой психологии и сводится к вырабатываемому навыком уменью во всяком деле найти надлежащую исходную точку расследования и затем суметь так скомбинировать данный и найденный уликовый материал, чтобы воссоздать по возможности точно воспроизводящую действительность картину преступления. Нахрапом и наскоком тут не возьмешь. Только опыт и только навык создаст эти качества.

И, наконец, четвертое требование. Даже при производстве расследования по простым несложным делам, при наличности знания и точного соблюдения процессуальных правил, определяющих порядок и формы тех или других действий по расследованию, необходимо понимать внутренний смысл этой работы, необходимо знать те научные основания, на которых построена система нашего пролетарского суда и его судебно-следственных и розыскных органов; необходимо знать те мотивы, причины и основания, по которым законодатель установил тот или другой порядок при производстве уголовных расследований.

Подобно тому, как без пролетарского классового подхода, без социалистического правосознания, хотя бы и при прекрасном знании декретов советского законодательства, нельзя представить себе настоящего советского юриста, так точно без предварительного усвоения теоретических начал, на которых построено расследование преступлений и вся наша уголовная политика, без изучения и научного освещения методов расследования и технических приемов и без элементарного знакомства с основами прикладных научных знаний, которыми приходится пользоваться при дознании и следствии, нельзя представить себе серьезного и вполне сознательного советского работника, который мог бы с полным успехом и реальными результатами служить делу расследования преступлений.

В дальнейшем изложении мы имеем в виду в определенной системе изложить как принципы, на которых построен наш Уг.-Проц. Кодекс, так и тот минимум общих и специальных сведений, усвоение которых, в связи с содержанием нашего Уголовно-Процессуального Кодекса, является, по нашему мнению, необходимым для лиц, занимающихся расследованием преступлений в советском государстве.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Органы расследования и пределы их деятельности.

ГЛАВА I.

Дознание, как первичный и простейший акт расследования.

Дознание, в общепринятом значении этого слова, есть первоначальная или простейшая форма расследования преступлений. Содержанием актов дознания является описание преступных фактов или событий, о которых органы дознания прежде всех других, так-сказать «по горячим следам» «дознают» (т.-е. получают всеми доступными им способами) сведения об обстоятельствах, при которых совершено преступление. В наших условиях недостаточности следственного аппарата почти все преступления проходят первоначально через органы дознания. Это, однако, вовсе не есть только результат случайных причин. Согласно общего духа нашего УПК нет принципиальной разницы между органами дознания и органами следствия, представляющими собой лишь две ступени одного и того же процесса расследования. В связи с этим у нас дознание может быть понимаемо в двояком смысле: или это—начальные акты расследования, которые подлежат дальнейшей проверке или дополнению путем предварительного следствия, или же это—вполне законченные акты, которые могут быть переданы в судебные органы без предварительной проверки и дополнения их.

В соответствии с этим УПК разграничивает деятельность органов дознания при производстве расследований в двух направлениях: если органы дознания производят расследование более серьезных (опасных) преступлений по делам так-называемой высшей подсудности, по которым производство предварительного следствия обязательно (108 ст.), то акты дознания должны рассматриваться как первичные начальные акты, которые следователь должен проверить целиком или, во всяком случае, дополнить их тремя обязательными актами: пред'явлением обвинения обвиняемому, допросом обвиняемого и составлением обвинительного заключения (109 ст.). Если же органы дознания действуют по делам низшей подсудности (менее социально-опасным), их акты дознания должны трактоваться, как вполне самостоятельные и законченные материалы, которые могут служить основанием к преданию обвиняемых суду (98 ст.).

Однако, по существу, все акты дознания в смысле силы и доказатель-

ности их на судебном разбирательстве имеют равное значение с актами предварительного следствия.

В этом отношении наш УПК сделал значительный шаг вперед по сравнению с дореволюционным процессуальным законодательством. Резкая грань, которая проводилась раньше в старом уставе уголовного судопроизводства между дознанием и предварительным следствием, в настоящее время утрачена. Раньше акты дознания по делам высшей подсудности не признавались вовсе доказательными актами, не могли быть оглашаемы на суде и подлежали обязательной проверке на предварительном следствии. Это создавало ненужный формализм и бесполезную волокиту и вынуждало следователя проделывать вторично работу органов дознания, хотя бы она была с достаточной полнотой и ясностью выполнена этими органами. Исключение допускалось лишь в отношении неотложных начальных актов, которые могли произвести органы дознания (полиция), за отсутствием на месте судебного следователя, до прибытии последнего, и которые получали значение актов предварительного следствия.

По действующему советскому законодательству акты дознания являются о д и н а к о в о д о к а з а т е л ь н ы м и с у д е б н ы м и м а т е р и а л а м и, на ряду с актами предварительного следствия, и сами органы дознания обязаны при расследованиях уголовных дел руководствоваться правилами, регулирующими деятельность народных следователей, как в отношении общих условий и порядка производства предварительного следствия, так и в отношении допроса свидетелей и экспертов, обысков и выемок, осмотров и освидетельствований (101 ст.).

В нашем процессуальном законе, если еще и проводится различие между дознанием и предварительным следствием, то это различие лишь отмечает пределы процессуальных действий, в которых протекает, с одной стороны, работа органов дознания, находящихся в ведении отдельных народных комиссариатов, и с другой—органов предварительного следствия, непосредственно подчиненных Народному Комиссариату Юстиции. Это—чисто формальная грань между дознанием и предварительным следствием.

В специальной области расследования преступлений все органы дознания и предварительного следствия являют собой только отдельные звенья в единой советской системе государственного аппарата, регулирующего борьбу с преступлениями, под общим наблюдением прокурорского надзора. Поэтому в области расследования в советском государстве все привлеченные к той или другой работе, начиная от агента милиции, рядового милиционера и кончая прокурором, поддерживающим обвинение на суде, имеют одинаковую ценность в борьбе против нарушителей законности; поэтому сведения и материалы, добытые или полученные и представленные на суд в качестве доказательных материалов — от органов дознания, правительственных мест и лиц, ревизионных и судебно-следственных органов,—имеют одинаковую силу и значение, пока противное не доказано в процессе расследования. На этом принципе построено положение, согласно которому акты дознания могут быть приравнены в смысле их доказательного значения к актам предварительного следствия (109 и 385 ст.ст. УПК).

Такая постановка вопроса, резко отличная от постановки в прежнем процессе, конечно, теряет в том отношении, что далеко не всегда то, что проделано органами дознания, может быть по своей внутренней доказательной силе поставлено вровень с тем, что проделано и установлено специалистом-

следователем. Дело суда, однако, разобраться в их относительной ценности. Но сухого *формального отношения* к документам и актам дознания, как явно недостоверным и не имеющим никакой цены, наш УПК не знает, и в этом его плюс. Разница лишь в том, что для ряда *более опасных* преступлений закон требует обязательного проведения предварительного следствия, как в *большей степени гарантирующего* полноту его расследования. Но и только. Жизненность и целесообразность такой постановки дела ясна сама собой.

Но и только. Жизненность и целесообразность такой постановки дела ясна сама собой.

Органами дознания, управомоченными производить расследование, являются по УПК: 1) органы милиции и уголовного розыска, 2) органы Государственного Политического Управления, 3) органы специальных инспекций по делам, отнесенным к их ведению, и 4) правительственные учреждения и должностные лица по делам о незакономерных действиях подчиненных им должностных лиц (97 ст.).

Из указанных учреждений органами дознания, в полном и прямом значении этого слова, являются лишь органы милиции, уголовного розыска и ГПУ.

Органы милиции, как и специально-технического розыскного аппарата *уголовного розыска*, к прямым и первым обязанностям которых относится борьба с преступностью, естественно, в полной мере могут осуществлять функции расследования по всем уголовным делам, тем более, что они имеют в своем распоряжении и соответствующий аппарат принуждения: кадры милиции для задержания арестованных, для производства обысков, оцепления обыскиваемых помещений, для охраны мест и предметов, среди которых производят свои операции, и т. д., а также имеют и технические возможности для закрепления особенностей преступных фактов, об'ектов и социально-опасных элементов: регистрация задержанных, дактилоскопические и фотографические исследования и т. д.

Органы ГПУ формально также отнесены законом к органам дознания; по существу, однако, это вовсе не так: по существу это орган, в котором дознание совершенно слито со следствием, при чем слито *с начала и до конца*, начиная от секретного наблюдения и вплоть до *составления обвинительного заключения*. Такая постановка дела в органах ГПУ представляет собою неслыханное новшество с точки зрения старого процесса. Его ввела, однако, *революция* — и была права. Для той категории особо опасных преступлений, которыми должно было быть занято ГПУ, разделять розыск и следствие *нельзя*. Вот почему роль следственных органов по этого рода делам почти всегда сводится к «приведению в порядок» и систематизации того, что уже сделано *вчерне* органами ГПУ, и только. Именно поэтому закон и относит их к органам дознания. По существу, однако,—повторяем,—нигде более, чем именно в производстве ГПУ, не обнаруживается то единство и внутренняя однородность следствия и дознания, которые вообще принципиально декларированы нашим УПК. Что касается технического аппарата для расследования, то органы ГПУ располагают им в неменьшей степени, чем угрозыск. И проблема слияния всех этих органов в одну организационно увязанную между собою цепь органов все с большей настойчивостью стучится в дверь.

Остальные учреждения, указанные в ст. 97 УПК в числе органов дознания, являются таковыми лишь постольку, поскольку с их функциями административного контроля и надзора связаны права на установление и расследование злоупотреблений и правонарушений, наказуемых по Уголовному Кодексу.

Органы специальных инспекций (податной, продовольственной, санитарной, инспекции труда и др.) действуют в порядке установленных для них особых правил надзора в тех или других областях государственного управления [1]). Нарушения в этих областях почти всегда очевидны и устанавливаются краткими актами, протоколами или даже справками и почти всегда имеют в виду определенных виновников-нарушителей. к розыску и предварительному задержанию которых прибегать не приходится; при том правонарушения, устанавливаемые этими органами, сводятся почти исключительно к деяниям, подсудным народному суду. и при том в значительной мере к проступкам, предусмотренным гл. VIII У. К. Поэтому естественно, что этим органам в незначительной степени приходится осуществлять свои права в качестве органов дознания и прибегать к сложным приемам дознания и розыска.

Согласно УПК, в качестве органов дознания могут выступать также правительственные учреждения и должностные лица, но лишь исключительно в случаях обнаружения и проверки незакономерных действий подчиненных им должностных лиц. Здесь дознание, как особый вид расследования, имеет наиболее узкое применение. Администрация учреждения, обнаружив какие-либо злоупотребления или правонарушения подчиненного должностного лица, обязана в течение трех дней выяснить наличность и существо преступления и передать дело по подсудности. если обнаруженное незакономерное деяние не подлежит направлению в административном порядке. Поэтому в подобных случаях дознание, конечно, может сводиться, так-сказать, к домашнему несложному выяснению обстоятельств дела, опросу сотрудников в пределах данного учреждения, составлению акта, рапорта или доклада и т. п. В случаях же необходимости каких-либо исключительных мер — обыска, ареста, экспертизы — администрация учреждения обычно фактически бывает лишена возможности осуществить сама свои права, как органа дознания, и должна ограничиться передачей дела прокурору, от которого и будет зависеть дальнейшее направление и передача дела для производства дознания, следствия или непосредственно в суд [2]).

Однако, отнесение специальных инспекций, административных учреждений и должностных лиц к органам дознания едва ли можно признать удачным с точки зрения уточнения понятия органов дознания, и скорее можно

---

[1]) Права отдельных инспекций по возбуждению ими уголовных дел указаны в специальных декретах: наказ санитарной инспекции (С. У. 20 г. № 40—41, ст. 181), технической инспекции (С. У. 20 г. № 40—41, ст. 182), инспекции труда (С. У. 18 г. № 36, ст. 474, С. У. 20 г. № 37—38, ст. 173) и др.

[2]) Отдельные ведомственные инструкции для производства дознаний, давая руководящие указания по производству расследований в той или другой области, устанавливают порядок расследования применительно к порядку, установленному для органов милиции. Такова, напр., инструкция Народного Комиссариата Труда от 7 июня 1924 г. о порядке производства инспекторами труда дознаний по трудовым делам. (Ср. инструкцию Моск. милиции и инструкцию НКВД органам милиции от 22 марта 24 г.).

признать, что это отнесение только вносит путаницу и неясность в определение понятия «органы дознания». Прежде всего, перечисление инспекций в качестве органов дознания следует считать только примерным, но не исчерпывающим, так как одинаковыми с ними правами должны пользоваться при обнаружении «в пределах своего ведения» противозаконных действий и нарушений и другие инспекционные органы, как-то: социальная детская инспекция, органы горного надзора и др. [1]). С другой стороны, бесспорное право учреждений и начальствующих должностных лиц производить в порядке административного дознания расследование действий подчиненных им должностных лиц еще не дает основания признать эти учреждения полномочными органами дознания.

Поэтому было бы правильнее, если бы законодатель, не относя к органам дознания последние указанные категории органов надзора и административных учреждений, в процессуальном законе отметил бы в отдельной статье УПК, в главе «Дознание», что акты, составленные этими органами, содержащие сведения о незакономерных деяниях и проступках, подлежащие направлению в судебном порядке, приравниваются к актам дознания и могут иметь значение судебных доказательств на ряду с последними.

ГЛАВА II.

Органы дознания и предварительного следствия и разграничение их деятельности.

Выше было указано, что дознание является первичной или простейшей формой расследования преступления. Это определение отграничивает существо дознания от предварительного следствия и дает возможность уяснить ближайшие задачи органов дознания. Точного отграничения, как мы видели выше, наш УПК не знает и принципиально стоит на точке зрения, что такое отграничение и невозможно и не нужно.

Милиция, уголовный розыск и органы ГПУ, обнаружив преступление в процессе своих работ по охране порядка и безопасности или получив сообщение, жалобу или заявление потерпевшего или очевидца преступления, первыми, по горячим следам, приступают к расследованию, выясняя состав преступления, собирая доказательства, закрепляя улики, розыскивая преступника и в то же время определяя по всей совокупности начальных актов расследования подсудность дела. Громадное большинство уголовных дел начинается с производства дознания. Значительная динамичность (подвижность) и быстрота действий органов дознания, собирающих доказательства и выясняющих обстановку преступления на месте его обнаружения и совершения, тотчас же по получении первых сведений о преступлении, дает возможность органам дознания успешнее и скорее провести необходимые начальные акты расследования: осмотреть место совершения преступления, отобрать и сохранить необходимые предметы, являющиеся вещественными доказательствами, задержать подозреваемых лиц и предупредить возможность со стороны этих лиц замести следы преступления и т. п.

---

[1]) См. декрет о детской социальной инспекции (С. У. 22 г. № 59, ст. 745) и о горном надзоре (С. У. 22 г. № 13. ст 123).

С другой стороны, быстрота, с которой приходится обычно органам дознания производить расследование преступления по горячим следам, мешает, как детальной подробной разработке материалов по исследуемому преступлению, так и вполне точному оформлению актов расследования, тем более, что для органов дознания установлен краткий предельный срок—один месяц, в течение которого дознание по каждому делу, без отношения к его сложности, должно быть закончено, т.-е. оформлено (105 ст.). Особой необходимости в точности и полноте этого расследования, впрочем, и не требуется.

Если начальные акты дознания поступят потом к народному следователю, последний имеет право и возможность пополнить пробелы дознания, подвергнуть подробной разработке материалы дознания, оформить их путем осмотров сохраненных до него предметов и вещественных доказательств, освидетельствований при участии специалистов-экспертов, произвести группировку и оценку добытых данных по делу, пополнить дознание обстоятельным допросом обвиняемого и т. д.

Органы дознания, приступая к расследованию и нащупывая существенные и доказательные материалы, необходимые для выяснения картины преступления, могут прибегать, сверх того, к негласному дознанию, при чем не обязаны закреплять в письменных актах то, что не имеет значения для дела; словесные показания опрошенных свидетелей, которые ничего существенного по делу не показали, могут не записываться; первоисточники негласных сведений, из которых органы дознания добыли потом ценных свидетелей или обнаружили нахождение вещественных доказательств, могут в актах не указываться и т. д. Картина деятельности органов дознания представляется иной, если дело, по которому производится дознание, не подлежит в дальнейшем передаче для предварительного следствия и, следовательно, относится к делам низшей подсудности. Само-собой разумеется, по нему требуется бо́льшая точность. Однако, как общее правило, по этого рода делам в огромном большинстве случаев не может потребоваться применения сложнейших приемов и методов расследования, доступных органам предварительного следствия.

Если при этом принять во внимание, что производство предварительного следствия обязательно по делам наиболее сложным и важным, (108 ст.), дознание же производится по всем другим делам низшей подсудности, расследование которых не нуждается в сложной и часто громоздкой и длительной технической работе предварительного следствия, то ясно, что фактически дознание почти всегда является простейшей и окончательной формой расследования. Отсюда, различие органов дознания и предварительного следствия заключается лишь в масштабе, в об'еме работы. Употребляя для наглядности сравнение, можно было бы органы дознания и предварительного следствия наглядно сравнить со строителями, возводящими здание для жилья: следователь—это искусный инженер, строющий многоэтажный каменный дом по всем правилам строительной техники, с прочными монументальными сводами, с под'емными лифтами, водопроводными кранами и сложным центральным отоплением; орган же дознания—это опытный плотник, сколачивающий легкую деревянную постройку дома с простыми печами, чуланами, клетями и необходимыми хозяйственными пристройками.

Наш УПК, в силу тех же соображений, в отношении некоторых действий, которые требуют особенной осторожности и тщательного исследования, невозможного при условиях спешности и простоты дознания, созна-

тельно ограничивает права органов дознания по сравнению со следственными органами. Так, например, органам дознания не предоставляется самостоятельного права собирать сведения для установления психической ненормальности обвиняемого и производить освидетельствование в состоянии умственных способностей, а также не предоставлено права принимать меры к обеспечению гражданского иска, возможность пред'явления которого может выясниться при дознании. Эти действия отнесены к правомочиям органов предварительного следствия.

С дознанием смешивают часто, сверх того, понятие розыска, которое обычно в представлении среднего обывателя сливается с понятием милицейского дознания. Этого также не следует делать. Под розыском, в специальном значении этого слова, следует понимать такие действия органов дознания, которые или направлены к нахождению преступника по обнаруженному и уже в достаточной мере выясненному преступному факту, или же к отысканию предметов, добытых путем преступления, или, наконец, орудий преступления, которые могут иметь значение вещественных доказательств и дадут возможность найти и изобличить действительного виновника преступления.

В этом смысле розыск—лишь составная часть дознания, один из его элементов. Розыск или, как ранее говорили, сыск, предполагает особую систему работы, особую организацию и требует большей подготовки, опыта и искусства для лица, занимающегося розыском, чем производство простого дознания, не требующего розыскных действий.

Задержан обвиняемый с поличным [1]) на краже в самый момент ее совершения. Картина ясная: факт преступления налицо, виновник задержан на месте, похищенное им отобрано. Здесь нет надобности в розыскных действиях; искать нечего. Роль представителя милиции в этом деле сводится к составлению актов дознания: допроса потерпевшего и свидетелей, опроса задержанного, к составлению акта осмотра отобранной от похитителя вещи и т. п.

Другое дело: обнаружено похищение путем взлома денег и документов из кассы государственного учреждения; воров никто не видал, и в момент обнаружения преступления ни на кого прямого подозрения не имеется. Здесь нужно, прежде всего, спешно установить, когда совершена кража, в какое время, каким орудием произведен взлом, какие ценности выкрадены, каким путем могли воры проникнуть в помещение, не оставили ли они каких-либо следов, отпечатков пальцев на гладких полированных предметах и т. п., зафиксировать все это в протоколе осмотра, сделать снимки с отпечатков и затем уже по этим первоначальным данным приступить к розыску похитителей и похищенного. Здесь, может-быть, придется прибегнуть к негласному розыску, к слежке и наблюдению за сотрудниками учреждения, на которых может пасть подозрение; может-быть, необходимо будет командировать агента в ближайшие притоны воров, где получаются сведения о появлении крупных денег у профессиональных преступников от лиц таких же профессий, знакомых агентам розыска. Словом, в подобном случае могут быть различны как приемы розыска по данному делу, так и места, по которым могут быть направлены

---

[1]) Поличное—вещь, получения преступным путем, оказавшаяся у непосредственного совершителя преступления, обычно задержанного вслед за совершением преступления или вскоре после этого; короче — вещь, найденная у лица и поличающа́я (изобличающая) его в совершении преступления.

розыск и наблюдение за поведением подозрительных лиц. Здесь работа следователя и агентов дознания или розыска пойдут параллельно по двум направлениям: первый будет производить тщательное об'ективное обследование обстановки преступления с его осмотрами, допросами лиц, близко стоявших по своим обязанностям к кассе и к учреждению, или первых обнаруживших кражу и обслуживающих ближайшие к кассе помещения и т. п.; агент же розыска, как по собственным догадкам и инициативе, так и по указанию следователя, должен будет, не останавливаясь на формальных письменных актах, на составлении протоколов, так-сказать «устным» путем производить розыски, узнавать, прислушиваться к разговорам по поводу события, иметь наблюдение, отмечая при этом подозрительные факты и проверяя их.

Из этих примеров можно видеть, что розыск есть не только составная часть дознания, но и отдельный самостоятельный акт этого дознания с присущими ему особыми приемами расследования: негласным сыском, слежкой и наблюдением. Учреждение, специально организованное для розыска по наиболее серьезным делам, имеющее особые кадры агентов, ведущее регистрацию преступных элементов и постоянное наблюдение за преступной средой и ее притонами, называется у нас уголовным розыском. До революции этим делом ведали сыскные отделения, которые были организованы в столицах и наиболее крупных центрах и губернских городах. Кроме того, розыскные функции выполняют у нас и органы ГПУ по делам о преступлениях, борьба с которыми, как указано выше, возложена исключительно на эти органы. Для этого у ГПУ имеется своя обособленная, приспособленная для расследования этих дел организация с ее секретной агентурой, сводками результатов негласного наблюдения и т. п. В силу причин, о которых говорилось выше, в органах ГПУ тесная связанность всех этого рода действий: следствия, дознания и розыска—доведена до максимума.

ГЛАВА III.

Общая структура и подведомственность органов дознания и предварительного следствия.

В связи с существующей обособленностью и специализацией органов милиции, уголовного розыска, ГПУ и судебно-следственных органов, у нас различаются до сих пор как их организационная структура, так и подведомственность их. Милицейские органы дознания имеют разветвленный аппарат при губернских, уездных и районных управлениях милиции, которые состоят в ведении местных отделов исполкомов, об'единяются под общим руководством Главного управления милиции и вместе с уголовным розыском подведомственны Народному Комиссариату Внутренних Дел (С. У., 1922 г., № 33, ст. 386).

Государственное Политическое Управление РСФСР до образования единого союзного государства СССР являлось органом, призванным к подавлению контр-революционных выступлений и бандитизма, для борьбы со шпионажем, для охраны жел. дорог и водных путей и охраны границ и для борьбы с контрабандой. Хотя ГПУ и организовано было первоначально при НКВД, но призванное к выполнению специальных поручений Президиума ВЦИК и СНК по охране революционного порядка оно обязывалось отчитываться перед Пре-

зидиумом ВЦИК. При этом ГПУ предоставлено было исключительное право административной высылки, а по делам о бандитских налетах и вооруженных ограблениях и право внесудебной расправы (С. У. 1922 г., № 16, ст. 160, № 51. ст. 646. № 65. ст. 844).

После образования Союза ССР конституцией установлена организация Об'единенного Госуд. Политического Управления, которое, как орган, учрежденный при Совнаркоме СССР, подчинен непосредственно последнему. ОГПУ руководит работой местных органов ГПУ через своих уполномоченных, которые состоят при совнаркомах союзных республик. Являясь органом вневедомственным на правах обособленного самостоятельного наркомата, ОГПУ в то же время подчинено общему надзору со стороны Прокурора Верховного Суда СССР, который осуществляется на основании специального постановления ЦИК СССР.

Следственные органы, пользуясь при расследовании преступлений содействием органов дознания, сами состоят в Народном Комиссариате Юстиции и организованы в лице единолично действующих следователей и находятся в двойном подчинении от суда и прокуратуры, при чем суды имеют в отношении следователей право общего административно-ревизионного наблюдения и руководства, а прокуратура—право полного и исключительного надзора за производством предварительного следствия. Следователи по положению о судоустройстве разделяются на 3 категории: народные следователи при народном суде, ст. следователи при губсуде и следователи по важнейшим делам при НКЮ (ст. 32 Положения о судоустройстве).

Подробнее в дальнейшем мы остановимся только на организационной структуре следственных, в узком смысле этого слова, органах.

ГЛАВА IV.

Коллегиальное и единоличное начало в деятельности органов дознания и предварительного следствия.

Наши советские суды построены на коллегиальном начале. Это значит, что судебные органы, разрешающие по существу и окончательно уголовные и гражданские дела, состоят из коллегии из нескольких лиц, которые пользуются при рассмотрении дела равными голосами и одинаковым правом участвовать в обсуждении дела и постановлении решения или приговора, которые выносятся от имени суда, как коллегиального органа. Исключение сделано лишь для мелких дел, разрешаемых единоличным распоряжением народного судьи (25 ст. УПК). Коллегия не может состоять менее, чем из трех лиц. Коллегиальность в построении суда обосновывается очень просто: трое или вообще несколько человек совместно могут более всесторонне оценить все обстоятельства дела и правильнее разрешить его путем совместного обсуждения и обмена мнений, чем один человек. Этот принцип, однако, как показал опыт, не является ни верным, ни целесообразным в отношении к следствию.

В отношении предварительного расследования преступлений дело обстоит иначе. С одной стороны, производство дознания и следствия не предрешает еще окончательно вопроса о виновности привлеченного обвиняемого и его осуждения. Следовательно, расследование, произведенное единоличным органом власти, не может повлечь за собой особенно серьезных непоправимых

последствий. С другой стороны, единственной гарантией твердой постановки расследования, как в смысле систематической и однообразной оценки улик и доказательств, так в смысле решительности принимаемых мер и быстроты, может быть только власть одного лица. Опыт следственных комиссий, практиковавшийся в первые годы революции, показал, что, в конце-концов, практика все-равно привела к поручениям отдельным лицам вести следствие. Иные меры, которые часто требуется принять при дознании и следствии и от которых зависит успех всего расследования (акт привлечения и допроса обвиняемого, обыск, выемка, освидетельствование и т. п.), всегда затормозились бы исполнением при коллективном органе, что помешало бы и своевременному закреплению улик и повредило бы успеху расследования. Отдельных членов следственной или розыскной комиссии невозможно всегда собирать для обсуждения каждой намеченной или предположенной меры или акта расследования. Наконец, об'ективно невозможно каждый допрос производить в коллегии. А раз в результате следствие все равно сводилось к единоличному действию отдельных членов, действующих по поручению коллегии, весь вопрос заключался лишь в постановке контроля за следователями, а не в коллегиальном следствии. Это соображение одержало, в конце-концов, верх, и с 1920 г. наш процесс опять вернулся к единоличным следователям.

Это—результат опыта, однако, не только этих последних лет. В России при Екатерине II и позднее наряжались для расследования преступлений так-называемые «следственные комиссии». Во Франции такие же комиссии действовали также сравнительно в недавнее время при расследовании сложных преступных деяний, которые широко раскидывались в пространственном отношении. Производство следствия через следственные комиссии допускается, впрочем, и в настоящее время, но в виде исключения в отдельных случаях по делам высшей подсудности. Согласно наказа ЦИК Союза ССР Верховному Суду от 14 июля 1924 г. по всем делам, поступающим на рассмотрение уголовно-судебной коллегии Верховного Суда Союза, производство предварительного следствия является обязательным, и следствие производится следователями по важнейшим делам при прокуроре союзных республик по предложению Прокурора Верховного Суда Союза, направляемому прокурору соответствующей союзной республики, либо особыми следственными комиссиями, назначаемыми Прокурором Верховного Суда Союза ССР, если таковые не назначены непосредственно Центральным Исполнительным Комитетом Союза ССР (ст. 49 наказа—«Изв. ЦИК», от 18 июня 1924 г., № 162).

Здесь следует отметить, что указанные выше соображения вовсе не исключают признания необходимости проведения коллегиального начала при всякого рода ревизиях. Ревизия имеет целью не расследование отдельного преступления или незакономерного акта, а обследование деятельности учреждения или отдельных областей народного хозяйства и государственного управления в целом. При таком положении вещей ревизионные обследования должны производиться по определенному, заранее намеченному плану, при чем самый характер и существо задач ревизии указывают на необходимость участия в ревизионной работе нескольких лиц, из которых каждый выполняет свою работу: один ревизует делопроизводственную область, другой—финансово-хозяйственную часть, третий обследует структуру учреждения, четвертый исследует методы работы и поверяет их результаты и т. д. В этих случаях попутно могут быть обнаружены реви-

зиями те или другие злоупотребления и отдельные преступления, из которых каждое должно подвергнуться в дальнейшем оформлению и разработке органами дознания или следствия, чтобы получить значение полных и достоверных актов расследования.

При обсуждении вопроса о преимуществе единоличного начала при производстве дознания и следствия серьезные возражения делаются лишь по вопросам о возможности произвола, который может быть допущен единоличным усмотрением производящего дознание или следствие, о недостаточных гарантиях защиты интересов обвиняемых и лиц, близко стоявших к преступлению и т. п. Но все эти возражения отпадают при правильной организации контроля над дознанием со стороны следователя и над следствием со стороны прокуратуры, при котором все действия органов дознания и следствия могут быть обжалованы—первые следователю, вторые прокурору, которые, в свою очередь, имеют право давать указания о направлении и дополнении дела, являющиеся обязательными. (78 ст., п. «б» положения о судостройстве, 107, 118, 212 и 227 ст. УПК) [1]).

Принцип единолично производимого расследования не нарушается и тогда, когда в практике расследований производство дознания или розысков по одному и тому же делу поручается не одному, а нескольким лицам. В подобных случаях, однако, оценка данных, добытых этими агентами, дальнейшая проверка их и направление дела должно зависеть от того лица, которое единолично производит следствие по данному делу и руководит им.

Во всяком случае, как показал опыт, по каждому конкретному делу дознание, как и предварительное следствие, всегда должно направляться одним лицом, от которого и зависит принятие тех или других мер, способов и приемов расследования и который персонально отвечает за успешность расследования, за полноту, правильность и целесообразность действий, произведенных в целях раскрытия преступления. Единоличная ответственность производящего дознание или следствие лица с полной свободой в распоряжении средствами и способами исследования в пределах, установленных законом, с личной оценкой им улик и показательств и персональной ответственностью за принятые меры, распоряжения и действия по этому делу,— является необходимым и основным условием, гарантирующим успешность деятельности органов дознания и предварительного следствия, в отличие от органов, разрешающих уголовные дела по существу и выносящих по ним свои судебные приговоры, где такую гарантию дает лишь коллегиальность.

ГЛАВА V.

Пределы правомочий органов дознания.

Какие же права и правомочия предоставляет наш УПК органам дознания и органам следствия?

При производстве дознания органам, производящим эти дознания, предоставляется одно основное право — опрашивать подозреваемых лиц и свидетелей. Уже такие действия, как обыски, выемки, осмотры и освидетельствования, органами дознания могут производиться лишь в тех случаях, когда имеются достаточные основа-

[1]) См. изменения и дополнения к Уг. Проц. Код., утвержденные сессией ВЦИК в октябре 1924 года.

ния полагать, что следы преступления или вещественные доказательства могут быть уничтожены или скрыты. При производстве дознания по делам, по которым предварительное следствие необязательно, органы дознания руководствуются правилами, изложенными в ст.ст. 111—115, 117, 162—174, 175—188, 189—195 УПК. Всякие же другие действия, кроме указанных выше, точно непредусмотренные законом, могут производиться при дознании вообще только с разрешения следователя или прокурора (99 и 101 ст.).

Закон усиливает, таким образом, особенный контроль—за действиями органов дознания в тех случаях, когда этими действиями могут быть нарушены права и интересы отдельных граждан и учреждений, которые особо охраняются законом. Право же ареста обставлено еще более серьезными условиями, как мы увидим далее.

Хотя в ст. 101 УПК не перечислены, хотя бы примерно, те или «иные, кроме указанных, действия», на совершение которых требуется предварительное испрашивание разрешения, однако, следует заметить, что в процессе дознания может встретиться необходимость в принятии ряда рискованных мер, которые должны быть проведены с особой осторожностью и надлежащей тщательностью. Если бы, например, при дознании потребовалось, в целях точного опознания потерпевшим истинного виновника преступления, пред'явить потерпевшему вместе с заподозренным несколько других лиц, имеющих сходство с описанным со слов потерпевшего преступником, или, например, затребовать от учреждения строго секретные сведения для проверки полученных при дознании сведений, необходимых для данного дела,—на такие действия потребовалось бы разрешение следователя или прокурора. В прежней практике органов дознания были случаи, когда для обнаружения преступников допускалась специальная инсценировка лиц и событий. Желая выпытать сознание от арестованного по подозрению в серьезном преступлении (убийстве) лица, полиция подсаживала к нему иногда своего агента, под видом такого же арестованного, который в дружеском разговоре старался получить интимно откровенное сознание или сведения о причастности заподозренного к данному преступлению. Конечно, подобного рода приемы, иногда в розыскном порядке произведенные, дают те или другие положительные результаты, однако, рискованность, а часто и провокационный характер подобных мер, требуют, чтобы органы милиции, практикующие эти приемы при производстве дознания, запрашивали разрешения о возможности произвести при дознании подобные действия.

УПК особо обставляет, как мы сказали, порядок производства арестов органами дознания. Обо всех случаях задержания органы дознания обязаны, с указанием оснований задержания, — направить сообщение следователю, в участке которого состоит орган дознания, или ближайшему народному судье. Но и этого мало. Задержание подозреваемого в преступлении лица органами дознания в качестве предварительной меры, впредь до подтверждения этой меры указанными в 104 ст. судебными органами, допускается лишь в строго определенных случаях: 1) когда преступник застигнут при непосредственном подготовлении, самом совершении преступления или тотчас после его совершения, 2) когда потерпевший или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление, 3) когда при или на подозреваемом лице в его жилище будут найдены следы преступления, 4) когда подозреваемый покушался на побег или задержан во время побега, 5) когда подозреваемый

не имеет места постоянного жительства или места постоянных занятий. 6) когда не установлена личность подозреваемого (ст. 100).

Из этого точного перечня случаев ясно, что закон считает возможным предоставить право хотя бы кратковременного предварительного задержания подозреваемого лишь при наличности условий, указывающих почти с несомненной достоверностью, что задержанный—действительный совершитель или участник данного преступления.

Для производства дознания по всякому делу органам дознания по УПК поставлен предельный срок—не долее одного месяца. Так как дознание, как мы видели ранее, или является лишь начальным актом расследования или простейшим видом его, то естественно, что этот срок для дознания следует признать достаточным.

Законченное дознание, направляемое на прекращение за отсутствием в деле признаков преступления или за необнаружением виновных, органы дознания обязаны препроводить следователю для прекращения, кроме дел о проступках, предусм. VIII гл. Уг. Код. Дело же, по которому добыты данные, изобличающие подозреваемого в совершении деяния, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до одного года, направляется непосредственно в суд по подсудности. Если же наказание за данное преступление превышает указанный годовой срок, или назначено на срок не ниже 1 года, то все материалы дознания препровождаются для дальнейшего направления следователю для составления постановления о предании суду (ст. 105).

Этими общими указаниями УПК ограничивает те пределы, в которых органы дознания могут осуществлять свои правомочия при производстве расследований. Технические же приемы отдельных действий, на которые управомочены органы дознания, указаны в общих чертах в разделах правил, регулирующих производство следственных действий (ст. 101), о которых будет сказано ниже.

Так как в дальнейшем изложении будет итти речь о тех условиях, которые требуются при производстве всякого расследования, без отношения к тому органу, который его производит, а равно и о тех приемах, методах и формах расследования, которые являются общими как для органов предварительного следствия, так и органов дознания,—в дальнейшем изложении в целях упрощения терминологии и сокращения изложения мы будем употреблять слово «следователь», понимая под ним всякое лицо, производящее расследование по уголовному делу, будет ли это представитель судебной власти, следователь, или же представитель милиции, уголовного розыска, ГПУ и т. д.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Общие условия и основные задачи деятельности органов дознания и предварительного следствия.

ГЛАВА VI.

Важнейшие условия, требуемые от органов, производящих расследование преступлений.

Если мы достаточно ясно усвоили мысль, что единственной и основной целью дознания и предварительного следствия по каждому делу является

расследование преступления и обнаружение и изобличение совершителя этого преступления, то для нас будут понятны те общие и важнейшие требования, которые закон ставит органам дознания и следствия при производстве расследований.

Эти требования, точно указываемые процессуальным кодексом и логически вытекающие из основной цели уголовного расследования, сводятся к следующим: 1) быстрота и возможная непрерывность расследования; 2) полнота и всесторонность расследования и 3) бесстрастный спокойный об'ективизм расследования.

Всем, кому когда-либо приходилось производить расследования, понятно, что успешность расследования в смысле его результатов находится в прямой зависимости от того, насколько быстро следователь приступил к производству расследования, насколько энергично и безамедлительно он установил признаки преступного события и его совершителей и выяснил обстоятельства, при которых преступление совершено.

Немедленный, вслед за обнаружением преступления осмотр места преступления, следов и доказательств, оставленных на месте преступником,— имеет огромное значение. Помимо возможного изменения в обстановке и окружающих предметах, которое может быть произведено виновником преступления, находящимся, может-быть, в близости к месту преступления, эти изменения могут быть без всякого умысла произведены первыми очевидцами преступления или потерпевшими; кроме того неизбежное влияние погоды и атмосферных явлений может в ближайшие дни и даже часы существенно видоизменить подлежащие осмотру предметы и изгладить следы преступления. Отпечатки ног на снегу или земле или на пыльном полу, следы пальцев на стакане, свежие капли крови на одежде, ссадины на теле подозреваемого, исправления и подчистки в письменных документах, царапины и следы нажима орудия на деревянных предметах, какие-либо волоски, прилипшие к кисти руки трупа убитого,—все это может иметь большое значение в деле раскрытия преступления, но все это может от времени—в час, в сутки, в неделю—настолько измениться или совсем утратиться, что потеряет значение доказательных фактов или предметов.

Даже промедление в допросе лиц, оказавшихся потерпевшими или ближайшими очевидцами преступления, может повлиять отрицательно на успех расследования: потерпевшие ярче восстанавливают в своей памяти все мелочи преступного события, непосредственно после совершения преступления, чем спустя несколько дней; под свежим впечатлением они сильнее реагируют на преступный факт и охотнее высказывают иногда родившиеся в них подозрения против предполагаемого преступника, чем склонны делать это спустя определенное время.

Кроме того, всякое преступление с каждым днем после его обнаружения—в глазах окружающих обывательски настроенных лиц—«выдыхается», перестает быть интересным, почему свидетели, имеющие дать какое-либо показание, могущее осветить ту или иную сторону дела, недопрошенные во-время, несознательно отходят от дела или совершенно не придают значения потом тем сведениям, которые им казались первоначально имеющими определенное значение.

Наконец, целый ряд преступлений по своему характеру или опасности в данный именно момент требуют, в силу тех или других экономических или политических соображений, своевременного и быстрого их расследования и судебной репрессии против их виновников. Такими «сезонными» преступлениями, борьба с которыми являлась у нас ударной задачей момента, были, например, в первые годы советской власти, саботаж, спекуляция и т. п., а в последнее время—преступления хозяйственные, самогон и др.

Все изложенные соображения, подтверждаемые практикой прежних уголовных процессов, заставляют признать первым и важнейшим требованием расследования его быстроту, необходимость немедленного приступа к дознанию и следствию по получении первых сведений о совершенном преступлении. Но не только важна быстрота в совершении первых актов расследования, важна вообще и возможная в каждом отдельном деле непрерывность расследования: переходы от одного серьезного дела к другому и большие перерывы с оставлением незаконченными отдельных моментов исследования данного преступления всегда невыгодно отражаются на результатах и дают возможность обвиняемому оборвать концы тех нитей, которые уже начали наматываться на клубке улик и доказательств против него.

Вот почему ряд статей УПК и циркуляры НКЮ требуют ускоренного производства расследований, устанавливая в отдельных случаях точные сроки для производства дознания и следствия.

Выше мы уже видели, что максимальным сроком для расследований в порядке дознания указывается месячный срок (ст. 105).

Следователю предписывается немедленно приступить к производству следствия по получении сведений или материалов о совершившемся преступлении (ст. 110), и это означает формально, что он обязан в тот же день или тотчас по ознакомлении с материалами составить лишь постановление о приступе к производству следствия, что является формально началом следственных действий. По существу, однако, этого, конечно, мало. Следователь в момент составления этого постановления уже должен для себя точно наметить план первых необходимых действий по расследованию и фактически приступить к расследованию, определив порядок, в котором в связи с другими делами и с особенностями в смысле срочности данного дела должны быть произведены те или другие следственные действия в ближайшие дни.

Лишь при получении многотомных материалов дознания или ревизионных актов следователь в первые дни может, конечно, ограничиться лишь актом принятия дела к своему производству, а фактически приступает к следственным действиям только по ознакомлении со всеми материалами дела и по составлении плана и порядка намеченных следственных актов.

УПК правильно не фиксирует срока, в который должны быть закончены первые следственные действия до момента точного установления личности виновника преступления, так как, естественно, такого срока нельзя вообще установить: по одному делу улики в отношении подозреваемого совершителя преступления уже достаточно выявлены актами полученного дознания или уже установлены первыми следственными актами, а по другому делу требуется длительная разработка или проверка перечных намеков и слабых подозрений против того или другого лица или предварительный негласный

розыск или, наконец, затребование письменных сведений от учреждений и т. п.

Но, во всяком случае, с того момента, когда обстоятельства дела настолько выяснены, что возможно составление мотивированного постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого, УПК требует пред'явления обвиняемому обвинения в 48-часовой срок после составления постановления (2 ч. 128 ст.).

Наконец, после этого следователю уже дается максимальный срок, в течение которого должно быть закончено следствие: два месяца со дня об'явления подозреваемому о привлечении его в качестве обвиняемого (ст. 116). После момента привлечения и допроса обвиняемого, когда уже предполагаются собранными существенные доказательства, достаточно изобличающие обвиняемого, обычно представляется необходимым лишь проверить об'яснения обвиняемого, сопоставив их с выясненными уже ранее всеми обстоятельствами дела; поэтому двухмесячный срок для окончания следствия следует признать вполне достаточным при нормальных условиях работы следователя.

В то же время этот срок косвенно указывает следователю, что момент привлечения подозреваемого в качестве обвиняемого он должен определить с надлежащей осторожностью и не ранее, как обследование в основных своих моментах будет закончено и явится возможность постановление о привлечении твердо обосновать и вполне определенно мотивировать.

В соответствии с указанным сроком следователю при выборе в качестве меры пресечения против обвиняемого содержания под стражей, в виду имеющегося опасения, что обвиняемый может, находясь на свободе, препятствовать раскрытию истины, ставится также предельный двухмесячный срок, долее которого содержание под стражей не может продолжаться. Исключение допускается для особо сложных дел, по которым с разрешения прокурора указанный срок может быть продлен еще на 1 месяц (ст. 159).

Закон знает, однако, и отступления от указанного порядке по ряду дел, когда меры пресечения в отношении подозреваемых длжны быть приняты до пред'явления к ним обвинения. В этих случаях УПК опять-таки назначает срок в 14 дней, до истечения которого следователь должен пред'явить подозреваемому обвинение и вести дело далее нормальным порядком или освободить подозреваемого (ст. 145).

В данном случае законодатель опять-таки имел в виду возложить на следователя, в интересах необходимой бытсроты следствия, обязанность в краткий срок установить и закрепить те данные по делу, которые в достаточной степени раз'ясняют дело и изобличают обвиняемого, принимая во внимание при этом, с одной стороны возможность в исключительном случае предварительного принятия мер пресечения против подозреваемого, но еще неизобличенного обвиняемого, и с другой—необходимость ограждения в таких случаях прав тех лиц, которые случайно могли быть неосновательно заподозрены в преступлении по первоначальным данным и подвергнуться действию стеснительных для них мер пресечения.

Сопоставляя указанные требования закона в отношении сроков, следует отметить, что УПК по сравнению с прежним уставом уголовного судопроизводства дореволюционного времени более категорически и жестко поставил вопрос о необходимости быстроты в ходе предварительного расследования преступлений, признавая, что борьба с преступлением может дать

реальные результаты лишь тогда, когда судебная репрессия против нарушителя уголовного закона не отдаляется от момента совершения преступления на долгие месяцы или годы.

Вторым существенным требованием закона для производства дознания и следствия является полнота и всесторонность расследования.

Следствие по каждому делу может быть признано законченным лишь тогда, когда исследованы всесторонне все обстоятельства дела, когда разрешены все возникавшие при расследовании сомнения, когда произведена полная оценка доказательств в ту или другую сторону, когда представляется ясной вся картина преступления или, наконец, когда устанавливается, что в пределах доступных для следователя средств и приемов исчерпаны все возможности достижения истины, и новые следственные действия не могут дать ничего нового для расследования.

Определять в каждом отдельном случае степень достаточной полноты и законченности материалов расследования есть право следователя, как результат его собственной оценки произведенной им или органами дознания работы по расследованию преступления (ст. 109).

Закон дает здесь лишь общее указание, что следователь направляет свою работу «в сторону наиболее полного и всестороннего рассмотрения дела» (ст. 112), предоставляя, однако, прокурору и суду давать указания и возвращать дело следователю или передавать другому следователю в интересах наиболее полного расследования дела (ст. 118, 124 и 203).

Указанная в законе директива о полноте и всесторонности расследования обязывает следователя, как в процессе расследования, так и в момент заключительных работ по расследованию, производить просмотр и переоценку следственных действий с точки зрения их полноты и законченности в отношении каждого отдельного основного момента расследования по семигранной формуле, которая дается ниже, в дальнейшем изложении, для детального руководства и самоконтроля работы органов дознания и следствия.

Практика следственных и розыскных органов указывает, что неполнота и пробельность существенно необходимых для дела актов расследования является обычно или результатом торопливого и непланомерного ведения следствия без учета целесообразности и необходимости каждого в отдельности следственного действия, или же небрежного и невнимательного отношения к тем вопросам, которые возникают при расследовании, требуя определенного разрешения в ту или другую сторону, или, наконец, результатом забывчивости следователя и отсутствия самоконтроля когда после целого ряда действий по большому сложному делу следователь оставил без внимания и без дальнейшей проверки какую-нибудь деталь, выяснение которой представлялось существенно необходимым вначале, но потом было заслонено дальнейшим нагромождением устанавливаемых следствием фактов.

В последующем изложении мы будем иметь случай дать технические указания для планомерной и тщательной разработки следственного материала, обеспечивающей надлежащую полноту следствия и самоконтроль в процессе работы.

Не менее важным является для следователя в его работе третье требование, которое ставит закон, а именно полного об'ективизма, спокойного беспристрастия при производстве отдельных следственных и розыскных действий. Поскольку уголовный закон в согласии с конституцией установил определенные гарантии для всех граждан без

отношения к полу, возрасту, национальности и т. п., следователь должен проявлять одинаково беспристрастное отношение ко всем лицам, которые проходят пред ним в процессе его работы. Резко классовый пролетарский характер нашего права, определяя существо и цель работы следователя, не дает, однако, ему никакого основания не соблюдать в отношении представителей непролетарских слоев населения тех общих гарантий личности, которые установлены для всех граждан процессуальным законом. Одинаково спокойно, вежливо и внимательно должен относиться следователь к каждому привлеченному или явившемуся к следователю по его делу лицу: никакие выкрики, повышение тона в обращении равно недопустимы. Проведение классового начала при производстве расследования ограничено в этом отношении точными указаниями закона. Если, например, при избрании меры пресечения против обвиняемого следователь в каждом конкретном случае учитывает важность преступления, род занятий обвиняемого и классовую принадлежность его и в соответствии с 147 и 206 ст. УПК и 25 ст. Уг. Код. признает возможным принять в отношении обвиняемого рабочего или крестьянина менее стеснительную меру, чем в отношении обвиняемого другой классовой группировки,—это есть лишь оценка им конкретных условий для данного случая при выборе меры пресечения. Но если бы, наоборот, следователь, например, в порядке 114 ст. УПК, отказал обвиняемому в проверке какого-либо весьма существенного обстоятельства, оправдывающего обвиняемого, мотивируя отказ буржуазно-классовым происхождением обвиняемого и лично неблагоприятным впечатлением, которое производит на него, следователя, этот обвиняемый, это было бы недопустимым нарушением требования равного, об'ективного, беспристрастного отношения к обвиняемому и ни в коей мере не было бы основано на законе.

УПК возлагает в этом случае на следователя непременную обязанность с полным беспристрастием равно «выяснять и исследовать обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а равно все обстоятельства, как усиливающие, так и смягчающие степень и характер его ответственности» (ст. 111), при чем закон прямо запрещает «домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер» (ст. 136).

Об'ективность при допросах обвиняемых и других лиц есть, однако, лишь часть той общей об'ективности, которая необходима для следователя. Следователь при всех своих действиях обязан соблюдать строгую об'ективность исследования. Самые акты, устанавливающие мертвые улики и содержащие описание неодушевленных предметов, должны быть лишены всякого суб'ективизма и личной оценки следователя. Описание внешнего вида предметов, их размеров, окраски, измерения расстояний на месте осмотра и т. д., должны лишь соответствовать действительности, и правильность описания их должна быть заверена всеми лицами, присутствующими при осмотре.

Личные соображения следователя, выражающие то или другое отношение к выяснившейся по характеристике личности обвиняемого, как суб'екта преступления, или к показанию свидетеля, с точки зрения недостоверности последнего, могут быть только излагаемы следователем в его постановлениях, содержащих мотивировку тех или других мер и действий, принятых при производстве следствия, но и в этих случаях мотивировка, содержащая личные выводы и заключения следователя, должна основываться на об'ективных фактах и данных, точно установленных следствием.

Поэтому беспристрастное, спокойное отношение к делу вообще и одинаково справедливое отношение к личности, как потерпевшего, так и обвиняемого, в частности, и в связи с этим отсутствие всякой предвзятости при исследовании являются необходимыми условиями, которые должны характеризовать деятельность следователя. Следователь, производя следственные действия, работает один; данные, добытые при следствии, являются тайной, которая не подлежит оглашению. Таким образом, следователь одновременно является и обвинителем привлеченного обвиняемого и его защитником. Отсюда ясно, к каким опасным последствиям могут привести следователя всякое пристрастие, горячность и всякая предвзятость при исследовании преступления и насколько важны хладнокровие и справедливое отношение к делу.

В связи с указанными выше требованиями можно указать попутно некоторые и другие требования, относящиеся уже не столько к существу действий и распоряжений следователя, сколько к технике исполнения и оформления актов расследования.

В целях экономии времени и необходимости отбрасывать при производстве расследований ненужные, не имеющие значения для дела мелочи и отделять несущественное от существенного приходится требовать от следователя при составлении им актов краткости и сжатости изложения. Практика судебно-следственных производств показывает разительные примеры расплывчатого и переполненного ненужными подробностями изложения как актов осмотра, так и допросов вызываемых к следствию лиц. Поэтому следователь, производя осмотр или допросы свидетеля или обвиняемого, должен предварительно суммировать мысленно полученные осмотром или допросом сведения и в соответствии с задачей данного расследования, определить, какие именно обстоятельства и сведения и в каком смысле имеют или могут иметь значение и подлежат занесению в протокол, и уже после того приступить к составлению акта. Все это, конечно, требует некоторого навыка и опыта. Так, известно, что для того, чтобы изложить что-либо короче на письме, требуется больше времени, чем изложить то же самое более пространно. Прав был философ древности, который, заканчивая длинное письмо к своему приятелю, писал ему: «Извини, что посылаю тебе такое длинное письмо,—у меня не было времени, чтобы написать его короче». Во всяком случае, при составлении актов следователь не должен проявлять торопливости в оформлении их и жалеть несколько лишних минут на процесс обдумывания и мысленного обобщения подлежащих описанию в протоколе обстоятельств дела, предметов или событий.

Точность и ясность изложения—также необходимое требование для составления актов дознания и следствия. Необходимо помнить, что составляемые акты потом ложатся в основание доказательств виновности обвиняемого в преступлении, которое всегда требует точной квалификации и подведения его под определенную статью карательного закона. Не уточнить, например, допросом свидетеля его показание о том, что обвиняемый в момент совершения преступления был «изрядно выпивши» и не выяснить точно и описательно степень опьянения обвиняемого со слов этого единственного, может-быть, свидетеля—было бы непростительной погрешностью. А неясное или неточное описание помещения или здания, в котором обнаружено убийство, без обозначения выходов и входов, ведущих в это помещение, может по направлении дела навести на неправильные выводы при оценке доказательности следственного материала.

Всякая неточность и неясность в актах расследования при рассмотрении материалов дознания и следствия мешает и правильному представлению о том или другом моменте исследуемого события и искажает действительное положение вещей (неточности в описании трупа, состояния жертвы преступления, вида и формы документа, отношения обвиняемого к преступному событию и т. д.), в особенности при выяснении обстоятельств, влияющих на наказуемость (ст. 25 Уг. Код.). Указанными недостатками особенно грешили в старое время производившие дознание часто невежественные, но щеголявшие мнимой культурностью чины полиции. Известен анекдот о становом приставе, который в протоколе дознания по делу об убийстве записал: «труп лежит в протянутом положении, головой к северо-востоку, ногами к юго-востоку». Расположение трупа в данном деле имело значение при отсутствии других точных описаний протокола осмотра,—поэтому пришлось выяснять допросами свидетелей, в каком положении был найден труп, чтобы узнать, как же именно лежал труп: в протянутом положении или в согнутом (голова на с.-в., ноги—на ю.-в.). Можно было бы привести бесконечное число случаев, где неточности и неясности протоколов (особенно осмотров) осложняли на суде процесс выяснения обстановки преступления.

Требования краткости и сжатости изложения с описанием лишь существенных моментов, а также точности и ясности изложения, находят свое отражение в целом ряде статей УПК, регулирующих порядок производства расследований. В отношении допроса обвиняемых и свидетелей УПК предписывает следователю после дачи показаний задавать допрашиваемому вопросы, а показания заносятся в первом лице и по возможности «дословно» (ст. 138 и 165). При допросе лиц, страдающих органическими пороками (немых, глухих и т. п.), предписывается в целях точной и ясной передачи их показаний, приглашать лиц, понимающих язык мимики (ст. 140 и 167). В случае неясности и разноречия в заключениях экспертов следователь обязан назначить новую экспертизу (ст. 174). При производстве обысков и выемок отбираются, а, следовательно, отмечаются и описываются лишь предметы, имеющие непосредственное отношение к делу (ст. 182).

ГЛАВА VII.

Основные моменты расследования преступлений, входящие в задачу органов расследования.

Уголовная статистика показывает, что число преступлений в каждой стране увеличивается вместе с ростом населения, при чем те или другие колебания в числе преступлений за определенный период времени об'ясняются целым рядом причин экономического и политического характера. Преступления, совершаемые в отдельных местностях одного и того же государства и даже в отдельных районах одного и того же города, являют часто крайнее разнообразие. Нет преступлений даже одного рода и совершенных одним и тем же лицом, которые были бы похожи, как две капли воды, одно на другое по обстановке, по способам совершения, по мотивам и т. п. Казалось бы поэтому, что нет и не может быть общих руководящих указаний, приемов и планов, которые были бы пригодны для всех случаев расследования разнообразных преступных деяний, которые обнаруживаются в практике органов дознания и предварительного следствия. На самом деле это не так.

Правда, не считая процессуальных норм, определяющих порядок и условия производства дознания и следствия, нельзя дать для следователей общего шаблона, пригодного для применения к расследованию всякого рода преступлений. Однако, теория и практика уголовного расследования установила общие моменты, которые присущи всем преступлениям и которые облегчают задачу следователя, давая ему возможность в каждом отдельном случае наметить план расследования и проверить себя в процессе работы вопросами о том, все ли отдельные моменты исследуемого преступления достаточно полно освещены и раскрыты.

Еще римскими юристами классической древности была выработана простейшая формула из семи вопросов, разрешение которых при расследовании обнимает собою все основные моменты всякого преступления. Эта семигранная формула должна быть настольной памяткой каждого следователя. И если по окончании расследования следователь может сказать, что в материалах следственного производства имеются точные и ясные ответы на все поставленные этой формулой вопросы, то значит задача расследования по данному делу разрешена успешно. Вопросы этой формулы следующие: quis (кто), quid (что), ubi (где), quando (когда), cur (для чего, с какой целью), quo modo (каким образом, при каких обстоятельствах), quibus auxiliis (какими средствами, или при помощи каких орудий).

Чтобы раскрыть значение этих вопросов и проверить настоятельную необходимость при исследовании преступлений останавливаться на этих вопросах в отдельных моментах расследования, мы в дальнейшем детально расшифруем указанную формулу.

1. Кто совершил преступление? Так как в задачу расследования входит, по выяснении всех обстоятельств дела, установление личности виновника преступления, собрание улик против него, изобличение его, то естественно, что первый вопрос указанной формулы является первостепенным.

Среди возбуждаемых дел о преступных деяниях существует целый ряд дел, в которых в самый начальный момент расследования уже намечается или прямо указывается виновник преступления. Поступает, например, к следователю сообщение о злонамеренном невыполнении обязательств по договору с госучреждением со стороны контрагента (130 ст. У. К.) или заявление о занятии профессиональным ростовщичеством какого-либо лица (193 ст. У. К.), о сопротивлении отдельного гражданина представителям власти (86 ст. УК), растрате вверенного кому-либо казенного или частного имущества (113 и 185 ст. УК) и т. п. По таким делам изобличаемый в преступлении обвиняемый уже налицо при самом возникновении дознания или следствия. По проверке заявления, жалобы или сообщения первыми допросами представителей потерпевших уже бывает достаточно подробно выяснен факт преступления и основательность доказательств, изобличающих определенное указанное лицо в данном преступлении. По подобного рода делам, при наличности, повторяем, достоверности самого факта преступления, следователь может уже в начале расследования привлечь указанное подозреваемое лицо в качестве обвиняемого и допросить его и затем уже продолжать дальнейшее расследование в целях проверки выставляемых против обвиняемого улик и проверки об'яснений и возражений обвиняемого. По многим таким делам представляется наиболее целесообразным именно такой порядок следственных действий и вот почему. Во-первых, об'яснения обвиняемых в этих делах сразу вносят в дело некоторый элемент состязатель-

ности сторон—обвиняемого с потерпевшим-обвинителем (жалобщиком или заявителем). По делам о растратах, о невыполнении договоров и т. д. привлеченный обвиняемый, не отрицая часто самого факта, вносит существенные возражения, представляет документы, указывает на обстоятельства, которые, если не исключают вменения, то изменяют перспективу обвинения и в то же время облегчают следователю в дальнейшем исследовании точнее наметить, какие обстоятельства дела подлежат выяснению и на проверку каких фактов данного дела нужно обратить особенное внимание. То же самое следует сказать и о большинстве,—хотя отнюдь и не о всех,—дел о должностных преступлениях, в которых в качестве обвиняемого в совершении тех или других преступных служебных действий указывается определенное лицо. Во-вторых, при самом начатии дознания или следствия могут в зависимости от важности обвинения, выясниться обстоятельства, указывающие на опасность возможного влияния со стороны обвиняемого на ход следствия, и, следовательно, весьма важно в подобных случаях принять своевременно меру пресечения, которую фактически правильнее принять только после пред'явления подозреваемому обвинения (ст. 145), когда существо дела и основательность улик достаточно выясняются в процессе двустороннего освещения дела, с одной стороны, представителями потерпевших учреждений или частных лиц, с другой —обвиняемыми.

Во всяком случае, рекомендуя по подобного рода делам, как общее правило, пред'явление обвинения в числе начальных актов расследования, следует указать, однако, что в каждом отдельном случае это — вопрос факта, который должен быть тщательно следователем обсужден и при положительном разрешении вопроса подробно обоснован в мотивированном постановлении (ст. 128).

Гораздо сложнее вопрос о том, к какому моменту следует приурочить привлечение заподозренного обвиняемого,—по тем делам, когда личность совершителя преступления, необнаруженного в начале следствия, выясняется постепенно, при чем вначале подозрение основывается лишь на косвенных доказательствах или на шатких уликах, требующих еще предварительной проверки путем розыскных действий или дополнительного дознания. В этих случаях установление совершителей преступления представляет часто чрезвычайную трудность, и спешить тут нельзя.

В таких случаях можно рекомендовать, как общее правило, задержаться несколько моментом привлечения, в то же время ускорив темп расследования по данному делу, хотя бы в ущерб быстроте расследования других несрочных дел поручив в спешном порядке, путем негласного дознания и розыска, проверить сомнительные или косвенные улики, и акт привлечения приурочить к тому времени, когда одна вероятность подозрения против данного подозреваемого приобретает характер достоверности, основываясь хотя бы на некоторых точно установленных и проверенных фактах (нахождение в руках заподозренного похищенных ценностей, или обнаружение у заподозренного в убийстве орудия, которым совершено убийство, или характерных знаков борьбы с жертвой на лице уличаемого в изнасиловании, или принадлежность заподозренного в подделке дензнаков к техникам типо-литографского дела и установленные свидетелями случаи неоднократного прохождения через руки этого лица фальшивых знаков государственной оплаты и т. п.). Это одиночные факты, устанавливающие близкую связь лица с исследуемым преступлением, почти очевидную прикосновенность его к преступлению, хотя бы без достаточно полного выяснения роли и степени участия в престу-

плении, дают уже основание к привлечению заподозренного впредь до более подробного обследования других обстоятельств дела и до полного установления непосредственного участия этого лица в преступлении.

2. Что совершено, т.-е. какое преступное деяние учинено и подлежит расследованию? Определение этого момента требуется при самом принятии дела, до начала приступа к расследованию. Здесь важно, в особенности для нашего переходного периода, привыкнуть всегда ставить перед собою вопрос: имеется ли налицо вообще преступление.

Получается органом дознания или следствия заявление частного лица, сообщение учреждения или должностного лица, жалоба потерпевшего и т. п. В каждом отдельном случае принимающий такое заявление или жалобу должен, прежде всего, установить, о каком событии идет речь в данном случае или, как говорят, имеются ли в этом случае «признаки» преступного деяния.

Преступлением признается, по нашему законодательству, всякое общественно-опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени (6 ст. У. К.).

Под понятие преступления в этом смысле подходят как все деяния, предусмотренные особенной частью Уголовного Кодекса, так и другие, хотя прямо и непредусмотренные этим кодексом, но сходные с ними по признакам и квалифицируемые применительно к той или другой статье материального закона—«по аналогии», как говорят юристы (10 ст. У. К.).

Поэтому при получении сведений о совершенном, по мнению заявителя или убеждению жалобщика, преступлении, следователь должен раньше обсудить, является ли действительно по прямым указаниям уголовного закона и по смыслу и духу советского законодательства это деяние преступным, т.-е. уголовно-наказуемым.

Приведем для иллюстрации грубые примеры заявлений, подлежащих обсуждению с указанной точки зрения. Получает, например, следователь жалобу, в которой жалобщик обвиняет другое лицо в «мошенничестве» и излагает при этом суть дела, сообщая, что это лицо заняло у него деньги под расписку под видом, что деньги эти крайне нужны ему для похорон родственника, а оказалось, что эти деньги он потратил на развлечения, оттягивал уплату, обманывал и, в конце-концов, не заплатил долга. Прежними юристами подобное дело никогда не было бы принято для расследования, как не заключающее в себе признаков уголовно-наказуемого мошенничества. При этом жалобщику было бы отказано в производстве следствия и об'яснено, что данное дело есть вопрос гражданского правоотношения, и жалобщик может обратиться с своей претензией в гражданский суд о взыскании с ответчика долга по выданной последним расписке. С точки зрения нашего закона и нашего трактования фактов общественной жизни мошенничество, т.-е. злоупотребление доверием посредством обмана, тут налицо, и, помимо права на иск, потерпевший имеет право возбудить и уголовное преследование. И рядом другой пример: подается заявление о привлечении кого-либо за незаконное истребление имущества, при чем указывается, что обвиняемый, находясь у реки, около костра, из озорства сжег брошенный кем-то старый хлам из домашней утвари. В данном случае, наоборот, следует отказать в производстве расследования, так как даже сознательное истребление собственного имущества в подобном случае

не может быть признано наказуемым, как не нарушающее публичного интереса. Но если мы имеем аналогичный этому пример с сообщением, что такой-то промышленник умышленно потопил по неизвестным соображениям свой собственный огромный груз хлеба или другого товара, направлявшийся на его же собственной барже из одного места в другое, подобное дело должно быть принято для производства следствия, так как в указанном факте имеется наличность общественно-опасного деяния—умышленного истребления, хотя бы и собственного, принадлежащего владельцу имущества, но являющегося частью общенародного достояния, свободное распоряжение которым допускается со стороны собственника его только в известных границах, а именно за исключением тех случаев, когда права собственника «осуществляются в противоречии с их социальным назначением» (ст. 1 Гражд. Код.). Во всяком случае, подобный факт должен подлежать обследованию, и хотя он не подходит вполне под ст. 196 УК, но к нему может быть применен уголовный закон по аналогии.

Особо следует иметь в виду, что дела о некоторых преступлениях могут быть возбуждаемы только по жалобе потерпевшего в порядке частного обвинения. Таковы дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 153 I ч., 157, 172, 173, 174 и 175 У. К. (ст. 10 УПК)[1]). Поэтому, если органом дознания или следствия получается заявление о преступлении, предусмотренном указанными статьями У. К., но исходящее не от потерпевшего, это заявление не может быть принято для производства расследования.

Точно также не могут быть приняты для производства следствия дела о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 169, 198 и 199 У. К.[2]), если дела эти возбуждаются не потерпевшими или их законными представителями (ст. 11 и ст. 23, п. 7).

Впрочем, этот принцип также спорен, и в последнее время в советской юриспруденции сильно сказывается течение за полное устранение различия между делами, возбуждаемыми по частной жалобе, и всеми остальными делами.

По всем остальным преступлениям, преследуемым не в общем порядке, как официальные сообщения учреждений и общественных организаций, так и заявления и жалобы частных лиц служат законными поводами для возбуждения уголовных дел (ст. 91).

Таким образом, следователь, прежде чем принять дело и приступить к производству расследования, должен установить, какое преступление совершено; является ли вообще деяние, о котором ему сообщено, уголовно-наказуемым деянием, а в отдельных указанных выше случаях удостовериться, кроме того, имеется ли налицо волеизъявление потерпевшего, управомоченного законом на возбуждение уголовного дела.

В сомнительных случаях, когда по содержанию поданного следователю заявления трудно бывает выяснить преступность или уголовно-наказуемый характер деяния, о котором сообщается в заявлении, необходимо принять дело к производству, допросить жалобщика или заявителя, а в случае выяснившегося при допросе отсутствия признаков преступления в данном событии или деянии направить дело на прекращение в порядке I п. 105 ст. УПК.

---

[1]) Умышленное легкое телесное повреждение, личные оскорбления или клевета.

[2]) Изнасилование, корыстное использование чужого изобретения или привилегии, самовольное пользование в целях недобросовестной конкуренции чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком, рисунком, моделью, чужой фирмой или чужим наименованием.

3. Где, в каком месте, совершено преступление? Определение этого момента также требуется уже перед началом расследования, при принятии дела для производства следствия. Следователь производит предварительное следствие о преступлениях, лишь совершенных в границах его участка. Если место совершения преступления неизвестно, то предварительное следствие производится тем следователем, в участке которого обнаружено преступление или где проживает совершитель (ст. 123).

Поэтому следователь, получив сведения о совершенном преступлении, обязан до принятия дела к своему производству удостовериться—подследственно ли ему данное дело. Нередко жалобы и заявления потерпевших и акты дознания содержат сведения о преступлениях, неизвестно где совершенных, но обнаруженных в пределах участка следователя. Таковы дела о подлогах документов, подлежащие расследованию в местах обнаружения или предъявления этих документов; дела о растратах, расследуемые по месту передачи растратчику вверенного ему имущества, хотя бы самые факты расточения вверенного имущества происходили в другом месте; дела о фальшиво-монетчиках расследуются по месту задержания виновных и обнаружению поддельных денежных знаков, впредь до выяснения места фабрикации их, и т. д.

Наконец, в практике встречаются тяжкие и загадочные случаи убийств, место совершения которых неизвестно в первое время, но обнаружение трупа убитого требует производства немедленного расследования по месту его нахождения. Во всех подобных случаях после принятия следователем к производству дела о преступлении, неизвестно где совершенном, но обнаруженном в его участке, требуется производство расследования именно в этом участке, при чем обычно только выяснение места совершения этого преступления гарантирует успех расследования и дает возможность обнаружить виновников.

Обнаруживается, например, на станции Москва ж. д. прибывший багажом по железной дороге упакованный в корзину труп убитого человека. Следователь, в участке которого находится станция, принявший к своему производству это дело, прежде всего, должен выяснить, где совершено преступление; он производит осмотр и вскрытие корзины: по меткам и ярлыкам упаковки устанавливается станция отправления, положим, Харьков. Тщательно осматривается содержание корзины, описывается наружный вид трупа, вскрытием трупа устанавливается причина смерти, отмечаются подробно приметы убитого, одежда, тряпки и прочее содержимое, что может дать какие-либо указания на личность убитого, инициалы меток на белье, особенности костюма, характеризующие принадлежность убитого к тому или другому классу, профессии и т. п., делаются фотографические снимки трупа. Все данные осмотра корзины и ее содержимого сообщаются в Харьков соответствующим органам дознания для производства розыска. По этим данным уже легче установить в месте отправления груза личность убитого, местожительство его, его связи и знакомства, место и обстановку совершения преступления, а вместе с тем, возможно, и виновника преступления. По выяснении всех этих сведений, естественно, дело должно быть передано московским следователем следователю г. Харькова, в участке которого совершено убийство и сосредоточены все нити обнаруженного преступления.

Возникает вопрос: как должен отнестись следователь к сделанному ему заявлению по поводу совершенного кем-либо или готовящегося к совершению преступления по делу, ему неподследственному. УПК в 94 статье дает на

этот вопрос прямой ответ, обязывающий следователя и в этом случае принять заявление и затем направить его по подсудности. По вопросу о техническом выполнении требования, указанного в 94 ст., следует отметить, что, судя по контексту этой статьи и сопоставлению ее со 125 ст. УПК, следователь должен принять дело к своему производству лишь в том случае, когда требуется производство следственных действий, не терпящих отлагательства, после чего уже передает дело подлежащему следователю. Во всех остальных случаях следователь, не заводя у себя дела по неподследственному ему преступлению, ограничивается пересылкой заявления подлежащему следователю, в участке которого должно быть начато следствие. Все споры о подследственности дела между следователями разрешаются прокуратурой, которой предоставлено также право передачи всякого дела из одного участка в другой по тем или другим основаниям (ст. 127 и 124). В случае признания необходимости соединения в одном следственном производстве нескольких незаконченных следственных дел о нескольких преступлениях, совершенных одними и теми же лицами, но в различных местах,—по общему началу, установленному УПК, все дела об этих преступлениях, при условии общей подсудности их, должны быть переданы судебному следователю, в участке которого ранее было начато одно из этих дел. В случае же различной подсудности дел они должны быть сосредоточены у следователя, ведущего более важное по подсудности дело (ст. 33—37).

Во всяком случае, и такое соединение дел может последовать по распоряжению подлежащих органов прокурорского надзора в порядке, указанном 127 ст. УПК, хотя, конечно, следователи, у которых в производстве находятся дела об одном и том же лице, не лишены, каждый в отдельности, права по собственной инициативе возбудить через прокурора своего участка вопрос об об'единении таких дел с представлением надлежащей мотивировки.

При этом в одно следственное производство могут быть соединены дела как по обвинению нескольких лиц в соучастии в совершении одного или нескольких преступлений так и по обвинению одного и того же лица в совершении нескольких преступлений, однородных или связанных между собой единством намерения (ст. 117).

Из изложенного ясно, что место совершения преступления, определяющее подследственность и подсудность каждого дела, является одним из важнейших моментов расследования, и только правильное установление подследственности по месту совершения преступления может гарантировать успешность всего расследования в смысле доведения его до конца и до обнаружения личности совершителя преступления.

4. Когда совершено преступление? Точное определение момента времени совершения преступления, не только в днях, но в часах, а иногда и минутах, представляется также чрезвычайно важным в процессе расследования.

Благодаря неточному установлению времени, когда совершено преступное деяние, на практике, при обнаружении подозреваемого в преступлении лица бывает часто трудно проверить alibi (алиби) обвиняемого[1],

---

[1]) Установление обвиняемым своего alibi обозначает представление обвиняемым доказательств, что он в момент совершения преступления находился в другом месте, и притом в такой отдаленности от места преступления, что фактически не мог быть участником исследуемого преступления.

который пытается доказать свою непричастность к преступлению. Обнаружено, например, убийство 4-го января; последний раз видели живым убитого 1-го января; в какой из промежуточных дней совершено убийство—данные осмотра не дают точных указаний: в ночь на 2-е, на 3-е, а может быть на 4-е января. Спустя некоторое время по косвенным уликам задерживается подозреваемый в этом убийстве, который точно устанавливает бесспорными доказательствами, что в ночи на 3-е и 4-е января он был совершенно в другом месте, настолько далеко от места совершения преступления, что никоим образом не мог быть участником убийства. У следователя, не установившего точно день убийства, может, тем не менее, при наличности имеющихся косвенных улик составиться убеждение в участии этого подозреваемого лица в убийстве, тем более, что ведь убийство могло быть совершенно в ночь на 2-е января. Впоследствии новыми случайно обнаруженными данными может быть точно установлено, что преступление совершено в ночь на 3-е января, когда привлеченный, как уже доказано, не мог быть в месте совершения убийства. Но момент уже упущен; следствие привлечением мнимого подозреваемого виновника было направлено на ложный путь, и обнаружение ускользнувшего от преследования действительного совершителя представляется более трудным, а, может-быть, уже и невозможным. Между тем, для установления точного момента времени совершения обнаруженного преступления, у следователя всегда открываются те или другие возможности, основанные на догадке, логике или же на технических приемах исследования, о чем будет речь ниже. Один из них для иллюстрации мы укажем сейчас. Обнаружен труп убитого человека, который, как было известно окружающим, аккуратно брился ежедневно в определенный час дня. Найден он убитым через несколько дней после его исчезновения из дома; момент убийства, точное время, остается пока невыясненным. Между тем, осмотром трупа устанавливается, что длина колючек на губах и подбородке трупа равны такой-то доле миллиметра. Так как по научным исследованиям и наблюдениям известно, что волос на бритом месте вырастает на 0.021 миллиметра в час, или на полмиллиметра приблизительно в сутки, то по данным осмотра трупа можно в подобном случае точно установить даже час, в который был лишен жизни убитый.

Кроме изложенных выше оснований, определение времени совершения преступного факта — по возможности еще до начала расследования и всегда — требуется для того, чтобы установить в отдельных случаях, не погашено ли преступление давностью или амнистией.

Преследование за преступление не возбуждается, если со времени совершения преступления, наказуемого по Угол. Кодексу лишением свободы на срок выше одного года, прошло не менее пяти лет или если со времени совершения другого менее тяжкого преступления прошло три года. Преступление покрывается указанной давностью при условии: 1) если за все это время не было никакого производства или следствия по данному делу и 2) если совершивший преступление, покрываемое давностью, не совершил за указанный в настоящей статье срок какого-либо другого преступления (21 ст. Уг. Код.) [1]).

[1]) По делам о служебных нарушениях, подлежащих преследованию в дисциплинарном порядке, требуется, чтобы дисциплинарное производство было возбуждено не позднее одного года со времени совершения служебного проступка или упущения (пол. о дисциплинарных судах 7-го июля 1923 г., ст. 13).

Точно также некоторые преступления, учиненные до известного момента времени, напр., до такой-то годовщины Октябрьской революции, согласно постановлениям высших законодательных органов в порядке прав, предоставляемых конституцией, не подлежат возбуждению после акта об амнистии, а возбужденные подлежат прекращению.

Поэтому, по получении сведений о совершенном преступлении, если в этих сведениях точно указан момент совершения преступления, следователь еще до принятия дела к своему производству должен обратить внимание и уяснить, не погашено ли уже данное преступление давностью или амнистией.

При опубликовании нового акта об амнистии требуется своевременный пересмотр всех дел, находящихся в производстве расследования, и срочное направление тех из них, которые подпадают под акт амнистии.

При обсуждении момента совершения преступления нужно особо отметить дела о так-называемых *длящихся преступлениях*, в которых время совершения преступления может обнимать собою довольно продолжительный промежуток времени.

Под длящимися преступлениями разумеется ряд действий или состояний, направленных к достижению запрещенной уголовным законом цели, при чем все эти действия или состояния находятся в общей непрерывной связи и об'единены единством умысла или намерения, не являясь отдельными и вполне законченными самостоятельными преступлениями. Некоторые преступные акты являются то короткими однократными действиями, то длительными, продолжающимися несколько дней, месяцев и даже более. Так, например, организация и участие в бандах (76 ст. У. К.), изготовление и хранение преступной агитационной литературы (84 ст. У. К.), самовольное присвоение себе власти должностного лица (91 ст. УК), дискредитирование власти (109 ст. УК), растрата (113 ст. УК), расточение арендатором государственного имущества (129 ст. УК), систематическое хищение госимущества (180-а ст. УК), ростовщичество (193 ст. УК) и мн. др. по самому характеру своему могут охватывать довольно продолжительный период времени. При производстве следствия по таким преступлениям следует точно определять период времени, в пределах которого были совершены обвиняемым вменяемые ему в вину преступные действия.

При исчислении срока давности, покрывающего преступление, по делам о длящихся преступлениях следует исходить *от последних действий, произведенных при осуществлении преступного факта*, исчисляя начало их с того момента, когда совершитель преступления выполнил все, что необходимо было для осуществления им преступного намерения. Таким образом, моментом совершения преступлений для применения закона о давности в отдельных случаях признаются последние акты по выполнению длящегося преступления; например, момент вступления в преступную банду; момент обращения в свою пользу растратчиком последних остатков вверенной ему суммы; последние действия, имеющие признаки дискредитирования власти и т. п.

5. *Для чего, почему, с какой целью, учинено преступление?* Мотив, стимул, побудительная причина, толкнувшая виновника на преступление, вообще намерение и цель, с которыми преступник шел на преступление, имеют огромное значение в процессе расследования. Карательный закон, устанавливая наказание и меры социальной защиты против лиц, учинивших преступления, оценивает последние не только по

степени важности последствий, причиненных преступлением, а также по степени умысла и сознательности, проявленных преступником. Этот момент проникает как общие начала, изложенные в общей части нашего Уголовного Кодекса в отношении наказуемости преступления (11, 17 и 25 ст. УК), так и отдельные статьи особенной части Угол. Код., различая преступления, совершенные с умыслом, сознательно, недобросовестно, с заранее обдуманным намерением, и притом, с корыстными или иными личными целями, из мести, из низменных побуждений, в интересах восстановления власти буржуазии или вообще в контр-революционных целях и т. п., от преступлений, учиненных по невежеству, малосознательности, неосторожности, невнимательности и небрежности, без цели извлечения личной наживы и без явно низменных или злостных побуждений и т. п.

Поэтому естественно, что при расследовании каждого отдельного преступления,—за редкими исключениями мелких нарушений, безразличных с точки зрения целей,—выяснение внутреннего, суб'ективного момента преступления является необходимым и обязательным.

В некоторых случаях цель и мотив преступных действий настолько видоизменяют характер преступления, квалификацию его, что значительно ослабляют или даже исключают наказуемость за одни и те же об'ективные последствия совершенного преступного деяния или снижают ответственность за противозаконное деяние, например, в отношении служебных преступлений, до преследования в порядке дисциплинарном. Убийство влечет за собой различную наказуемость в зависимости от того, совершено ли оно из корысти, ревности, из других низменных побуждений, или под влиянием сильного душевного волнения, или, наконец, грубой неосторожности (142, 144, 147 ст.ст. У. К.), а если оно учинено в целях самозащиты и необходимой обороны от неотвратимой другими средствами опасности, то является совсем ненаказуемым (19 и 20 ст.ст. У. К.). Должностные лица за преступления, не имевшие особо тяжелых последствий и учиненные не из соображений корыстной или личной заинтересованности,—злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти и др.,—могут избежать судебного преследования и подлежать ответственности лишь в дисциплинарном порядке, если расследованием устанавливается, что эти служебные деяния или упущения произошли по недосмотру, по недостаточно внимательному отношению к делу и т. п. (105, 106, 107 и след. ст. У. К.).

Точное установление мотива преступления на основании осмотра места преступления, жертвы преступного деяния или вещественных доказательств при расследовании преступления влечет иногда за собой полное раскрытие преступления и нахождение виновного, остававшегося до тех пор необнаруженным.

Как на характерный пример в этом отношении можно указать на дело офицера Ландсберга, убившего в Петербурге (Ленинграде) около 50 лет тому назад ростовщика. По обнаружении убийства, осмотром трупа и квартиры ростовщика нельзя было получить сначала никаких указаний на преступника, при чем самая цель этого убийства представлялась непонятной; предполагавшаяся вначале цель ограбления не подтверждалась данными осмотра, так как из квартиры ростовщика никаких ценностей похищено не было. Следственная власть поставила себе естественный в данном загадочном деле вопрос: если ростовщик убит не с целью воспользоваться его ценностями, то надо выяснить, кому могло быть выгодно, интересно и нужно именно для какой-то другой цели это убийство? Вопрос, формулированный

римскими юристами словами: «cui prodest» (кому выгодно), в данном деле разрешил загадку. При тщательном пересмотре документов и переписок ростовщика, который аккуратно вел записи своих клиентов-должников с отметками о погашении их долгов, оказалось, что в списке должников по целому ряду векселей значился некий Ландсберг, который, однако, не был отмечен, как оплативший свои долги, а, между тем, в потревоженной связке векселей и долговых расписок в письменном столе ростовщика как раз только векселей Ланденберга не оказалось: они исчезли, как это было ясно по данным осмотра, после убийства. Кому могло быть выгодно из'ять из обладания ростовщика только векселя блестящего петербургского жуира Ландсберга, хотя бы путем убийства, не тронув ничего другого в квартире убитого ростовщика,—было ясно. В ближайшие же дни дело это было раскрыто: выяснение мотива, по которому совершено убийство, дало ключ к обнаружению виновного.

Изложенные соображения с очевидностью доказывают исключительную важность и необходимость выяснения при расследовании преступлений побудительных причин и поводов, целей и мотивов, которые могли направить волю преступника на совершение того или другого преступления.

6. Каким образом, при каких обстоятельствах совершено преступление? Этим вопросом определяется необходимость при расследовании преступлений по отдельным внешним фактам, устанавливаемым всеми приемами следственной техники, постепенно проследить весь процесс совершения данного преступления, начиная с того момента, когда преступник умыслил совершить преступление, и до того момента, когда он, осуществив свой замысел, воспользовался плодами преступления или стал заметать следы его.

Короче говоря, этот пункт семигранной формулы обязывает следователя совершенно об'ективно нарисовать возможно полную картину преступления, фактической обстановки его и отдельных действий преступника в их непосредственной и хронологической связи между собой. Это — момент расследования не единичный и не обособленный, как другие, а сам слагающийся из целого ряда фактических моментов, проходящих в процессе расследования. Как художник восстановляет рассыпавшуюся на мелкие кусочки мозаичную картину, чтобы все отдельные кусочки заполнили рамку и давали ясный рисунок известного содержания, так следователь, производя отдельные следственные действия, составляет, в конце-концов, связный описательный рисунок исследуемого преступного события.

Получены следователем сведения о совершенном бандитском налете, учиненном с целью ограбления. Помимо установления в процессе предварительного следствия всех других моментов нашей формулы, следователь путем допросов потерпевших и свидетелей, осмотров, освидетельствований и т. д., при содействии в нужных случаях органов дознания и розыска, должен вскрыть всю картину преступления и выяснить: откуда банда явилась в помещение, подвергнувшееся нападению, какими путями и входами проникла в помещение, какие действия и какую роль выполнял каждый из участников нападения, какие изменения были произведены во внешней обстановке того помещения, где совершено ограбление, какие хранилища были взломаны, что похищено, какому насилию подверглись потерпевшие, куда и в каком порядке скрылись виновники, как распределили и куда девали свою добычу, — все это должно быть ясно из совокупности изложения произведенных действий органов дознания и следствия.

По сложному делу о преступлениях, являющихся характерной особенностью нашего экономического быта, напр., о бесхозяйственности, предусмотренной 128 ст. Уг. Код., следователь в результате своего исследования также должен дать полную фактическую картину бесхозяйственной деятельности представителей того или другого хозяйственного органа: какие операции, сделки, действия или распоряжения были произведены лицами, которым вменяется в вину бесхозяйственность, с кем из контрагентов входили они в невыгодные договорные и иные отношения, как проводились отдельные операции, какие излишние, ненужные, накладные расходы производились по отдельным операциям и какой убыток эти операции давали, в чем выражались небрежность и легкомысленное отношение виновных лиц к делу и отсутствие у них надлежащего хозяйственного учета выгодности или убыточности тех или других операций, каким путем, через кого и на каких условиях приобретались, отчуждались или продавались те или другие материальные ценности или продукция данной хозяйственной организации, какие результаты имело бесхозяйственное ведение дела, в каких суммах исчисляются убытки, как была поставлена отчетность в приходо-расходовании сумм и какими книгами и документами, проведенными через экспертизу, подтверждается общая бесхозяйственность ведения дела в данном хозоргане.

При исследовании каждого отдельного преступного события выяснение тех или других внешних моментов или действий, из которых слагается полная картина преступного события, конечно, является вопросом факта. Насколько по своей фактической обстановке разнообразны отдельные преступления, обнаруживаемые в нашей уголовной практике, настолько же разнообразны будут отражения этих преступных фактов, содержащиеся в протоколах предварительного следствия. Поэтому здесь менее всего может быть дано общих указаний, трафаретных программ, планов или вопросных пунктов, которые могли бы быть общими и пригодными для расследования всех разнообразных уголовных казусов следственной практики.

7. Какими средствами, при помощи каких орудий или приспособлений совершено преступление? Под орудиями и средствами, употребляемыми для совершения преступлений в широком смысле понимаются как вещественные материальные предметы, при помощи которых совершаются преступления (нож и револьвер при убийстве; ломик и стамеска при взломе; литографский камень, краски, станок и т. п. при подделке дензнаков, приспособления для приготовления спиртных напитков при самогоне и т. п.), так и невещественные приемы и способы, которыми пользуется преступник, чтобы преодолеть препятствия и легче осуществить свое преступное намерение (психическое насилие, угрозы и увещания при изнасиловании, при сводничестве и вовлечении в проституцию; слова и действия, употребляемые при публичных оскорблениях, при проявлении дискредитирования власти, при разглашении служебной тайны; наконец, гипнотическое внушение, которое в редких случаях практикуется преступником, чтобы парализовать волю и сопротивление жертвы, и т. д.).

Часто в преступлениях одного и того же рода, особенно учиненных при соучастии нескольких лиц, преступная организация, банда, шайка и т. д пускает в ход одновременно целый ряд самых разнообразных средств, орудий, приспособлений и приемов, как при подготовке к преступлению, так и при осуществлении задуманного преступления: подговор соучастников, изготовление и распространение литературы, заготовка оружия, употребление его

в действие и применение угроз и насилия при самом совершении выполняемого преступного акта и т. п.

Бесконечно разнообразны способы, средства и орудия, употребляемые хотя бы при одном из квалифицированных видов краж — при кражах со взломами: подкоп лопатой, скребком или другим предметом, взлом преград при помощи лома, топора, ножа, пилки, механической работы коловорота или другого орудия и даже химических средств, делающих мягкими и проницаемыми металлические стены хранилищ.

Нельзя игнорировать тщательное выяснение и описание при расследовании тех простых или сложных орудий и приемов, которые применял преступник при совершении данного преступного деяния; эти моменты в каждом отдельном случае «квалифицируют», как говорят юристы, данный преступный факт, относя его к более серьезным и опасным видам преступных деяний одного и того же рода, усложняя и усиливая ответственность совершителя преступления в зависимости от характера и сложности орудий и средств, которыми воспользовался преступник, от степени изобретательности, которую он проявил в своей преступной работе. Кражи со взломом, совершенные при помощи орудия «фомки» [1]) или путем разрушения двери или стены хранилища механическими приспособлениями и химическими средствами, расцениваются судом различно, так как действия преступника, употребляющего более дорогие и технически сложные орудия и способы при совершении преступления, при прочих равных условиях представляются более опасными, чем действия преступника, работающего простейшими орудиями и средствами. В тех случаях, когда средства и орудия преступления, как и другие вещественные доказательства, при следственном осмотре возбуждают сомнение в смысле точного установления их прямого назначения или значения их в данном деле, следователь обязан обратиться к экспертам, сведущим людям для раз'яснения сомнительного вопроса. Какой-нибудь специальный инструмент, служивший орудием преступления и употребляемый обычно исключительно для работ той или другой профессии или ремесла, может навести на личность преступника. Экспертиза, произведенная через психиатра с целью выяснения вопроса о возможности в данном случае гипнотического влияния обвиняемого на потерпевшую, или экспертиза через механика или химика по вопросу о значении и силе тех или других механических или химических средств, которые применялись обвиняемыми, конечно, полнее осветят дело и раз'яснят те не совсем понятные для неспециалиста обстоятельства дела, которые влияют на квалификацию преступления и на степень ответственности виновника этого преступления.

Все указанные семь моментов, входящих в состав вопросной формулы, вполне и исчерпывающе охватывают расследование всякого преступления, как бы сложно, запутанно и продолжительно оно ни было.

Наш УПК, хотя точно и четко не разграничивает всех указанных, подлежащих выяснению моментов преступления в отдельных руководящих статьях, однако, упоминает о них, как о необходимых пунктах, которые обобщают все содержание следственных материалов в составляемых при расследовании постановлениях и протоколах.

---

[1]) «Фомка»—железный короткий ломик с заостренным или плоским изогнутым концом, употребляемый профессиональными ворами — домушниками, т.-е. совершающими кражи из домов и домовых построек.

Так, требуется, чтобы при составлении постановления о привлечении обвиняемого в нем было указано: обвиняемый, время, место и другие обстоятельства совершения преступления (ст. 129).

Дело направляется следователем для предания обвиняемого суду, — сказано в УПК, — после того, как установлены: событие преступления, личность обвиняемого, место, время и мотивы совершения преступления (ст. 207).

Наконец, требуется, чтобы в резолютивной части обвинительного заключения были указаны, как личность обвиняемого, так и место, время, способ и мотивы совершения преступления (ст. 210).

Таким образом и процессуальный закон отмечает эти необходимые для каждого расследования моменты: кто (личность обвиняемого), что (событие преступления), где (место), когда (время), цель (мотивы), каким образом и при помощи каких средств и орудий (способ и другие обстоятельства совершения преступления).

Если, заканчивая и направляя дело в порядке подсудности, следователь охватит общим взором всю проделанную им работу и увидит, что составленное им обвинительное заключение соответствует материальному закону в смысле правильности квалификации преступления согласно той или другой статье Угол. Кодекса, что оно удовлетворяет и требованиям процессуального закона в смысле выяснения всех указанных моментов преступления, что резолютивная часть этого заключения есть точное подведение итогов расследования и вывод из описательной об'ективной части заключения, — следователь может быть уверен, что расследование по данному делу произведено им с надлежащей полнотой, ясностью и точностью и может быть возвращено к доследованию разве только в исключительном случае для проверки вновь открывшихся впоследствии существенно-важных обстоятельств по делу.

ГЛАВА VIII.

Необходимость соблюдения тайны расследования.

Одним из весьма важных условий, обеспечивающих успешность расследования по уголовному делу, в смысле полного и всестороннего раскрытия истины, является соблюдение в известных случаях и в известных пределах тайны расследования, т.-е., ограждение сведений и материалов, полученных или добытых дознанием и предварительным следствием, от преждевременного оглашения их среди населения или опубликования их в печати.

По общему принципу нашего законодательства уголовные дела, поставленные после их предварительного расследования на суд, слушаются в публичных судебных заседаниях. Принцип публичности или гласности процесса имеет глубокое обоснование: интересы карательной политики требуют, чтобы дела о преступных деяниях, угрожающих основам советского строя и правопорядка, слушались в открытых судебных заседаниях, доступных широким массам населения; этим обеспечиваются, как правильный контроль за отправлением правосудия со стороны самого рабоче-крестьянского населения, так и мобилизация общественного мнения, т.-е. проведение в массы при помощи публичного судопроизводства и укрепление в них правовых идей и начал советской карательной политики.

Однако, и гласность судебного разбирательства имеет известные границы: те дела, в которых могут быть при разбирательстве затронуты вопросы, имеющие значение военной, дипломатической или государственной тайны, а равно дела, рассмотрение которых сопряжено с оглашением обстоятельств, затрогивающих область интимной жизни, честь или стыдливость потерпевшей от преступления женщины, могут по постановлению суда слушаться в закрытых судебных заседаниях (19 ст. УПК).

В период производства дознания и предварительного следствия расследование по делу о преступлении ведется, как мы уже видели, негласно. Это недопущение гласности в процессе предварительного расследования имеет также свое обоснование.

Прежде всего, разоблачение некоторых обстоятельств дела и вообще оглашение добытых при расследовании сведений в отдельных случаях всегда может помешать успеху расследования. Например, необнаруженный виновник совершения преступления, осведомленный через оглашенные в печати или иным путем о некоторых подробностях, которые уже выяснены или обнаружены при расследовании, может легче сокрыть или замести следы своего участия в деле: не подозревая, например, что он оставил на месте преступления оброненную им оторвавшуюся от его костюма приметную пуговицу или характерный след подошвы своего сапога, он, узнав об этом, конечно, постарается уничтожить или переменить костюм или обувь, и, в случае возможного обыска у него при возникшем против него подозрении, расследование лишится прямой улики, изобличающей его в преступлении. Поэтому весьма опасно, например, привлекать даже к осмотрам места совершения преступления,—при которых круг лиц, присутствующих при расследовании, обычно расширяется (понятые, потерпевшие, представители фабкома, домоуправления и т. п.),—лишних посторонних лиц: в практике расследований были случаи, когда необнаруженные еще виновники преступления оставались вблизи места совершения преступления и терялись в праздно-любопытствующей толпе, чтобы быть в курсе дела и узнать, какие сведения будут органами дознания или следователем получены при осмотре; бывали случаи, что участники убийства, впоследствии изобличенные, попадали в понятые при осмотре и вскрытии трупа, при чем, когда перед этим приглашались понятые, они выступали из собравшейся около трупа толпы и охотно соглашались принять на себя иногда тяжелую обязанность участия в акте осмотра в качестве понятых.

Помимо этого, преждевременное широкое осведомление посторонних лиц об обнаруженных при расследовании обстоятельствах дела, в некоторых случаях, несправедливо затронуло бы и нарушило личные интересы неприкосновенного к делу лица или даже потерпевшего. Возникает, например, по косвенным слабым доказательствам, которые подлежат еще проверке, подозрение против какого-либо лица: сведения, бросающие на него тень подозрения становятся достоянием всех и каждого, а, между тем, через некоторое время, хотя и не обнаружен действительный виновник, подозрение с этого лица снимается в виду обнаруженной полной его непричастности к делу; между тем, последующие данные расследования могут уже не быть известными в подробностях посторонним лицам, а по первым оглашенным сведениям заподозренный в глазах окружающих уже считается опороченным.

Должностное лицо, против которого возбуждено преследование, может быть неосновательно заклеймен названием растратчика, бесхозяйственника,

расхитителя народного достояния, в то время, как дело о нем, может-быть, будет прекращено за отсутствием улик или состава преступления и т. п.

При обыске у лица, которое не будет привлечено в качестве обвиняемого, могут быть выяснены компрометирующие (порочащие) его обстоятельства, которые могут иметь некоторое отношение к делу, но не подлежат оглашению.

Наконец, по делам о преступлениях в области половых отношений, возбужденных самими потерпевшими, часто в интересах бережного отношения к женской чести и стыдливости требуется сохранение тайны вплоть до неоглашения самого факта или фамилии потерпевшей даже на суде.

Поэтому естественно, что наш закон правильно запрещает оглашать тайну расследования, признавая подлежащими публичному оглашению данные, добытые предварительным следствием «лишь в том об'еме, в каком следователь признает это возможным; опубликование данных предварительного следствия без разрешения следователя преследуется по закону» (115 ст. УПК).

Нарушение этого запрета карается по 104-б [1]) ст. Угол. Код., при чем в этой статье карательного закона указано, что для оглашения данных дознания требуется соответствующее разрешение прокурора, а для оглашения сведений из материалов ревизии рабоче-крестьянской инспекции необходимо получить разрешение ответственного за производство ревизии должностного лица.

В виду особой опасности опубликования материалов ревизии, в которых фигурируют должностные лица и ответственные руководители хозяйственных органов и в которых в процессе ревизионного производства не всегда бывает достаточно полно выявлена степень участия в преступлении этих лиц и зазорность или личная заинтересованность их, следует особенно осторожно относиться к оглашению материалов ревизии.

В 1923 году Наркомюстом по соглашению с НКРКИ был издан специальный циркуляр, в котором указано, что для оглашения данных ревизии — в отношении органов РКИ — требуется на местах разрешение заведующих губотделами РКИ, а в центре Наркома РКИ или членов коллегии (цирк. НКЮ от 10 января 1923 г., № 8). В этом циркуляре указано также, что нарушение этого запрета карается по 117 ст. Угол. Код. [2]).

Так как новелла 104-б ст. Угол. Код. является позднейшим наслоением закона по сравнению с 117 ст. Угол. Код. и издана 10 июля 1923 г. (С. У. № 48, ст. 479), то следует признать, что за нарушение запрета об оглашении м а т е р и а л о в   р а с с л е д о в а н и я по уголовным делам виновные подлежат привлечению по 104-б ст. Угол. Код.; тогда как по 117 ст. Угол. Код. подлежат привлечению обвиняемые лишь в случаях разглашения тайны расследования из корыстных или личных видов и т. п. (с последствиями по 1 ч. 105 ст. УК), а равно и за всякое разглашение ведомственных служебных тайн (с последствиями по 1 или 2 ч. 105 УК).

---

[1]) Постановлением ВЦИК и СНК от 25 августа 1924 г. в Угол. Кодекс введена статья 104-а об ответственности за уклонение от обязанностей заседателя в с де, и в соответствии с этим указанная выше в тексте 104-б ст. Уг. Код. сделана статьей 104-в.

[2]) В настоящее время издается еще один специальный закон того же порядка, запрещающий оглаш ние оез просмотра руководителя судебного заседания данных судебного следствия и обвинительных актов.

Разрешая вопрос о том, в каком же об'еме следователь может допускать опубликование или оглашение данных предварительного следствия, следует сказать, что норма этого об'ема должна быть в каждом отдельном случае основана на соображениях целесообразности. Никакой опасности, например, и вреда для следствия не может произойти, если достоянием гласности станет факт с более или менее подробным описанием обстановки преступления по делу о каком-нибудь бандитском налете, накрытом милицией, с задержанием на месте всех соучастников и полным выяснением дела, или о какой-нибудь краже, по которой виновник задержан с поличным и сознался и т. д.

Однако, в таких случаях следует принять за общее правило, что и с т о ч н и к и д о к а з а т е л ь с т в по делу не должны быть сообщаемы и излагаемы в публичных или оглашаемых сведениях: не говоря, уже, конечно, об агентурных данных, по которым начато было дело или по которым были получены первоначальные указания на виновника, безусловно не следует сообщать для опубликования сведений и о том, что у обвиняемого, например, при обыске были найдены изобличающие его такие-то предметы или такие-то свидетели дали те или другие важные показания, послужившие к обнаружению преступника, и т. д. Сообщение подобных сведений может вызвать в иных случаях акты мести или известное воздействие на свидетелей со стороны прикосновенных к делу лиц или необнаруженных соучастников обвиняемых.

Вообще же следует признать, что данные расследования по каждому отдельному делу должны сохраняться втайне постольку, п о с к о л ь к у с о б л ю д е н и е э т о й т а й н ы и л и н е о б х о д и м о в и н т е р е с а х р а с с л е д о в а н и я: в с м ы с л е б о л е е у с п е ш н о г о р а с к р ы т и я и с т и н ы, о б н а р у ж е н и я в и н о в н и к о в и и х и з о б л и ч е н и я, и л и ж е п о с к о л ь к у э т о в а ж н о в и н т е р е с а х у ч а с т в у ю щ и х в д е л е л и ц, в ч а с т н о с т и, п о т е р п е в ш и х в с м ы с л е о г р а ж д е н и я и х о т к а к и х л и б о н е п р и я т н ы х, о п а с н ы х и л и п о з о р я щ и х и х с л у х о в и л и с п л е т е н.

При этом следует иметь в виду, что по многим делам, в которых в указанных выше пределах, тайна расследования и не имеет даже особого значения, многие обстоятельства дела и подробности криминала (преступления) становятся обычно известными, широкой массе населения, помимо органов дознания и следователя, благодаря общению на стороне, между свидетелями, случайному участию посторонних лиц на месте преступления и т. п.

Было бы, однако, чрезвычайно непоследовательным с точки зрения нашего законодательства, признающего широкую гласность и важное общественно-воспитательное значение прессы, опубликовывать до судебного рассмотрения материалы расследования с об'явлением о неосужденных судебными приговорами должностных лицах, привлекаемых к ответственности.

Когда в 1923 году на совещании ответственных работников Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции обсуждался проект нового положения о РКИ, высказывались соображения против предоставления Наркомату РКИ права оглашать в печати результаты ревизии с персональным указанием лиц, дела о которых подлежат передаче судебной власти, однако коллегией НКРКИ было признано необходимым сохранить это право за РКИ.

Тем не менее, практика РКИ показывает, что Наркомат, осуществляющий ревизионные функции, прежде всего, в целях улучшения госаппарата, а не уловления и изобличения виновных в преступлениях должностных лиц, пользуется с крайней осторожностью и в исключительных случаях правом об'явления в прессе о лицах, уличенных при ревизии в преступлениях, тем более, что по новому положению такое опубликование допускается лишь в тех случаях, когда наличие обстоятельств, уличающих должностное лицо в преступлении, не отрицается руководителями соответствующих ведомств и учреждений (Собр. Узак. 1923 г., № 109—110, ст. 1042, п. 23).

Сопоставляя изложенные выше указания закона по вопросу об оглашении данных расследования с предоставлением самому следователю права определять об'ем сведений, разрешаемых для опубликования, мы рекомендовали бы следователям в отдельных случаях, когда общественный интерес требует уступить просьбам представителей прессы о предоставлении им для напечатания сведений об обстоятельствах, выясненных следствием по тому или другому выдающемуся делу, предварительно входить об этом в соглашение с прокурором, чтобы последний в исключительных случаях мог даже снестись по этому вопросу с Центральной Прокуратурой.

В заключение следует отметить, что для следователя представляется чрезвычайно важным весьма часто сохранение тайны не только выявленных уже конкретных данных расследования, но и предположенных или намеченных им следственных действий.

Бывают случаи, когда следователь в процессе расследования намечает, выжидая наступления известных условий, производство таких следственных действий, от которых ожидается получение решающих в смысле направления дела, доказательств. Так, например, следователь предполагает произвести внезапный обыск у лица, которое, по сведениям следователя, не может даже подозревать возможности такого обыска и совершенно не ожидает его; или следователь предполагает момент привлечения подозреваемого приурочить к известному времени, когда возможно будет арестовать обвиняемого в определенном месте случайного его нахождения или в известной обстановке; при этом следователю необходимо для таких внезапных следственных действий выехать из места своего пребывания за несколько верст.

В подобных случаях не только нельзя говорить вообще о возможности оглашения таких намерений следователя, но не следует посвящать в план этих действий даже лиц, близких к следователю по работе или по каким либо другим отношениям. В этих случаях заготовленные постановления, излагающие основания к производству намеченных следственных операций (обыск, пред'явление обвинения и арест), должны храниться у следователя под особым секретом: может-быть, об этом не должны знать в иных случаях даже сотрудники технического персонала следственной части, а самый выезд и время его до момента от'езда следователя полезно бывает маскировать.

Все эти предосторожности необходимо иметь в виду не в силу недоверия к окружающим или опасения умышленного разглашения ими намерений следователя в целях предупреждения заинтересованных лиц, а просто из ограждения успеха расследования от всяких неожиданных случайностей; весьма часто преждевременное осведомление следователем тех или других лиц о предстоящем выезде в то или другое место или одна передача для переписки даже надежному лицу проекта постановления или какого либо официального отношения случайно делаются известными другому близкому

к этому лицу работнику и т. д.; при известной обывательской чуткости и настороженности населения, особенно в уездах, в отношении громких уголовных дел тайна следователя таким путем может преждевременно сделаться известной тем лицам, которым это безусловно знать не надлежит: намеченное следователем мероприятие может окончиться напрасной тратой времени и безуспешным провалом предпринятой операции.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

Методы работ органов расследования.

ГЛАВА IX.

Творчество в расследовании.

Наш анализ семичленной формулы привел нас к выводу, что при всех условиях больше этих общих указаний трудно дать что-либо в руки следователю при расследовании каждого отдельного преступления. Отсюда следует, что за пределами этих общих указаний идет уже область творчества, которая присуща следовательской работе и от которой не может уйти ни один следователь.

Поверхностный, казенный, бюрократический и ремесленный подход к делу, без творческой работы со стороны следователя не даст надлежащих результатов и не всегда поможет ему обнаружить истину в данном деле и всесторонне и полно осветить дело.

Поэтому вопрос о творчестве в работе по расследованию преступлений является не праздным вопросом и не академическим, тем более, что разрешение его связано с вопросом о методах, которые на практике применяет каждый следователь. Эти методы, не оформляя их в своем сознании, и не придавая им силы обязательного требования, мы привыкли называть умелым подходом к делу, житейским опытом или случайной ловкой догадкой.

Деятельность следователя, расследующего конкретное, реальное (действительно случившееся) событие, подобна в этом отношении работе ученого естествоиспытателя, физика, геолога, химика и т. д., которые исследуют природу, наблюдают отдельные явления, группируют их, отделяют случайное от общего, несущественное от существенного, оценивают наблюдаемые явления и приходят к тем или другим выводам, которые дают в результате бесспорную об'ективную истину.

Теми же путями, которыми идет при исследовании естествоиспытатель-натуралист, открывая научную истину, приходит к установлению истины и обнаружению уголовного преступления и следователь. И то и другое, однако, — творчество, и должно трактоваться, как таковое. Вот почему чрезвычайно важно проанализировать (т.-е. разложить, раскрыть, уяснить отдельные элементы) весь процесс той творческой работы, которую совершает следователь, и суметь понять ее существо, так как этот анализ даст возможность всякому производящему расследование, проконтролировать самого себя в своей работе и отграничить об'ективные, безусловно точные и верные факты расследования, которые он закрепляет в протоколах, от выводов или заключений, которые он делает из них в целях обнаружения

истины и которые излагаются следователем в его постановлениях. Вся совокупность актов расследования, если мы просмотрим любое дознание или следствие, слагается из трех основных по существу действий. Короче говоря, как мы увидим сейчас, расследование есть творческий трех-акт.

1. Каждый производящий предварительное расследование преступления, прежде всего, устанавливает факты, выясняя и обрисовывая в своих протоколах картину преступления, обстановку его, совершенно об'ективно и точно. Осмотрами устанавливается, в каком положении и виде найден труп, какие предметы или документы найдены, их размеры, формы, внешний вид, содержание или состав и т. д., определяются расстояния или делаются измерения для установления тех или иных взаимоотношений лиц или предметов, фигурировавших (проходивших) в процессе преступного события и т. д. Освидетельствованием потерпевшего выясняется картина повреждений, причиненных ему обвиняемым, описываются точно следы этих повреждений и изменения, являющиеся последствием их в организме. Свидетельскими показаниями выясняются и записываются в протоколы допроса те же данные в том виде, как свидетель об'ективно запечатлел в своей памяти событие: что он видел, слышал, осязал и т. д. Все это фиксируется в актах без всякой примеси личного впечатления следователя: суб'ективного отношения следователь или агент дознания не должны в этих протоколах высказывать, а также и не могут из'ять из своего наблюдения или не описать того, что при осмотре или допросе по существу самого дела об'ективно имеет значение.

Поэтому спокойное, беспристрастное и точное описание того, что наблюдается в действительности, что носит следы совершенного преступления и что видит сам следователь и узнает от очевидцев или вообще свидетелей,—это есть первый творческий акт следователя, проходящий через все расследования и закрепляемый в протоколах. Творческим он является постольку, поскольку от следователя требуется искусство фотографически точно описать при осмотре, обыске, допросе и т. д. именно то, что может иметь значение для дела.

2. Одновременно с этим процессом наблюдения, собирания и фиксирования фактов, событий и отдельных моментов их совершения происходит другой творческий процесс: оценка выясненных и установленных об'ективных данных. Здесь уже следователь проявляет свою личную инициативу, находчивость и способность правильно и естественно об'яснять значение тех или других моментов. Суметь правильно оценить значение какого-либо мелкого, непонятного на первый взгляд обстоятельства, об'яснить нахождение того или другого предмета в необычном месте и виде, установить правильное взаимоотношение или причинную связь отдельных фактов,—это часто трудная, но всегда необходимая творческая работа следователя. В помещении, где обнаружен труп убитого, найден чистый листок почтовой бумаги и карандаш на обеденном столе, где ранее этого листка никто из обитателей этого жилища не клал; на месте обокраденного жилого помещения на полу обнаружены капли засохшего стеарина; у подозреваемого в изнасиловании обнаружен свежий след укуса на пальце руки; у убитого в кармане найдены счета ресторана, записка с адресом и т. д. Все эти мелочи должны получить свое об'яснение, они должны быть оценены, как факты, могущие дать ключ к раскрытию преступления, как доказательства, могущие послужить к изобличению совершителя преступления

и, главное, все эти отдельные мелочи должны быть приведены в причинную связь с другими данными дела, т.-е. получить естественное, правдивое об'яснение, и подтверждены дальнейшей проверкой.

Такое умение об'яснить значение отдельного, на первый взгляд неважного и не вполне понятного обстоятельства или факта в деле, связать его с цепью других установленных фактов, проверить эту связанность фактов и, таким образом, воссоздать полную картину исследуемого преступления— есть второй творческий момент в работе следователя. Этот момент в сложных делах о преступлениях, совершенных несколькими соучастниками, требует, кроме того, умелой группировки улик, выяснения значения отдельных предметов или фактов в отношении каждого участника преступления в отдельности. Так, например, нахождение некоторых предметов или установление тех или других фактов при обыске у участников банды или группы фальшивомонетчиков и т. п. при надлежащей оценке этих данных может повести к правильному установлению роли и степени участия в деле отдельных виновников преступления (организаторы, главари, пособники). Соображения следователя, дающие об'яснение значению тех или других фактов в деле и их связи с исследуемым событием, находят отражение в постановлениях следователя, об'ясняющих необходимость принятия той или другой меры при производстве расследования (например, необходимость произвести обыск, осмотр предмета через эксперта, освидетельствование через врача, поручить произвести негласное дознание, сделать выемку почтовой корреспонденции и т. д.). Все эти действия должны быть предварительно обоснованы и мотивированы, при чем в большинстве случаев эти предположенные меры или следственные действия, основанные на личной оценке следователем тех или других данных, в этот момент имеет значение только предположений или основательных подозрений следователя, которые требуют в дальнейшем проверки.

3. Третий творческий акт следователя заключается в *обобщении добытых им при расследовании данных и в изложении их в хронологической (временной) последовательности и в их логической естественной связи и фиксировании из них определенных выводов.*

Когда все обстоятельства дела настолько выяснены, что шаг за шагом картина преступного события вырисовывается по актам дознания и следствия достаточно полно, когда значение отдельных моментов дела об'яснено и проверено, когда отдельные факты, из которых слагается событие преступления, представляются связанными между собой естественной причинной связью,—тогда построенные по материалам дознания или следствия определенные выводы также облекаются следователем в форму постановлений; таковы постановления о привлечении обвиняемого, о прекращении дела, обвинительное заключение и т. п. Необходимым условием этого третьего творческого акта в процессе работы следователя является логичность построения данного заключения: необходимо, чтобы выводы из материалов следователя, его заключение, естественно, вытекали из добытых данных, а не были искусственной подтасовкой фактов или гадательными предположениями, основаными на неясных, непроверенных данных.

Таким образом, работа по расследованию преступлений, в особенности по наиболее сложным делам, является, несомненно, актом творчества, который разлагается на три основных творческих акта: 1) *об'ективное исследование* и *наблюдение* отдельных моментов преступного

события, собирание их и описание в протокольных актах; 2) субективная оценка и об'яснение следователем значения отдельных фактов, предметов, моментов и их связи между собой в общем процессе совершения преступления и 3) логические выводы, неизбежно вытекающие из всех установленных и проверенных материалами следствия фактических данных.

ГЛАВА X.

Логические методы, применяемые в процессе расследования в связи с общим учением о доказательствах.

Установленные нами выше три стадии в творческой работе следователя, каждая в отдельности, распадаются на ряд отдельных действий или актов умственной или мыслительной способности следователя и, в свою очередь, сводятся к применению им двух основных методов при наблюдении, описании событий или составлении постановления, а именно во всех этих стадиях следователь не только описывает (протоколирует) и оценивает (сравнивает), но и умозаключает (делает выводы). Отсюда умение правильно оценить доказательства, и сделать из них правильные выводы—таковы два основных качества, которым должен отвечать каждый умелый следователь. Эти два качества и представляют собою отражение на практике тех двух основных методов, которыми оперирует всякий следователь. Один из них излагается в особой науке об оценке доказательств, другой в общей части логики—об умозаключениях. Остановимся подробнее на обоих, а первоначально на втором, как на более простом и общеизвестном.

Под умозаключением мы понимаем вывод, выражающий наше суждение о чем-нибудь, которое мы считаем логически правильным, как вытекающее из ряда других положений, признаваемых нами бесспорными.

Каждая высказанная мысль, каждое суждение, утверждающее тот или иной факт или отрицающее его, основаны на какой-нибудь предпосылке, на другой мысли, которая представляется бесспорной истиной для данного суб'екта, высказывающего суждение.

Если кто-нибудь говорит в большом обществе: «Через сто лет никого из нас не будет на свете», он высказывает суждение, построенное на следующих неоспоримых, истинных предпосылках: 1) бессмертия нет, все люди, в конце-концов, умирают и 2) редко в жизни кто-нибудь доживает до ста лет. На этих двух мыслимых и понятных всем истинах построено правильное логически суждение, которое и называется умозаключением.

Естественно, что умозаключения или суждения по поводу одного и того же факта, высказанные разными лицами, могут быть различными: одни логически правильными, другие нелогичными, т.-е. неправильными, в зависимости от того, насколько бесспорны или достоверны те самые предпосылки, на которых основаны эти умозаключения.

Каждый факт имеет свою логику: события или явления, следующие одно за другим, в природе, в жизни отдельной личности, в сфере душевных явлений и т. п., находятся в причинной связи между собой, и одно об'ясняется другим. В воздухе стало холоднее,—и ртуть в градуснике опустилась, как естественный результат этого понижения температуры. Человек вышел ночью на улицу, подвергся нападению грабителя, получил удар ножом,

добрался до своей квартиры или до милицейского участка, ослабел и упал; грабитель убежал, но на его ноже и на одежде остались следы крови: этот целый ряд фактов находится в причинной связи между собой, и капли крови на ноже, найденном спустя несколько дней у грабителя, имеют свою историю, свою логику, свое об'яснение.

Наши выводы и заключения, содержащие суждение о причинной связи наблюдаемых нами фактов, об их последовательности, есть результат логического процесса, при помощи которого мы оцениваем каждый данный факт, устанавливая внутреннюю или внешнюю связанность его с другими.

Правильное логически построение доказательств в заключениях при дознании и следствии имеет огромное значение в деле расследования преступлений. Каждый вывод, имеющий доказательную силу, должен логически вытекать из фактов, на которых он основан, и устанавливать связь или последовательность отдельных фактов. Только тогда заключения и выводы о доказательной силе фактов будут иметь значение бесспорной истины или достоверности. Уменье правильно строить выводы, как бы оно ни было просто на первый взгляд, на самом деле вовсе не так просто и требует и большой практики, и большого навыка, и определенной степени умственного развития.

Второе качество, необходимое для следователя,—уменье правильно оценивать доказательства,—требует сверх того, кроме опыта и навыка, и основательного знакомства с наукой об уголовных доказательствах. Мы попытаемся изложить сейчас основные выводы этой науки.

Особая отрасль науки — криминалистика или учение об уголовных доказательствах — учит различать и точно разграничивать отдельные факты, имеющие значение доказательств, с точки зрения их достоверности. В уголовной практике, как и в жизни, оценивая факты, события, поступки людей, мы всегда делаем логические выводы, и в одном случае эти выводы являются безусловно истинными или достоверными, в другом только вероятными, в третьем более или менее правдоподобными или сомнительными, а иногда ложными и явно неверными.

Правильная постановка расследования преступлений требует, чтобы устанавливаемые дознанием и следствием факты в результате приводили к выводам, имеющим значение достоверности, как в отношении самого преступного события, так и личности его совершителя.

Доказательствами в уголовных делах, по нашему Уг.-Проц. Кодексу, являются: показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные об'яснения обвиняемого (ст. 58). Все эти «доказательства» или улики допускаются в качестве способов расследования преступления и уличения преступника, но, естественно, не все, не всегда и не во всех случаях могут иметь одинаковую доказательную силу, как мы увидим далее, при изучении техники отдельных следственных действий. Об'яснения обвиняемых, например, обыкновенно имеют меньше доказательной силы и достоверности, чем показание незаинтересованного в деле свидетеля-очевидца; заключение эксперта, как специалиста в своем деле, часто еще более приближает к достоверности оценку данного факта, чем показание свидетеля, а вещественное доказательство, вроде подложного документа с подчистками и исправлениями, дает часто бесспорную истину и неопровержимую улику.

По способу получения или восприятия доказательств в деле доказательства разделяются на непосредственные и посредственные.

Непосредственными доказательствами, добытыми при расследовании, называются те, которые следователь сам воспринимает, сам видит и познает. Орудие преступления — окровавленный топор, найденный при осмотре, документ, отобранный при обыске, описанные в протоколах, являются непосредственными доказательствами.

Посредственными доказательствами, наоборот, называются те, которые получаются исследующим дело от других лиц. Свидетельское показание, удостоверяющее перед следователем, что обвиняемый ударил потерпевшего ножом такого-то вида и величины, есть посредственное доказательство, и при отсутствии в деле вещественного доказательства ножа оно, конечно, имеет меньшую достоверность, чем если бы этот нож был найден у обвиняемого и приобщен к делу.

Вообще, непосредственные доказательства, являющиеся «мертвыми уликами», которые сохранились, осмотрены следователем и приобщены к делу, имеют более ценное значение, чем доказательные факты, получаемые от живых людей: труп убитого говорит следователю всегда точнее, больше и яснее о самом факте убийства и обстоятельствах его совершения, чем оставшийся в живых потерпевший.

С точки зрения доказательной силы и значения доказательства (или улики) делятся на прямые и косвенные.

Прямые доказательства — те, которые удостоверяют в деле один из главных имеющих значение фактов и устанавливают очевидную или достоверную прикосновенность заподозренного в преступлении лица к совершенному преступному событию.

Поличное—похищенная вещь, отобранная у задержанного подозреваемого в момент или вскоре после совершения кражи — есть прямое доказательство, уличающее виновного в краже. Записка, написанная и посланная одним из участников банды другому, с указанием, где спрятаны ограбленные вещи и какие меры надо принять, чтобы скрыть следы преступления, есть такая же прямая улика против заподозренного соучастника.

Косвенными называются такие доказательства, которые устанавливают какой-либо второстепенный момент преступления или же такие, которые сами по себе не доказывают еще главного факта совершения преступления данным лицом, но косвенно подтверждают этот факт или заставляют его подозревать, в виду того, что данное лицо оказалось,—может-быть, случайно,—но в такой близости к преступлению, в какой мог находиться и действительный виновник.

Убийца совершил преступление с корыстной целью при помощи револьвера, взятого накануне у своего близкого друга, с которым имел тесную и давнюю дружбу. Принадлежность револьвера, как орудия преступления, другу убийцы создает косвенную улику против этого друга и подозрение, что он тоже мог принимать то или иное участие в преступлении.

Арестованный, задержанный по подозрению в преступлении и отрицающий свою вину, препровождается под конвоем с одного места в другое и покушается в дороге на побег. Этот факт еще не доказывает его виновности в преступлении, за которое он задержан, но косвенно подтверждает как бы виновность его в этом преступлении в виду обнаруженного им желания скрыться.

Наша уголовная практика показывает, что часто в делах о сложных и загадочных преступлениях следователи строят свои заключения о привлечении обвиняемых на основании косвенных улик; при этом неизбежны

бывают ошибки в смысле правильности оценки этих доказательств и их значения.

Если принять во внимание, что прямые доказательства устанавливают, большею частью, очевидность или достоверность виновности подозреваемого, а косвенные указывают только на возможность или предполагаемую вероятность прикосновенности к преступлению данного лица, следует положить за правило подвергать тщательной проверке косвенные доказательства, сопоставлять их с другими такими же доказательствами и не класть в основу выводов факты, дающие только материал для предположений в виду некоторой их вероятности и правдоподобия.

Таковы первые категорические требования науки об уголовных доказательствах, которые она ставит следователю.

Приведем такой пример. Обнаружены хищения на складе, фабрике или магазине. Подозрение падает на одного из служащих или рабочих. Основанием к подозрению является несколько установленных дознанием или следствием фактов: 1) заподозренный в последнее время замечен в пьянстве и в более широком образе жизни, не соответствующем получаемому им содержанию; 2) установлено знакомство заподозренного с рыночными торговцами и скупщиками; 3) замечено в последнее время за ним манкировка службой или работой и уход с занятий в рабочее время без видимых причин, прогул рабочих дней.

Каждый из указанных фактов в отдельности, являясь косвенной уликой, еще не создает веского доказательства виновности заподозренного, и постановление о привлечении этого лица в качестве обвиняемого на основании одного из этих фактов было бы логически необоснованным заключением.

Такой-то служащий склада пьянствует и живет шире своих средств, значит он, а не кто-либо другой, виноват в хищениях: в этом выводе нет логической связанности факта хищения с поведением или образом жизни заподозренного; возможно, что заподозренный служащий имел какой-либо другой источник получения средств на пьянство и расходы; возможно, что пьянство его об'ясняется каким-либо личным семейным горем: изменой жены, расстройством в хозяйстве и т. п.

Этот служащий имеет знакомство с торговцами рынка и ему легче сбывать украденное, чем кому-либо другому, и, следовательно, он виновник складских краж, а не кто-либо другой. Здесь опять нет логики фактов. Возможно, что этот служащий—честный человек, но живет близ рынка в доме, где ютятся мелкие рыночные торговцы и скупщики, которые и составляют круг его знакомств.

Заподозренный—только один из служащих в последнее время манкирует службой (пропускает дни работы) или отлучается со службы в неурочное время, и, следовательно, он-то и крадет изделия со склада. Опять-таки этот факт один, сам по себе не дает основания к логически правильному выводу и не дает достоверного доказательства виновности данного лица. Возможно, что неявка на службу или уход с нее об'яснялся также какими-нибудь личными обстоятельствами жизни, в которые служащий не считал необходимым посвящать кого-либо из сослуживцев.

Если же взять все эти три факта в совокупности и если проверить эти факты, они могут получить характер вероятности подозрения и подтвердить лишь основательность его: один факт свяжется с другим при-

чинной связью: служащий стал воровать, сбывал скупщикам краденого похищенные вещи или товары, пьянствовал с этими торговцами, втянулся в эту жизнь, стал пропускать службу, перестал дорожить ею, найдя другой источник легкого заработка. Здесь уже имеется логическая связанность фактов с выводами, здесь три косвенных улики, три правдоподобных об'яснения переходят из вероятных предположений в область правильных достоверных фактов.

Направленное в дальнейшем по верным путям дознание по такому делу и проверка указанных фактов может в результате дать неопровержимые прямые улики и превратить вероятное в достоверное. Нахождение при обыске у заподозренного похищенных вещей или слежка за ним, задержание его на рынке с краденым, обнаружение похищенных вещей у его близких знакомых, торговцев и т. п. дадут полное основание для обвинения его в преступлении.

Таким образом, чем более косвенных доказательств имеется против заподозренного, чем теснее одно косвенное доказательство связывается с другим, тем более совокупность этих косвенных доказательств дает следователю оснований для логически правильного и достоверного заключения.

Таков второй вывод науки о доказательствах.

Самый вывод о вероятности факта—при оценке его, как доказательства, в процессе расследования—базируется (основывается) обычно на житейском опыте, на учете подобных фактов, наблюдавшихся нами ранее в жизни, на их повторяемости при подобных же условиях.

В математике существует теория вероятности, в основе которой лежит закон больших чисел, открытый бельгийским натуралистом и статистиком Кетле, по которому, наблюдая факты двух категорий, мы почти с достоверностью можем сказать, сколько фактов той и другой категории при большом их числе, при повторяемости их, должно произойти в процессе смены их одного другим. Если мы будем вынимать из закрытого ящика, наполненного черными и белыми шарами, по одному шару 10 раз (малое число), мы не уверены, сколько раз вынем черный шар и сколько белый, даже приблизительного равенства не можем предвидеть: возможна такая разница: 3 и 7 или 1 и 9, 2 и 8 и т. д., но может быть: 5 и 5. Но если мы продолжаем эту выемку шаров 1000 раз (большое число), то по теории вероятностей, проверенной на опыте, мы можем с большой вероятностью сказать, что числа вынутых черных и белых шаров приблизятся к равенству: 495 и 505 или 492 и 508 и т. п.; достоверного же числа тех и других шаров мы тоже предсказать не можем. Эта вероятность предположений в отношении житейских фактов из повседневной жизни людей также иногда подтверждается, и следователю приходится в своих заключениях и выводах основываться на теории вероятностей, выведенной им из житейского опыта, и руководствоваться ею, чтобы логически правильно строить свои заключения.

В приведенном выше факте хищений на складе, допуская только возможным и вероятным факт совершения хищений служащим, который стал вести нетрезвый образ жизни, мы основываемся на данных опыта и уголовной статистики, которая показывает, что неуравновешенные по характеру люди, втянувшиеся в пьянство, в связи с первыми опытами учиненных ими краж чаще совершают преступления этого рода и склонны к систематическому воровству,

к рецидиву кражи (повторная кража). Здесь есть некоторая вероятность предположения, основанная на наблюдении. С другой стороны, мы были бы менее логически последовательны, и, следовательно, наше предположение или подозрение было бы менее вероятным, если бы, например, факт пьяного образа жизни заподозренного мы связали бы с фактом обнаруженного преступного события какого-либо другого порядка. Например, разыскивая виновника искусно учиненных подлогов в складских книгах того же склада, следователь, имея сведения о пьяном образе жизни указанного выше служащего, уже с меньшей вероятностью мог бы сделать предположение или заключение о виновности в подлогах именно этого служащего. В этом случае логика,—житейская так-сказать «теория вероятностей»,—заставила бы следователя доискиваться до виновного другими путями и искать других лиц, против которых может возникнуть подозрение: кто близок был к складским книгам, кому легче было это сделать, кто искусен в письме, в счетоводстве и в учете тех или других операций и т. п.

Соблюдение изложенных выше указаний и тщательная осторожная оценка доказательств с установлением причинной связи исследуемых фактов, избавит следователя от возможных ошибок и нелогичных выводов в процессе расследования и поможет ему в отыскании достоверной истины в его делах.

Чтобы покончить с оценкой доказательств при расследовании преступлений, необходимо сказать несколько слов о методах, которыми пользуется следователь, как и всякий человек, в процессе логического мышления при построении своих суждений и выводов в доказательство существования тех или других фактов.

Эти методы сводятся к двум основным логическим процессам, которые происходят в нашем мышлении и называются в логике индукцией и дедукцией, иначе: индуктивный и дедуктивный методы суждений.

Индукция это—такой процесс нашего мышления, когда мы, на основании ряда отдельных наблюдаемых нами непосредственно фактов, делаем общее суждение. При индуктивном методе мышления мы идем от частного к общему, от наблюдения отдельных частичных мелких фактов и приходим к общим выводам.

Дедукция это—такой логический процесс при помощи которого мы добытые нами общие суждения или возникшие в нашем уме предположения высказываем о фактах, которых мы непосредственно не наблюдали и которые еще требуют проверки. Таким образом, при дедуктивном методе, мы исходим, в противоположность индуктивному методу, от общих суждений, проверяемых частными фактами.

При расследовании преступлений приходится пользоваться тем и другим методами. В одном случае, когда мы имеем целый ряд установленных осмотрами, свидетельскими показаниями и т. д. фактов, мы делаем из них определенный общий вывод, который признаем за несомненную истину. В другом случае мы строим предположение, высказывая общее более или менее вероятное суждение, которое при дальнейшем исследовании, по нашему мнению, должно подтвердиться на обследуемом факте.

Возьмем такой пример. Следователь прибыл на осмотр места совершения преступления по делу об убийстве. В квартире найден труп убитой женщины, около трупа окровавленный топор; на голове трупа зияющая колотая рана; в сжатом кулаке трупа клок черных волос от бороды; в комнатах взломаны ящики комода, шкатулки и проч. хранилищ; в вещах полный беспорядок;

ценные предметы оказались похищенными. На основании этих отдельных фактов, установленных осмотром, следователь делает вывод, что в данном случае совершено убийство, что убийца был взрослый мужчина с черной бородой, что преступление он совершил топором, что в момент убийства происходила борьба убийцы с жертвой, что убийство совершено с целью ограбления, что убийца похитил такие-то и такие-то вещи и т. д. Здесь следователь к своему заключению пришел путем индуктивного метода мышления и сделал общие выводы из частичных фактов.

Но вот другой случай. Следователю сообщено о странном исчезновении человека. Подозревается убийство. Комната, в которой жил убитый, выходящая окнами в сад, оказалась изнутри запертой, а окна в сад открыты. В комнате беспорядок; на полу валяется подушка; один сапог убитого под столом, другой в саду под сиреневым кустом; в саду от окна ведет на помятой траве полоса темно-коричневых пятен, имеющих внешние признаки крови. Близкие к исчезнувшему лицу родственники заявляют о возможности в данном случае преступления. Обстановка и все обстоятельства дела—крайне неясны и загадочны; имеются указания на враждебные отношения к исчезнувшему со стороны некоторых лиц, но точно установленных фактов нет. Следователь, основываясь на заявленном подозрении, но не имея точных фактов, полагает, что исчезновение явилось в результате убийства, что убийство было совершено ночью, когда при открытом окне потерпевший уже собирался спать и разувался; убийца подкрался к окну; потерпевший каким-то образом мог оказаться за окном; здесь могло произойти убийство, после чего отсюда, опять-таки неизвестно пока почему, убийцы могли утащить труп и куда-то скрыли. Все это, вместе взятое, есть построенное дедуктивным методом суждение, основанное не на установленных фактах, а на общих предположениях, которые могут подтвердиться, но могут быть и опровергнуты, вплоть до самого факта наличности убийства в данном загадочном случае [1]).

Обычно при расследовании преступлений приходится пользоваться одновременно обоими методами доказывания фактов в целях выяснения обстоятельств и обстановки преступления. Факты, точно установленные по делу, дают основания сделать достоверные бесспорные выводы, а для выяснения неясных и непонятных моментов преступления приходится делать общие предположения, которые в дальнейшем могут повести следователя по ложным следам, извратить истинное положение дела и повлечь за собой привлечение невиновного в преступлении лица.

Следственная практика дает в прошлом много примеров роковых и непоправимых ошибок в тех случаях, когда следователь, отходя от фактов и их логики, строил по дедуктивному методу свои предположения и выводы, требовавшие проверки. Однако, бывали и такие случаи, когда случайно возникшее предположение, основанное на незначительном факте, установленном при исследовании, получало подтверждение и приводило к полному раскрытию истины. В подобных случаях играет иногда весьма важную роль простая догадка. Однако, догадка есть не что иное, как мелькнувшая совершенно неожиданно мысль, может-быть, простая и естественная, которая освещает неясные, туманные моменты преступного события, но которая должна получить в ближайшее же время подтверждение путем проверки или же должна быть отвергнута.

---

[1]) См. рассказ Чехова „Шведская спичка“.

Здесь нельзя установить границ изысканиям следователя, его пытливости и его свободному суждению о преступном событии, однако, можно дать общие руководящие начала для пользования указанными методами исследования.

1. Только факты, точно установленные осмотрами, освидетельствованиями, обысками, достоверными свидетельскими показаниями (а не слухами), должны служить основанием для выводов и заключений по делу.

2. Строить заключение или предпринимать те или другие меры при расследовании, исходя из вероятных предположений и догадок, возможно лишь в тех случаях, когда нет возможности построить выводы из точно установленных фактов и когда для этих предположений имеются какие-нибудь косвенные реальные данные: определенное подозрение, заявленное потерпевшим; представленная переписка с указаниями на возможность допущения предположения о виновности данного суб'екта, предположения, хотя бы не вытекающего пока из точно установленных данных; нахождения какого-нибудь предмета, который может иметь различное назначение, но в данном случае мог иметь совершенно специальное применение, как орудие для совершения данного преступления, и т. д. Но во всех этих случаях, проверяя возникшее предположение, особенно направленное к изобличению какого-либо только предполагаемого, «возможного» виновника, следователь не должен отходить и закрывать глаза на факты и моменты, которые уже точно установлены дознанием или следствием и которые не должны отрицаться новыми фактами и им противоречить.

3. Проверка каждый раз всей цепи умозаключений каждым новым установленным фактом, придерживаясь по отношению к своим выводам критики их,—недоверие к самому себе,—таков третий вывод, который дает наука о доказательствах в случаях пользования чистой дедукцией и косвенными уликами в руки каждому следователю в предупреждение возможных тягостных ошибок с его стороны [1]). Эти выводы должны быть усвоены каждым из них.

ГЛАВА XI.

Классовый подход, как метод для выводов, в работе по производству расследований.

Выше было уже указано, что уголовное право имеет классовый характер. В советском законодательстве резко проведено классовое пролетарское начало: все законодательные акты, начиная от основного конституционного закона и кончая правилами, регулирующими организацию жилищных това-

---

[1]) В одном случае расследования вооруженного нападения на проезжей дороге следователь увлекся в сторону проверки неоснованных на фактах, но более или менее вероятных предположений, направленных к изобличению группы подозреваемых им виновников, которые оказались в случайной близости к месту совершения преступления. Загружая дело следственными действиями в этом направлении, следователь забыл, что в самом начале расследования при дознании имелись указания на группу действительных виновников нападения, возвращавшихся с места, где совершено было нападение, с точным описанием их внешности; между тем, новые лица, против которых возникло у следователя подозрение и натаскивались косвенные улики, совершенно не были похожи по внешнему виду на тех действительных виновников, которых видели свидетели шедшими по дороге после совершения преступления.

риществ, проникнуты началами классового правотворчества. В целом ряде специальных узаконений, относящихся к государственному строительству и управлению, и в союзном, и в республиканском масштабе, отмечено и выделено классовое верховенство, предоставляемое государством пролетариату и крестьянству, преимущественно перед нетрудовыми элементами и группировками населения. Наоборот, за трудовыми слоями населения советское право обеспечивает преимущественные права, как в области административного руководительства и политики, так и в сфере учебного дела, в пользовании и распоряжении землей, в области финансовой политики и налогового дела, в занятиях кооперативными промыслами и торговлей, в деле укрепления и улучшения городского хозяйства, в жилищном вопросе и т. д.

На той же точке зрения стоит и наше судебное законодательство и проводит начало гражданского равноправия всех граждан РСФСР перед законом лишь в тех пределах, поскольку оно не входит в противоречие с принципами классовой диктатуры.

В судебном деле, однако, и в частности, в следственном производстве, эти границы не могут проявляться с такой резкостью и выпуклостью, как в других областях уже потому, что формально не лицо, не отдельный индивидуум, а факт, событие, преступление является об'ектом судебного исследования, и лишь в оценке суда, т.-е. в приговоре,—в заключительном моменте судоговорения классовый момент может быть выявлен более резко. Там же, где, как в следственном производстве, факт еще не установлен, порядок оценки лица пока-что вообще отсутствует или не играет главной роли. Поэтому наши Процессуальные Кодексы—Гражданский и Уголовный— в своих общих частях и основных положениях не проводят классового начала так резко, как это сделано в области материального права: по прямому смыслу Гр. Код. гражданская правоспособность предоставляется всем гражданам, при чем никакого влияния на об'ем правоспособности не может иметь на ряду с другими признаками и «происхождение» (4 ст. Г. К.); действие Уг. Код. распространяется на всех граждан, впавших в преступление, также без отношения к их классовой принадлежности. С другой стороны, основными моментами, определяющими уголовную наказуемость, является не классовая принадлежность совершителя преступления, а общеопасность деяния, совершенного преступником, и опасность лица, учинившего это деяние; принадлежность же обвиняемого к тому или другому классу не квалифицирует преступления (ср. I, 5—7 ст. У. К.), и лишь впоследствии влияет на оценку.

Правда, малосознательность и невежество, которые наблюдаются в слоях пролетарского крестьянского населения, дают основание к более мягкому применению наказаний для участников некоторых массовых преступлений (ст. 82 У. К.), однако, это исключение еще нельзя назвать классовым началом уголовного законодательства.

На V Всероссийском С'езде деятелей советской юстиции, однако, принят ряд резолюций, направленных к изменению и уточнению некоторых материальных и процессуальных норм уголовного и гражданского права в сторону более резкого проведения классового начала в практике пролетарского советского суда [1]). Правильное разрешение вопросов о классовом подходе в деле

---

[1]) См. «Еженед. Сов. Юстиц». № 12—13—23 г. (стр. 292, 300—301 и 304—309).

расследования преступлений при осуществлении задач правосудия органами дознания и следствия следует признать поэтому чрезвычайно важным.

Чтобы разрешить безошибочно вопрос о том, насколько классовый подход, как метод в работе по производству уголовных дел, допускается законом, в чем он выражается и в каких пределах и в какие моменты он может иметь применение при дознании и следствии, следует остановиться подробнее на 25 ст. общей части У. К., трактующей о том, что должен принимать во внимание судья при оценке преступления и преступника.

По смыслу этой статьи, наказание преступнику назначается судами по социалистическому правосознанию; при определении меры наказания учитывается личность преступника, его индивидуальность, при чем особо различается, совершено ли преступление в интересах восстановления власти буржуазии, как класса, и не направлено ли оно против основ нового правопорядка и рабоче-крестьянской власти, или же оно не носит этих признаков, или, наконец, совершено, при наличности малосознательности и некультурности совершителя.

Эти последние обстоятельства признаются понижающими вину рабочих и крестьян (ст.ст. 9, 24, 25, 27 и 82 У. К.). Но и только.

Эти отдельные положения уголовного закона в связи с общим классовым характером советского законодательства и специальными декретами, определяющими верховенство трудящихся масс перед нетрудовым элементом, указывают, что и при производстве расследований по уголовным делам, в отдельных случаях следует всегда учитывать классовую принадлежность обвиняемых и отнюдь не равнять рабочих и крестьян с представителями других враждебных им социальных групп. Однако, основным моментом, определяющим классовый подход в деле расследования уголовных дел, является все же не то, к какому классу принадлежит совершитель, а то, какому классу выгодно совершенное преступление. С этой точки зрения закон одинаково сурово наказывает, а, может-быть, даже суровее, если преступление против класса рабочих и крестьян будет совершено рабочим, в частности, ответственным коммунистом и т. д., чем если бы оно было совершено закоренелым сторонником буржуазии, хотя и последний тоже должен понести заслуженную кару. Классовая принадлежность должна быть безусловно принята во внимание лишь, если преступление совершено рабочим по нужде, малосознательности и т. д. Только такое классовое начало и проводит наш закон. В следственном производстве его применение, однако, еще уже.

Правда, в каждом деле, по которому имеется привлеченный к следствию обвиняемый, следователь до направления законченного дела должен установить классовую принадлежность, социальное положение и род занятий обвиняемого (ст. 206 и 210 У. П. К.).

Необходимость установления этих моментов ясна сама по себе: только тогда все обстоятельства совершения преступления в целом будут понятны и об'яснимы, когда выяснится личность преступника, совершившего данное преступление, когда в связи с образом жизни, с прошлым, со всей характеристикой обвиняемого, выявятся мотивы и намерения, которыми руководился обвиняемый при учинении преступления (24 и 25 ст. ст. У. К.).

Если этот момент — характеристика обвиняемого, в основу которой кладется классовая принадлежность обвиняемого, выявлен достаточно, следо-

ватель не только вправе, но и обязан учитывать этот момент во всех тех случаях, когда к этому обвиняемому требуется со стороны следователя проявить то или другое отношение при оценке всей совокупности обстоятельств дела. Но конкретно отношение к обвиняемому, в зависимости от того, к какой социальной группе по своему классовому происхождению относится обвиняемый, может быть проявлено в следственном производстве лишь в двух его моментах: при выборе меры пресечения против обвиняемого и при разрешении вопроса о направлении законченного дела.

Разрешая вопрос о мере пресечения и избирая для обвиняемого ту или другую меру, следователь принимает в соображение целый ряд оснований, указанных в 147 ст. У. П. К. При правильном классовом подходе и неформальном только понимании закона следователь должен учесть, прежде всего, степень целесообразности избираемой меры пресечения в применении ее именно к данному обвиняемому, классовая принадлежность которого для него уже вполне выявлена.

Поэтому ясно, что классовой принадлежностью обвиняемого в большинстве случаев определится и вид или характер меры пресечения, которая должна быть принята против этого обвиняемого.

Представим себе, что у следователя в производстве имеется дело, по которому привлечены по обвинению в тяжком преступлении два обвиняемых, один рабочий, другой нэпман, при чем соучастие их в деле по фактической обстановке одинаково, улики однородны, и представляется необходимым в виде меры пресечения избрать в отношении обоих обвиняемых одну из высших мер пресечения — не ниже залога. При правильном классовом подходе — при всех прочих равных условиях — следователь должен все-таки принять различные меры в отношении этих двух обвиняемых: в отношении нэпмана тюрьму или залог, который может обеспечить исправную явку этого обвиняемого (п. 3 ст. 144 УПК), в отношении рабочего—поручительство личное или коллективное (п. 2 ст. 144 УПК), учитывая, что даже имущественное поручительство по социальному положению и роду занятий этому рабочему было бы труднее представить, чем другому его соучастнику нэпману, и что поручительство рабочей организации в пролетарском государстве всегда является достаточной гарантией.

Хотя в подобных случаях поручительство имеет в виду личную ответственность поручителей в случае уклонения обвиняемого от следствия и суда (ст. 151 УПК), и ответственность эту в уголовном порядке, по общему началу нашего законодательства, могут нести отдельные лица, а не учреждения и организации[1]), однако, по нашему мнению, это формальное соображение не может связывать следователя в живом деле отношения к личности рабочего, за которого ручаются не два лица, а целый коллектив. Наконец, в случае уклонения обвиняемого к ответственности могут быть привлечены руководители коллектива, принявшего поручительство, а последствия ответственности по суду будут переложены через представителей коллектива на этот последний, с которого и будет взыскан штраф, наложенный судом по 223 ст. У. К.: пролетарский суд не механически применяет закон и всегда может разобраться в подобном несложном деле и вынести справедливый приговор по делу о невыполнении обязанностей по поручительству.

[1]) См. „Постатейный комментарий к УПК", Вроблевского; под 150 ст., п. 2.

Разрешая далее возможные случаи принятия мер пресечения по руководству классовым правосознанием, можно ограничиться следующими общими указаниями:

1) лишение свободы, как мера пресечения, в отношении рабочих и крестьян должна приниматься в исключительных случаях совершения ими особо-тяжких преступлений, в частности, по делам о контр-революционных преступлениях и наиболее опасных преступлениях против порядка управления (гл. I особенной части У. К.);

2) в отношении рабочих и крестьян, обвиняемых в корыстных и причинивших ущерб государству преступлениях, меры личного задержания должны быть применяемы с крайней осторожностью после тщательной оценки об'ективных последствий и мотивов совершения преступного события, а в случаях замены этой меры другой, более легкой, должен допускаться переход к мерам личного, а не имущественного поручительства (не исключая принятия и коллективного поручительства); в отношении же нетрудовых элементов замена меры лишения свободы должна ограничиться переходом к залогу и имущественному поручительству.

Говоря о классовом подходе к личности обвиняемого, отнюдь не должно широко трактовать самое понятие классового происхождения. Имея полные сведения, обнимающие характеристику личности обвиняемого, следователь должен иметь в виду *фактическую классовую принадлежность* обвиняемого в известный период времени: не следует забывать, что в процессе революции за период военного коммунизма и новой экономической политики, многие элементы населения деклассировались, т.-е. вышли из своих социальных групп, к которым принадлежали по происхождению: с одной стороны, немногие лица, принадлежавшие по рождению к семьям крестьян и рабочих, оторвались от своего класса и занялись частной торговлей и промыслами и живут нетрудовыми доходами; с другой стороны, прежние элементы мелкой буржуазии и работники конторского и др. занятий вступили со времени Октябрьской революции в ряды производственных рабочих или прикрепились к крестьянскому земледельческому личному труду, а с первых дней революции участвовали в активной борьбе за советы в рядах рабочих и крестьян.

Поэтому, при обсуждении той или другой меры в отношении к личности обвиняемого с классовой точки зрения, все вышеуказанные обстоятельства должны быть приняты следователем во внимание и тщательно взвешены, чтобы старая классовая облупившаяся окраска не была в отдельных случаях смешана с фактической классовой принадлежностью.

Второй момент дознания и следствия, когда необходимо также посмотреть на дело с классовой точки зрения, это заключительный *момент разрешения вопроса об окончании дела* и направлении по подсудности или на прекращение.

Здесь уже труднее дать для следователя какие-либо общие руководящие указания. С одной стороны, следователь не может дать произвольного направления делу в порядке подсудности или направить дело на прекращение при наличности тех или других данных, вполне точно определяющих состав преступления, и при полной достаточности улик, и только прокурор, суд и высшие законодательные органы вправе изменить направление дела или через соответствующие инстанции и по специальным директивам прекратить дело. Поэтому и обвинительное заключение, и постановление

о прекращении дела должны быть составлены подлежащим органом дознания или следователем только на точном основании 105—106 и 202—210 ст. УПК и в соответствии с нормами, изложенными в УК. С другой стороны, широкое предоставление права применения уголовного закона по аналогии (10 ст. УК.), предоставление судебным органам руководствоваться и социалистическим (классовым) правосознанием с соблюдением руководящих начал и статей уголовного закона (9 ст. УК) как бы обязывают, в противоположность буржуазному правопониманию, судебного работника прежде всего не к формальной оценке доказательных материалов расследования, а к обсуждению их по существу, вводя в процессуальную сторону предварительного расследования и суда начало целесообразности.

Поэтому следует признать, что по материалам расследования при окончательном направлении дела могут возникать такие вопросы, которые могут быть разрешены только при правильном классовом подходе.

В частности, эти вопросы при дознании, следствии, как и при ревизиях, могут возникать преимущественно по делам о должностных и хозяйственных преступлениях. Обходя то, что будет далее сказано о технике расследования этих дел, следует отметить здесь, во-первых, чрезвычайно общий и широкий характер определений некоторых преступлений этих видов (105—110, 127, 128 и 128-а ст. УК.) и, во вторых, чрезвычайное обилие и смешение часто не совсем определенных об'ективных и суб'ективных моментов, наличность или отсутствие которых дает законное основание к изменению подсудности и переводу преступного деяния, караемого по суду, в разряд дисциплинарных нарушений (нарушение правильной работы учреждения, имущественный ущерб, систематичность, соображения личной заинтересованности, особо тяжкие последствия, невнимательность, небрежность, недобросовестность, бесхозяйственность с материальными последствиями, убыточность и т. п.).

По этим делам, особенно в тех случаях, когда в деле не доказаны обстоятельства, квалифицирующие преступление, или самый состав преступления сомнителен в виду незначительных или трудно предотвратимых и непредвиденных для обвиняемого последствий деяния, и когда следователю приходится останавливаться на разрешении вопроса о направлении дела, необходимо остановиться на внутреннем, суб'ективном моменте дела, т.-е. на мотивах, целях, намерениях, вообще степени умысла, который мог быть у обвиняемого или подозреваемого, которому вменяется в вину то или другое действие или бездействие.

И вот здесь правильное разрешение возникающих вопросов может дать, — правда, не во всех случаях, — классовый подход, т.-е. постановка того же вопроса — «кому полезно», при чем не только кому полезно было совершение того или иного преступления, в чью пользу оно было совершено, но и кому полезен будет суд, если лицо, добросовестно заблуждавшееся и причинившее ущерб, будет предано суду, дисквалифицировано, дискредитировано и вместе с тем без исправления нанесенного им ущерба, будет причинен новый ущерб в виде из'ятия из числа активных добросовестных работников и этого нечаянно совершившего ошибку лица.

Для иллюстрации указанного положения можно привести следующий пример.

Заканчивается расследованием в порядке предварительного следствия дело, начатое по признакам 128 ст. У. К. Установлен с достаточной

степенью определенности факт бесхозяйственного ведения дела со стороны лица, стоящего во главе какого-либо государственного предприятия или хозоргана. Налицо неэкономное, неумелое распоряжение материальными и денежными средствами предприятия. Расточения имущества предприятия и убытков, выраженных в точных суммах, нет, однако, «трудно возместимый ущерб» для предприятия, как результат такого бесхозяйственного ведения дела, довольно ясно выражен в деле, и, главным образом, этот ущерб еще ожидается в будущем в виду того, что нет надежды на выгодную реализацию сделок или операций, совершенных обвиняемым, благодаря бесхозяйственному ведению дела. Личных, корыстных мотивов и недобросовестного отношения со стороны обвиняемого не отмечено, но установлена небрежность, граничащая с неосторожностью и недостаточно внимательным отношением к заключавшимся сделкам по операциям предприятия, при чем эта небрежность явилась результатом доверчивого отношения к контрагентам предприятия, хотя и вполне добросовестным, но оказавшимся неаккуратными в платежах. Обвиняемый, привлеченный к делу, как установлено полной его характеристикой, — производственный рабочий, имеющий большой стаж работы у станка, выдвинутый на должность руководителя предприятием при организации последнего одним из вышестоящих госорганов.

Спрашивается, какое в данном случае должен дать направление делу следователь, учитывая и принадлежность обвиняемого к рабочему классу, и суб'ективные моменты преступления, личные побуждения и причины, на которых основывалось бесхозяйственное ведение дела? И одинаковое ли отношение, с точки зрения классового подхода, должен проявить следователь в этом деле, если бы вместо рабочего на месте руководителя этого предприятия, при прочих равных условиях, стоял бывший коммерсант, приглашенный на работу в виду его опыта по прежней специальности?

Внешняя об'ективная обстановка исследуемого события и внутренние побуждения того и другого обвиняемого, которые дали в результате трудно возместимый ущерб для предприятия, одинаковы и квалифицируют бесхозяйственное ведение дела по 128 ст. УК.: небрежность, хотя бы в форме легкомысленной непредусмотрительности трудно возместимого ущерба при операциях предприятия, доказана в отношении того и другого.

И все-таки при правильном классовом подходе к рабочему-обвиняемому в подобном деле следует применить другое мерило в смысле оценки самого факта преступного события и его квалификации. Следователь не лишен права, учитывая классовую принадлежность обвиняемого, при отсутствии в действиях обвиняемого злонамеренности и недобросовестности, признать несоответствующей классовому правосознанию ответственность в судебном порядке этого обвиняемого и изменить квалификацию обвинения на 108 ст. УК. с последствиями по 2 ч. 105 ст. или даже направить дело на прекращение, если особенно в связи с оценкой личных качеств обвиняемого самая небрежность и недобросовестность ведения дела представляются по делу только вероятными, но не вполне доказанными.

В данном случае взят пример, который возбуждает целый ряд мелких и крупных вопросов, связанных с толкованием и анализом статьи из главы УК о хозяйственных преступлениях, но такие случаи возможны в отношении и других видов преступных деяний.

И если пролетарскому суду предоставляется право и вменяется в обязанность при вынесении приговоров руководствоваться классовым правосознанием и, назначая наказания, учитывать прежний образ жизни обвиняемого, его несудимость, революционные заслуги перед государством и т. п., то, казалось бы, не может быть лишен права следователь в период предварительной подготовки дела для судебного рассмотрения, на основании своего твердого убеждения, изложенного в мотивированном постановлении, поставить под знаком сомнения целесообразность, с классовой точки зрения, постановки данного законченного им дела на суд. Революционная законность от этого не пострадает, а прохождение направленного дела через прокуратуру и распорядительное заседание суда гарантирует классовый суд от уголовной неправды, и при несогласии суда с постановлением следователя дело, неправильно направленное следователем, всегда может получить надлежащее направление.

Указанными двумя моментами, конечно, не исчерпываются случаи, когда особенности того или другого дела требуют вдумчивого пролетарского подхода к нему.

Представим себе случай, когда следователь, производя расследование по делу о самогоне, признает необходимым по об'ективным данным, в соответствии с требованиями 121—121-а ст.ст. УПК, принять меры обеспечения возможного гражданского иска или предупреждения со стороны обвиняемого сокрытия имущества. Но обвиняемый — крестьянин, сидящий на земле и ведущий свое маломощное хозяйство личным трудом и при помощи инвентаря, превышающего хозяйственную норму середняка. Спрашивается, прав ли будет с классовой точки зрения следователь, если он по букве закона и юридически правильно наложит арест на имущество этого крестьянина, хотя бы и сознавая, что хозяйство его и его семьи, благодаря этому, ущемится и придет в упадок? Думается, что во имя классового начала жесткая линия революционного закона даже в отношении опасного самогонщика должна быть в подобном случае и в интересах экономических ослаблена.

И если, опять-таки при прочих равных условиях, такую меру можно применить к другому самогонщику сельскому нэпману и лавочнику, то в отношении трудового крестьянина, без отношения к излишкам его хозяйства против нормы, следователь должен отказаться от такой меры, тем более, что она, не давая больших реальных ценностей государству, является преждевременной карательной мерой, экономически нецелесообразной и направленной против класса, хозяйственное развитие которого поощряется особыми льготами, установленными специальным законом.

Этими соображениями мы заканчиваем общую часть нашего труда.

Часть II.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Отдельные акты расследования преступлений и техника их проведения.

ГЛАВА I.

Общие замечания.

Необходимость технических указаний, которыми мог бы руководствоваться каждый работник, занятый производством расследований по уголовным делам, вытекает из исключительного и обособленного, непохожего на всякую другую деятельность, характера самой работы по расследованию преступлений.

Разнообразие и сложность приемов, при помощи которых ведется дознание и следствие, и которые изложены в кратких положениях процессуального закона (91—220 ст. Угол.-Проц. Код.), прежде всего, не дают возможности исследующему преступление ввести определенный, раз-на-всегда предустановленный порядок, для своей работы, как это возможно сделать для многих других родов государственной службы и деятельности, связанной с кабинетной или конторской работой на месте, в определенном учреждении.

Совмещение у одного агента дознания или следователя нескольких, часто самых разнообразных дел, необходимость вести их одновременно и по возможности без замедления и перерывов, с выездами на места по одним из них для производства розыскных и следственных действий, с допросами, осмотрами, составлением постановлений и т. д. по другим делам, часто не позволяют следователю[1]) ориентироваться, сосредоточиться на одной работе и затрудняют нормальную планомерную работу, в особенности, если этот следователь новичек в своем деле.

А между тем, это дело, как и всякий умственный труд и производственная работа, требует нормализации работы, установления своих особенных

---

[1]) В дальнейшем, как и в I части руководства,—под этим обозначением разумеется вообще занимающийся производством расследований по уголовным делам: нарследователь, агент розыска, милиции, уполномоченный ГПУ и т. д.

нормалей и стандартов [1]): в процесс всякой работы, в целях ее быстроты и продуктивности, нужно ввести определенный порядок и систему, выработать такую технику, которая обеспечивала бы выполнение каждой единицы работы с максимальной экономией времени, материальных расходов и человеческой силы и давала бы для каждого рода работы определенную нормальную форму, наиболее удобный прием и наиболее пригодный и упрощенный образец.

В последние годы у нас началась энергичная пропаганда в сторону рационализации (т.-е. наиболее разумной постановки) труда и производства на началах научной организации труда.

Если принять во внимание, что работа следователя даже в небольшом участке или районе, учитывая ее сложность, трудность и длительность по каждому делу, требует величайшей экономии сил и времени и серьезного умственного напряжения, следует притти к бесспорному выводу, что вопросы техники производства следственных действий и урегулирования труда следователя по определенным нормалям являются вопросами первостепенной важности в процессе осуществления следователем своих полномочий по каждому делу на точном основании правил, изложенных в Угол.-Проц. Кодексе.

Наука об организации труда указывает обязательные условия или требования нормализации каждой отрасли труда: 1) необходимо, чтобы в работе каждого аппарата была организационная четкость, т.-е., чтобы было точно известно: кто, что и где делает (т.-е. каждый отдельный работник) в общем деле, и чтобы была спайка и правильное разделение труда отдельных сотрудников; 2) необходимо, чтобы методы (способы, приемы) работы были по возможности упрощены и соблюдалась возможная экономия в расходовании времени, средств и рабочей силы; 3) необходимо, чтобы существовал учет и контроль работы, как со стороны самого работающего, так и со стороны вышестоящего наблюдающего органа, при чем чтобы учет и контроль (при самоконтроле или проверке со стороны), мог дать в каждый данный момент ответ, как и успешно ли выполняется намеченный данной организацией, учреждением или отдельным лицом план работы или целого ряда работ. Таким образом, по этой схеме [2]) оценка всякой работы, учет ее, исходит от главного момента работы — плана (цели) и заканчивается и покрывается проверкой его выполнения.

Применяя указанные требования к работе следователя, мы должны признать, что в следственном аппарате успешно работа может пойти и давать реальные результаты в области расследования при условиях: 1) если сам он и его сотрудники (секретарь или делопроизводитель, практиканты - помощники) будут точно знать, кто из них и что имеет право делать и чего не имеет, кто, когда и к какому сроку должен выполнить ту или другую работу; 2) если отдельные действия по дознанию и следствию будут производиться не только технически правильно (т.-е. с соблюдением УПК), но и с максимальной экономии во времени, с наименьшими расходами для государства и с экономной затратой энергии, и 3) если по каждому делу и следственному производству он может в каждый данный момент сказать, что в порядке

---

[1]) В области научной организации труда (НОТ) под стэндартом понимается образец.

[2]) Схема—рисунок, изображающий общие черты предмета, организации, дела, доклада и т. д., без описания деталей.

плана расследования им уже сделано, что предстоит сделать, в какой последовательности и на какие сроки те или другие следственные действия по всем его делам распределены на ближайшее время (неделя — две недели), и, таким образом, в любое время и в короткий срок может быть произведен наблюдающим лицом прокурорского надзора учет его работы и контроль ее исполнения.

Обходя пока практические указания, которые будут делаться в соответствии с указанными требованиями при изложении отдельных моментов исследования преступлений и отчасти в самостоятельном отделе об организации и внутреннем распорядке работ по производству следствия, здесь следует остановиться на основном пункте, обобщающем правильную, нормальную работу следователя по всем делам, находящимся в его производстве, а именно — на плане его работ по расследованиям и процессе выполнения этого плана.

Практика отмечала всегда и отмечает в последнее время, что некоторые следователи от бессистемного ведения следствий и неплановой работы загружены делами и утонули в них: часто следователь не знает точно, сколько у него на руках дел, какие из них близки к концу, что по тому или другому делу еще не сделано и что должно быть сделано, к какому сроку будет дело закончено и чем задерживается данное дело, где законные сроки соблюдены и где пропущены, на какое заявление или запрос еще им не получен или не дан ответ и т. д. Все это, конечно, находит естественное об'яснение, но никак не оправдание, так как все это происходит именно от отсутствия плана в работе и самоконтроля и учета этой работы. А между тем, к нему или поступает новое дело, или от него уходит, направляется по подсудности, учет дел мешается, детали по делам забываются и т. д.

Поэтому в первую очередь следователю, как обязательную памятку, следует себе поставить за правило: вести для себя письменную регистрацию предположенных и назначенных следственных действий по каждому делу на особом листе, вложенном за обложкой в каждом деле, с момента его возникновения и до момента его направления.

В каждом деле на этом листе, на основании актов дознания, содержания заявления потерпевшего, материалов ревизии и т. д., под заголовком дела и статьей Уг. Код., по признакам которой принято дело, и под выпиской фамилий, указанных в материалах подозреваемых по делу, вещ. док. и т. п. — следует в виде плана наметить предположенные по делу следственные действия в последовательности предполагаемого выполнения их.

В зависимости от хода следствия и от новых данных, добытых при расследовании, в дальнейшем на этой же памятке наслаиваются новые записи намечаемых следственных действий, а выполненные зачеркиваются.

Если бланкировать подобную памятку, то она получит вместе с соответствующими записями следователя такую форму (см. стр. 66).

Если составление и ведение подобной памятки не имеет особого значения по мелким и несложным делам, то по делам с большими и неразработанными материалами дознания это представляется безусловно необходимым, так как надеяться на свою память без записей по таким делам весьма рискованно: часто какой-нибудь факт, имеющий для дела значение, при чтении актов дознания предполагается быть проверенным допросом проходящего по дознанию свидетеля или другим способом, но потом при наслоении новых добытых следствием данных забывается, и дефект этот обнаруживается уже только на суде.

Памятка по делу №..........

о..Угол. Код., ст. ст...

Подозреваемые, указанные в жалобе, заявлении, в актах дознания, в материалах ревизии и т. п.	Листы дела.	Свидетели, указанные в жалобе, в актах дознания и т. п.	Листы дела.	Предметы, документы, приложения, имеющие значение веществ. доказ. и присланные к делу.	Где находятся (в точке, в особом пакете, оставлены на хранение в учреждении или вшиты среди актов дознания.)

Принято дело..192...... года.

Послано уведомление прокурору о начатии следствия ....за №

Намеченные следственные действия:

№№ (примерн.) порядок.	Какие действия предположены или назначены.	На какой день.	Отметки об исполнении.
	Допросить **потерпевшего** (фамилия)		
	Выехать на **осмотр места**		
	Вызвать **свидетелей** (фамилии).		
	Произвести **осмотр приложенных к делу предметов, документов** и т. п.		
	Произвести осмотр при участии **сведущего лица** (слесаря, каллиграфа, специалиста по оружию, врача и т. п.) вещ. доказательств.		
	Допросить или передопросить **свидетелей** (фамилии) с пред'явлением им **вещ. доказательств**		
	Послать **поручение в порядке 126 ст. УПК** о допросе, осмотре и т. п.		
	В дальнейшем, в связи с новыми данными, добытыми следствием, намечаются новые следственные действия:		
	Выехать **на обыск** туда-то с предварительным составлением постановления.		
	Составить **постановление о привлечении** и сообщить **учреждению** об отстранении привлеченного от должности (142 ст. УПК)		
	Назначить **допрос обв.**, принять **меру пресечения**, послать **копии** в место заключения и прокурору.		
	Затребовать **сведения** от учреждения в порядке 176 ст. УПК		
	Дать **поручение милиции** (2 ч. 110 ст. УПК) о дополнит. дознании в раз'яснение такого то обстоятельства		
	Выезд в место заключения **для об'явления обв. об окончании следствия**.		

В целях точного распределения времени для следственных действий следователь должен, кроме того, вести календарный месячный дневник по тетради, в которой одновременно с назначением следственных действий по каждому делу записями в памятке размечает, на какое число, в какие часы и по какому делу вызваны свидетели, назначен выезд, приглашен эксперт и т. д.

По этой тетради следователь видит, какая ему предстоит работа в ближайшие дни, скажем, на неделю-две, какие дни свободны и могут быть заняты экстренными и внеочередными работами, как должны быть распределены часы вызова свидетелей, чтобы не было одновременных вызовов многих лиц и напрасных задержек ожидающих допроса свидетелей, а в конце года этот дневник будет лучшим свидетелем и доказательством всей проделанной следователем за год работы.

При условии обязательного составления указанной памятки с указанием плана следственных действий по каждому делу и с отметками об исполнении следователь в каждый данный момент точно и ясно даст ответ и себе и прокурору, в каком положении находится у него то или другое дело, и в течение 5—10 минут, не перелистывая даже многотомного дела, составит в письменной форме необходимую справку о положении дела и предположенном времени его окончания или о причинах задержки в окончании следствия.

Этих общих указаний в связи с положениями, изложенными в 1 части настоящего руководства, достаточно для того, чтобы перейти к изложению, анализу и раз'яснению отдельных действий по расследованию преступлений, на которые управомочены наши органы дознания и народные следователи по Угол.-Проц. Кодексу.

ГЛАВА II.

Начальный момент расследования и принятие дела для производства дознания или следствия.

Право сделать сообщение об обнаруженном преступлении и потребовать производства расследования имеет не только пострадавшее от преступления лицо, но и всякий гражданин, осведомленный о преступлении, и всякая частная или общественная организация.

Это—даже не право, а обязанность каждого отдельного гражданина и общественного коллектива, так как все сознательные граждане без из'ятия должны считать себя заинтересованными в охране государства от преступных посягательств общественно-опасных элементов.

Государственные учреждения и должностные лица тем более не могут закрывать глаза на сделавшиеся им известными преступные деяния, так как они сами являются частицами той государственной власти, которая запретила под страхом наказания те или другие деяния, признав их «угрожающими основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью» (6 ст. Угол. Код.).

Возбуждение уголовного преследования против нарушителей закона является прямой обязанностью прокурора, который призван осуществлять надзор от имени государства за законностью действий как органов власти, так общественных организаций и частных лиц (78 ст. пол. о судоустройстве).

Поэтому естественно, что заявления граждан и всяких организаций,

сообщения правительственных учреждений и должностных лиц и предложения прокурора являются для органов дознания и следствия законными поводами для начатия дела и производства расследования по уголовным правонарушениям (1, 2 и 4 п. 91 ст. УПК).

Однако, не только по этим поводам может быть приступлено к расследованию органами дознания и следствия.

Могут быть случаи, когда преступление оставалось неизвестным и не доходило до судебных властей и административных органов, но совершитель преступления по каким-либо мотивам и соображениям сам решил заявить о совершенном им преступлении и принести повинную. Такая явка с повинной также обязывает органы дознания и народных следователей выслушать явившегося, принять его явку с повинной, как факт, подлежащий расследованию, и составить об этом протокол, признав явку с повинной законным поводом для возбуждения уголовного дела (3 п. 91 ст. УПК).

Наконец, каждый агент дознания и следователь могут сами непосредственно натолкнуться на совершающееся или только-что учиненное преступление, еще до получения заявления или сообщения об этом со стороны заинтересованного или постороннего лица. В доме, где проживает следователь, он случайно застает в соседней комнате картину истязания ребенка лицом, на иждивении которого этот ребенок находится, или, попав в мастерскую ремесленника, наблюдает факт преступной эксплоатации со стороны нанимателя в отношении его служащих и т. п. Удостоверившись в наличности преступных нарушений закона, в этих случаях следователь может составить протокол, пригласив понятых для оформления установленного факта. Таким образом и непосредственное усмотрение следователя в случае застигнутого им самим преступного события также является законным поводом для возбуждения уголовного дела и производства расследования (5 п. 91 ст. УПК).

Указанными выше поводами исчерпываются все случаи, по которым органы дознания и следователи приступают к производству расследования.

Процессуальный закон делает, однако, некоторые исключения, когда полученное заявление о преступлении не может быть безусловно поводом для возбуждения уголовного дела. Это — получение следователем анонимного, т.-е. безыменного, неподписанного заявителем заявления о совершенном преступлении. Так как подобное заявление, за правильность которого автор, не подписавший его и скрывающий себя, очевидно, не хочет принять на себя ответственности, может оказаться ложным доносом, даже сообщением о несовершившемся в действительности события или же просто шуткой или хулиганской выходкой; начинать расследование по этому заявлению значило бы тратить силы и время на бесплодную работу. Однако, могут быть случаи, что анонимность заявления, вызванного чувством гражданского долга заявителя, узнавшего о весьма важном преступлении, об'ясняется боязнью мести, личной робостью и т. д. Преступление действительно имело место, но о нем из непричастных к делу лиц знает только заявитель, который хочет остаться неизвестным, но сообщает о факте подлежащей власти. Поэтому в подобном случае, получив анонимное заявление, имеющее характер правдоподобного сообщения, следователь должен поручить органам дознания произвести предварительную негласную проверку заявления и только по получении от органов дознания подтверждения действительности совершения факта преступления, о котором заявлено в анонимном доносе, должен принять дело к своему производству (93 ст. УПК).

Ранее, в первой части нашей работы, уже указывалось, что прежде, чем принять дело к своему производству, соответствующий орган дознания или народный следователь должны обсудить поступившие к ним заявления, сообщения или материалы и удостовериться, имеются ли в этих сведениях признаки преступного деяния и какого именно, когда совершено это деяние и не погашено ли оно давностью или амнистией; подлежит ли оно расследованию в данном районе или участке (по месту совершения или обнаружения) в порядке последовательности, и в положительном случае обязан принять дело к своему производству и составить постановление о принятии дела.

Указанные моменты должны быть обсуждены без отношения к тому, от кого поступило заявление, сообщение или предложение,—от частного или должностного лица, не исключая и прокурора,—тем более, что и прокурор, давая предложение следователю, мог ошибиться и пропустить, например, момент времени совершения данного преступления, погашенного давностью, а административный орган, возбудивший, например, дело по материалам ревизии, мог ошибиться в квалификации преступления и передать следователю дело, ему неподследственное, и т. д.

Только удостоверившись, по ознакомлении с присланными материалами, в действительном совершении преступного события и признав наличность законных поводов и оснований к начатию дознания (или следствия) и притом именно в данном участке или районе, орган дознания, как и следователь, составляет первое постановление о принятии дела и о приступе к производству расследования.

В противном случае органы дознания и следствия или отказывают заявителю в производстве расследования, с указанием мотивов отказа и с раз'яснением, что отказ этот может быть в семидневный срок обжалован в подлежащий суд; или сообщают прокурору о встретившихся сомнениях по вопросу о неправильной передаче дела согласно его предложению, или, наконец, посылают переписку в другой участок или район в порядке подследственности и подсудности (94 и 95 ст. УПК).

Приняв дело к своему производству и составив постановление о принятии дела, органы дознания и следствия в суточный срок обязаны сообщить прокурору о начатии ими расследования, при чем это сообщение требуется от органов дознания лишь в отношении дел, по которым обязательно производство предварительного следствия (108 ст. УПК); такое же сообщение по этим делам посылается органами дознания и следователю; следователи же посылают прокурору сообщения о начатии ими следствия по всем делам, принятым ими к своему производству. (1 и 3 п.п. 96 ст. УПК).

Здесь представляется необходимым установить, в какой срок по получении заявления, сообщения или вообще сведений о совершенном преступлении орган дознания или следователь должны составить постановление о принятии дела и ф а к т и ч е с к и приступить к расследованию.

Из того, что закон дает сравнительно короткий предельный срок для производства дознания—не более месяца (105 ст. УПК), а для административного расследования действий должностных лиц правительственными учреждениями—трое суток (3 п. 97 ст. УПК), и из того, что, хотя для окончания предварительного следствия не указано предельного срока, но требуется н е м е д л е н н ы й приступ к производству расследования (110 ст. УПК),—следует заключать, что ко всякому расследованию, по получении органами дознания и следствия сведений о совершенном преступлении, должно быть приступлено немедленно.

Однако, в каждом отдельном случае момент фактического приступа к расследованию есть вопрос факта и разрешается на практике различно. Органам дознания, в большинстве случаев приходится начинать расследование с голого места, так-сказать с чистого листа бумаги. Подается в милицию или уголовный розыск жалоба потерпевшим, поступает заявление от очевидца преступления, делается доклад явившимся с поста милиционером и т. п.,—преступление еще неясно представляется для принимающего заявление; обстоятельства его совершения еще никем не выяснились и нигде не зафиксированы. Возможно, что от малейшего промедления могут произойти непоправимые последствия; притом в порядке дознания приходится еще находить, добывать свидетелей, дознавать о том, какие лица были близки к преступному событию, и, следовательно, необходимо дознание произвести на месте, вне участкового комиссариата или управления милиции. Поэтому естественно, что органы дознания, располагающие кадрами подсобных сотрудников и приспособленные для работы во всякое время дня и ночи, должны фактически приступить к расследованию часто тотчас же по получении сообщения о совершенном преступлении.

Несколько в ином положении является следователь; он не всегда немедленно оповещается о преступлении, совершенном в его участке: проходит несколько часов, а иногда сутки и более, пока он получит сообщение от органов дознания; наконец, в момент получения в камере этого сообщения он может быть занят следственными действиями по другому делу или отсутствовать; самое возникновение у него дела бывает иногда даже отдалено от момента совершения преступления, после того как преступное событие выявлено дознанием или путем длительного ревизионного обследования, по которым накопились значительные письменные материалы.

Поэтому фактически следователь не имеет часто возможности немедленно приступить к следствию: как представитель единоличной власти по расследованию в своем участке и не имеющий подсобных работников, управомоченных на производство следственных действий, он волей-неволей вынужден иногда допустить промедление в приступе к следствию.

С одной стороны, получив срочное сообщение, например, об убийстве, о бандитском нападении и т. п., следователь, конечно, обязан немедленно по получении сообщения, даже ночью, выехать на место преступления; с другой стороны, собираясь на срочные следственные действия по одному делу и получив в это время сведения об обнаруженном в его участке другом важном преступлении, требующем его прибытия, следователь должен учесть все возможности и точно расчитать и определить, куда и по какому из этих дел он сначала должен выехать; наконец, получив для производства следствия дело, например, с материалами ревизии или административного расследования должностного преступления, не требующего срочных следственных действий, следователь может, при значительном числе скопившихся у него на руках дел, приступить фактически к следствию по этому делу лишь по окончании намеченных им ранее неотложных следственных действий и по предварительном ознакомлении с материалами нового дела.

Таким образом, в начальной стадии производства следствия по каждому делу следователь, как полный хозяин своего дела и ответственный персонально за упущения в работе, получившиеся от промедления или нераспорядительности, сам должен определить, когда и в какой последовательности он должен произвести первые неотложные следственные действия по данному делу.

Но, во всяком случае, формальный акт принятия дела к своему производству, не являющийся фактическим приступом к следствию, он должен, немедленно по ознакомлении с существом поступившего сообщения или материалами дознания по делу, закрепить составлением постановления о принятии дела. В этом постановлении могут быть отмечены в исключительных случаях и основания, по которым следователь лишен возможности произвести немедленно те или другие неотложные следственные действия по этому новому делу, откладывая их до следующего дня или назначая на один из ближайших дней.

В редких случаях одновременного получения двух сообщений об убийствах в разных концах его участка, требующих немедленного прибытия его на место, следователь обязан обратиться к местному пом. прокурора о временном командировании по одному из этих дел следователя соседнего участка для совершения неотложных следственных действий или дать соответствующие поручения милиции (2 ч. 110 ст., 125 и 126 ст. УПК).

Постановление о принятии дела может быть изложено на бланках, которые уже введены в практику повсюду; в постановлении этом кратко излагаются: повод к возбуждению уголовного дела, преступление, на признаки которого имеются указания в деле (соответствующие статьи Угол. Код.), и подсудность дела.

После составления постановления о принятии дела, посылки сообщения прокурору в суточный срок о начатии следствия и оформления начатого производства по делу (запись в настольном реестре, изготовление обложки с заголовком дела и нумерацией и проч.) следователь намечает план следственных действий по этому делу на ближайшее время, как это было указано выше, в соответствии с положением других дел, находящихся у него в производстве.

В процессе детальной разработки этого плана и постепенного выполнения его следователь должен все время помнить, что в задачу следствия входит не только отыскание действительного совершителя преступления и изобличение его,—что входит, главным образом, в задачу дознания и розыска,—но и всестороннее освещение всего дела с полным выяснением всех основных моментов расследования, сущность которых была изложена в первой части настоящего руководства.

ГЛАВА III.

Привлечение и допрос заподозренного в совершении преступления в качестве обвиняемого.

Об'яснение или показание, данное обвиняемым, при допросе по каждому делу является центральным моментом расследования. Все операции исследующего преступление, все следственные действия, произведенные в раз'яснение тех или других обстоятельств дела, вращаются вокруг личности заподозренного или изобличенного обвиняемого. Расследование события или деяния, признаваемого по закону преступным (6 ст. Угол. Код.), направляется к конечной цели нахождения, обнаружения и изобличения его совершителя путем установления отдельных фактов исследуемого преступного события, собирания доказательств и оценки их значения методами, о которых было сказано выше. Поэтому моментом допроса обнаруженного и изобличенного

обвиняемого завершается круг важнейших следственных актов, предопределяющих окончание и направление дела.

Когда вся совокупность установленных фактов, связанных между собой естественной причинной связью, логически приводит мысль следователя к выводу, что исследуемое преступление могло быть совершено таким-то именно суб'ектом, а не кем-либо другим, в деле начинает вырисовываться определенная личность заподозренного виновника.

Практика расследования преступлений показывает, что в процессе работы органов дознания и следствия—среди бесконечного разнообразия уголовных дел—личность виновника преступления, опутанная сетью улик и окруженная кольцом более или менее веских доказательств, начинает выступать в роли обвиняемого в различные моменты расследования.

По одним делам уже в начальный момент расследования, когда потерпевшим заявлено прямое подозрение против определенного лица или когда виновник преступления задержан в момент совершения его, личность обвиняемого, который может быть привлечен в качестве обвиняемого, уже известна; по другим делам необнаруженный вначале виновник совершения преступления устанавливается или розыскивается органами дознания, и дело о нем передается следователю или ставится на суд; в этом случае также имеется определенное лицо, которое может быть привлечено в качестве обвиняемого; или, наконец, по делам, где дознанием не обнаружены виновники, обвиняемый розыскивается или выясняется уже в процессе предварительного следствия.

В последнем случае опять-таки иногда дело складывается так, что личность виновника преступления выясняется первыми следственными актами, а иногда доказательства собираются медленным темпом; нанизывается постепенно одна улика на другую, и полный момент выявления личности совершителя преступления завершается лишь в конце предварительного следствия.

Нельзя установить никаких общих правил, в какой момент и по каким делам следует признать заподозренного достаточно изобличенным, чтобы можно было пред'явить ему обвинение и приступить к его допросу в качестве обвиняемого. В каждом отдельном деле это—вопрос факта, разрешение которого зависит от усмотрения лица, производящего дознание или следствие, и определяется характером и силой улик, доказательной оценкой их со стороны следователя и теми или другими соображениями, которые заставляют ускорить или отдалить акт привлечения обвиняемого на основании добытых расследованием прямых или косвенных доказательств.

Во всяком случае, для производства дознания и народного следователя в процессе исследования наступает, наконец, такой момент, когда признается «наличие достаточных данных, дающих основание для пред'явления обвинения в совершении преступления», и необходимо привлечь заподозренного и допросить его в качестве обвиняемого (128 ст. УПК).

Для органов дознания этот момент не требует особого оформления; подозреваемое лицо просто опрашивается, при чем этому опросу не предшествует обязательное составление мотивированного постановления, кроме случаев личного задержания заподозренного (ср. 99, 101, 102 и 128 ст. УПК).

Однако, если принять во внимание, что этот акт дознания называется в процессуальном законе допросом обвиняемого (102 ст. Уг. Код.) и что доказательная сила актов дознания и следствия по Угол.-Проц. Ко-

дексу признается по существу одинаковой (109 и 385 ст. УПК), следует признать, если не обязательным, то, во всяком случае, желательным, чтобы органы дознания или оформляли этот акт путем предварительного составления краткого постановления об опросе заподозренного, или же фиксировали в протоколе при опросе заподозренного, что данное лицо допрошено в качестве подозреваемого и что ему об'явлена сущность обвинения в преступлении, в совершении которого оно подозревается.

Для следователя составление мотивированного постановления о привлечении данного лица в качестве обвиняемого обязательно, при чем пред'явление обвиняемому обвинения должно последовать не позже, как в течение 48 часов со дня составления следователем постановления о привлечении (128 ст. УПК).

Устанавливая такой короткий срок для пред'явления обвинения привлеченному обвиняемому, законодатель имел в виду в связи с общими указаниями о возможной быстроте и непрерывности ведения следствия, приблизить момент пред'явления обвинения обвиняемому к акту привлечения. Естественно, что раз следствие установило достаточность улик для привлечения обвиняемого, выяснило в достаточной степени обстоятельства дела и мотивировало основательность обвинения конкретными фактическими данными, привлеченный обвиняемый должен быть немедленно осведомлен об этом, чтобы с этого момента мог знать свое положение в процессе: до этого он, может-быть, только догадывался о возникшем против него подозрении, а может быть, и не знал даже этого; он не был официально связан обязанностью никуда не отлучаться без разрешения следователя, мог уехать и тем замедлить следствие, и не отвечал за это; он, наконец, не знал, какие доказательства добыты против него и какие он должен противопоставить возражения, если считает обвинение его в преступлении несправедливым или ошибочным.

Теперь же он из неопределенного положения подозреваемого, который даже не может явиться к следователю для дачи об'яснений, переходит на положение обвиняемого и имеет право давать свои об'яснения и представлять в свое оправдание доказательства.

Поэтому требование закона — неотлагательно пред'явить обвинение заподозренному, как только окончательно выяснится возможность обосновать привлечение его в качестве обвиняемого,—является и целесообразным и согласованным с общим духом следственного процесса, предоставляющего каждому, имеющему несчастье попасть под подозрение, законные способы защиты от произвола, несправедливости и напрасного обвинения.

В дальнейшем мы должны будем подробнее остановиться на акте пред'явления обвинения, который недостаточно четко определен законом, а пока изложим дальнейший порядок вызова и допроса обвиняемого, которые в обычной следовательской практике следуют непосредственно вслед за привлечением обвиняемого.

Привлеченный к следствию обвиняемый, вызванный следователем, должен быть допрошен не позже, как через 24 часа по его явке или приводе, или по получении сведений о его задержании (134 ст. УПК). Само-собою разумеется, что обвиняемый, находящийся на свободе или вызванный из места заключения на известный день и в определенный час, должен быть допрошен в тот же день, и если бы допрос затянулся до позднего времени, следователь

может продолжить допрос в следующий назначенный день, но первый допрос должен быть оформлен составлением протокола допроса и разрешением вопроса о мере пресечения. Если бы следователь почему-либо, в виду экстренной непредвиденной раньше необходимости произвести какие-либо другие следственные действия по этому же или другому делу, наконец, вследствие своего заболевания и т. п., не мог снять допроса с обвиняемого до истечения 24-часового срока после его явки или привода, обвиняемый должен быть отпущен или возвращен в место его заключения впредь до нового вызова, а о причинах отсрочки должен быть составлен протокол.

Гораздо труднее разрешается на практике вопрос о допросе обвиняемого в суточный срок по получении следователем сведений о его задержании. Привлеченный следователем обвиняемый задержан милицией, и о задержании его следователь получает сообщение в 9 час. утра в тот день, когда у него назначены уже следственные действия, также связанные с допросами по арестантским делам. Если бы следователь не успел в этот же день, хотя бы вечером, прибыть в место задержания обвиняемого для допроса, он должен приступить к допросу не позже утра следующего дня: промедление в часе или минутах, конечно, в подобном случае не может иметь значения. В случае промедления в снятии допроса по истечении 24 часов, в виду, например, позднего возвращения следователя из поездки и получения сведений о задержании обвиняемого до его прибытия в течение нескольких суток, об этом должен быть составлен протокол с отметкой о времени получения следователем сведений о задержании обвиняемого. Однако, в случае получения сведений о задержании розыскивавшегося следователем обвиняемого во время длительной отлучки следователя из места его пребывания, секретарем его может быть в срочном порядке доложено участковому пом. прокурора, который может дать поручение другому следователю о производстве срочного допроса обвиняемого, при этом следует рекомендовать оставление в отношении обвиняемого меры личного задержания до возвращения следователя, ведущего следствие по этому делу, во избежание возможных ошибок, которые могут быть допущены в этом отношении следователем, исполняющим поручение и не вполне знакомым со всеми деталями данного дела.

Здесь имеется в виду случай, когда следователем получены сведения о задержании обвиняемого, уже привлеченного к следствию по находящемуся в производстве следователя делу.

Но как, спрашивается, поступить, если к следователю поступает дознание по новому делу и сведения, что по этому делу имеется задержанный подозреваемый? Предположим при этом, что в дознании не содержится достаточно основательного материала, чтобы привлечь задержанного к следствию в качестве обвиняемого.

В этом случае следователь, приняв дело к своему производству, обязан составить постановление об освобождении задержанного из-под стражи, о чем и сообщить в 24-часовой срок задержавшему его органу милиции. Если же следователь по обстоятельствам дела признает необходимым оставить заподозренного под стражей впредь до проверки актов дознания в ближайшие дни, когда и можно будет пред'явить обвинение заподозренному, следователь составляет постановление, в порядке 145 ст. Угол.-Проц. Код., о принятии меры пресечения—заклю-

чения под стражей против задержанного заподозренного, изложив в этом постановлении основания к принятию такой исключительной меры. Но затем, если до истечения 14 суток со дня принятия этой меры следователь все-таки не найдет возможным на основании добытых улик привлечь заподозренного в качестве обвиняемого и пред'явить ему обвинение, он обязан отменить принятую им меру пресечения и освободить задержанного. Наконец, если бы следователь нашел возможным привлечь этого задержанного в качестве обвиняемого на основании полученных материалов дознания по принятии дела к своему производству,—следователь составляет постановление о привлечении в указанный 24-часовой срок и затем уже обязан пред'явить обвинение привлеченному в течение 48 часов со дня составления постановления о привлечении.

Возвращаясь к вопросу о составлении следователем мотивированного заключения о привлечении обвиняемого, следует отметить, что некоторыми следователями введены в практику бланки для таких постановлений с пропуском 10—20 строк для вписания мотивировочной части, которая в подобных случаях обычно сводится к указанию, что данными следствия такой-то в достаточной степени изобличается в том, что такого-то числа и т. д. А далее следует по существу одно голое содержание вопросного пункта, формулирующего обвинение. Такую форму составления постановлений, допустимую для простейших актов органов дознания, следует безусловно изгнать из следственной практики.

Прежде всего, следует помнить, что 128 ст. Угол.-Проц. Код. требует составления мотивированного постановления, а в ст. 129 указывается, что, кроме основных моментов, обнимающих собою состав преступления (время, место и другие обстоятельства совершения преступления) в постановлении о привлечении должны быть указаны также основания привлечения.

«Основаниями привлечения», конечно, не может считаться общая ничего не говорящая фраза, что «следствием вполне установлено, что такой-то вполне изобличен в том-то»... Под основаниями привлечения следует разуметь, по сопоставлении текста 128 и 129 статей, ту фактическую связанность отдельных фактов, которые добыты или установлены дознанием и следствием и на основании которых, по оценке их, следователь делает вывод, что эти факты в достаточной степени доказывают виновность привлекаемого лица в данном преступлении.

В постановлении этом, правда, могут быть не всегда подробно указываемы источники доказательств, т.-е. могут быть, например, не указываемы персонально свидетели, которые удостоверили тот или другой факт, не излагаемы части содержания писем или переписок, которые изобличают обвиняемого, могут быть не упоминаемы негласные сведения и косвенные доказательства, которые подлежат еще проверке следственными действиями и которые преждевременно не должны быть известны обвиняемому, но общая группировка фактов, добытых расследованием, в смысле доказательности этих фактов, как улик против обвиняемого, как оснований для его привлечения, в постановлении, хотя бы кратко, должна быть изложена.

Подтверждением правильности нашего взгляда на содержание мотивированного постановления служит и общая постановка следственного процесса

по Угол.-Проц. Код., предоставляющая обвиняемому известные гарантии, т.-е. обеспечивающая ему право требовать расследования обстоятельств, не только его уличающих, но и оправдывающих (111 и 208 ст. УПК), право представлять свои доказательства, указывать своих экспертов (169 ст. УПК).

Если допустить, что следователь при пред'явлении обвинения не изложит обвиняемому оснований привлечения, если далее он будет задавать ему вопросы (ст. 138), значение которых будет неясно для обвиняемого, и если затем, заканчивая следствие, об'явит обвиняемому об окончании предварительного следствия, спрашивается, какие возможности имеются у обвиняемого, чтобы узнать, какие же доказательства имеются против него в деле, какие факты признаны изобличающими его и какие ему нужно представить возражения и чем просить дополнить предварительное следствие?

По дореволюционному процессуальному закону обвиняемый имел право присутствовать при всех следственных действиях; показания свидетелей, данные в его отсутствие, ему прочитывались, а по окончании следствия ему оглашались все следственные акты, и он даже имел право, помимо этого, получить копии со всего следственного производства. Наш Угол.-Проц. Код., может-быть, вполне основательно, урезал эти прежние «гарантии» прав обвиняемых, но он отнюдь не отдал обвиняемого на усмотрение следователя, который мог бы держать в тайне от обвиняемого те фактические данные, собранные по делу, и те основания, по которым эти данные признаются доказательствами, его изобличающими. Только то, что подлежит предварительной проверке негласным дознанием, только то, что подлежит выяснению путем внезапных экстренных приемов добывания доказательств (обыски, выемки, задержание почтово-телеграфной корреспонденции и т. п.), не может быть оглашено и об'явлено обвиняемому в известные моменты следственного процесса.

Разрешая вопрос об оформлении акта привлечения, следует выяснить технику составления этих постановлений в случаях привлечения нескольких лиц по одному и тому же делу в качестве обвиняемых.

Если принять во внимание, что по нашему Угол.-Проц. Кодексу, как выше указано, обвинение должно быть пред'явлено обвиняемому в течение 48 часов после составления постановления о привлечении и если принять во внимание, что улики, изобличающие одного обвиняемого, часто в интересах следствия не должны быть известны другому обвиняемому, что, наконец, закон наш признает возможным оценивать разноречия в показаниях обвиняемых, как улики против них, так как допускает между обвиняемыми очную ставку, то следует признать вполне целесообразным требование, вытекающее из общего смысла процессуальных правил,—составлять в отношении каждого из нескольких обвиняемых отдельное постановление о привлечении. Допуская иной порядок, следователь, во-первых, был бы затруднен в соблюдении 48-часового срока допроса в отношении всех обвиняемых по одному и тому же делу, и, кроме того, оглашая общее постановление о привлечении при пред'явлении обвинения каждому из обвиняемых, осведомлял бы его преждевременно об уликах, выступающих в деле против других обвиняемых по тому же делу, как бы подсказывая этому обвиняемому, как он может об'яснять свое участие в преступлении, перелагая свою вину на других обвиняемых. В некоторых случаях это было бы равносильно предоставлению возможности обвиняемым до допроса сообщаться между собой, что противоречит требованию 137 ст. Угол.-Проц. Код.

Когда постановление о привлечении составлено, следователь должен разрешить вопрос о порядке вызова обвиняемого на допрос. Общий порядок вызова: посылка повестки почтой или через милицию, телефонограммой, обращением в учреждение, где служит обвиняемый, об'явлении ему о явке к допросу, словесным поручением милиции о вызове и т. п. В этом отношении закон не стесняет следователя особыми формальностями (130 ст. УПК).

Если следователь получает сведения, что обвиняемый не может явиться в назначенный день к допросу, следует обсудить степень уважительности причин, препятствующих явке (болезнь, несвоевременное получение извещения о вызове, перерыв в сообщениях в весеннее половодье в сельских местностях, какие-либо личные хозяйственные или семейные дела, вроде похорон близкого члена семьи и т. п.). Доверяя тому или другому об'яснению причин неявки или удостоверению врача, домоуправления, фабкома, представленному обвиняемым, следователь назначает новый срок явки к допросу в ближайшие же дни. В случаях болезни обвиняемого и неотложности допроса, в связи с особенностями данного дела следователь может отправиться на допрос в место нахождения обвиняемого, к нему на квартиру, в больницу и т. д.

Признавая причину неявки обвиняемого неуважительной, следователь, в зависимости опять-таки от серьезности дела и возможных неблагоприятных последствий неявки обвиняемого, уклонившегося от явки по первому вызову, может подвергнуть обвиняемого приводу, т.-е. сообщает милиции о задержании обвиняемого и принудительном приводе его в сопровождении агента милиции для допроса в назначенный день. При этом милиция должна избегать задержания обвиняемого до дня привода, чтобы привод не обратился в предварительное содержание под стражей. Без предварительного вызова указанными выше способами обвиняемый может быть подвергнут приводу для допроса лишь в случаях, если у следователя возникает опасение, что обвиняемый, получив повестку или извещение о явке, может скрыться или принять меры к сокрытию улик, или, наконец, обвинение, пред'являемое вызываемому, по существу таково, что предрешает до некоторой степени вопрос о принятии против него после допроса одной из высших мер пресечения. Если обвиняемый скрылся, и местопребывание его неизвестно, следователь принимает меры к его розыску путем сношений с милицией, правительственными учреждениями, где служил обвиняемый и т. д., а в необходимых случаях через уголовный розыск, отдавая распоряжение в случае нахождения обвиняемого, о задержании его с немедленным уведомлением следователя о таковом задержании. Безуспешность розыска неявившегося и неразысканного обвиняемого не дает оснований к приостановке других следственных действий, так как законченное следствие при отсутствии скрывшегося и неразысканного, несмотря на принятые меры, обвиняемого, направляется на разрешение суда в порядке подсудности с уведомлением об этом прокурора. Таков общий порядок предварительных мероприятий по вызову и розыску обвиняемых при следствии (130—133 ст. УПК).

Переходя к существу самого допроса обвиняемого, необходимо остановиться на т е х н и к е этого допроса, тем более, что в законе даны лишь общие руководящие указания о производстве допроса.

Прежде всего, к допросу обвиняемого следователь сам должен предварительно приготовиться: к этому моменту у следователя, как и агента дознания, должно быть намечено, о чем, о каких обстоятельствах должен быть, главным образом, при первом допросе допрошен обвиняемый, какие вопросы

и в какой последовательности должны быть ему предложены, и какие вещественные доказательства, если таковые имеются, должны быть ему пред'явлены. По делам более или менее сложным и запутанным или загроможденным обширными материалами дознания, необходимо сделать себе черновую выписку отдельных моментов допроса. Словом, в это время следователем должны быть для себя суммированы все обстоятельства дела настолько же ясно и полно, как если бы следователь составлял поручение в порядке 126 ст. Угол.-Проц. Код. другому следователю о допросе этого обвиняемого. При этом, исходя из презумпции (т.-е. предустановленного вполне естественного предположения), что обвиняемый в интересах своей защиты может давать неправдоподобные об'яснения или даже лживые искажения истины,—следователь должен быть готов к неожиданностям и предвидеть, какой вопрос должен быть задан обвиняемому на основании имеющихся у следователя в деле точных данных, которые должны быть сопоставлены с об'яснением обвиняемого и предложены для раз'яснения обвиняемому при постановке ему дополнительных вопросов.

При несоблюдении этих практических указаний относительно предварительной подготовки к допросу обычно бывает так, что следователь уже после освобождения обвиняемого от допроса, перечитывая показания обвиняемого или другие следственные акты, обнаруживает, что допросом не выяснено какое-либо важное обстоятельство, которое является уликой против обвиняемого и которое уже ранее было следствием не вполне точно установлено, или не пред'явлено обвиняемому вещественное доказательство, значение которого в деле поэтому остается неясным: в результате или требуется новый дополнительный вызов обвиняемого для допроса, или выяснение сомнительных обстоятельств другими способами, загромождая следствие такими актами, которые можно было бы выяснить путем предложения вопроса самому обвиняемому.

Приступая к допросу обвиняемого, следователь предварительно должен, удостоверившись в самоличности обвиняемого и записав по выработанным уже бланкам личные сведения об обвиняемом (его летах, происхождении, занятии до Октябрьской революции и после, месте жительства и проч.), огласить ему постановление о привлечении, которое обвиняемый подписывает, после чего ему ставится общий вопрос, признает ли он себя виновным в пред'явленном обвинении и что желает об'яснить или рассказать по существу этого обвинения, и после данных об'яснений уже задаются вопросы, как вытекающие из недостаточно полного, неясного или уклончивого об'яснения обвиняемого, так и вопросы, намеченные ранее в целях раз'яснения тех моментов, которые почему-либо не вошли в содержание постановления о привлечении.

Допрашивая обвиняемого, следователь ни в коем случае не может домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер (136 ст. УПК). Смысл этого категорического запрещения ясен сам собой: показание обвиняемого, добытое при помощи какого-либо воздействия, физического или психического насилия, не имеет никакой цены; наоборот, такое вынужденное показание может только внести в дело элемент выдумки, небылицы и извратить истину в деле, следовательно, запутать следователя еще больше, чем умолчание или искажение истины обвиняемым, который дает об'яснение свободно без всякого принуждения. Бывшие в практике расследований случаи, когда незаконными приемами допроса

выколачивалось или вынуждалось от обвиняемого сознание, показывают, что подобные приемы могут повести только к осуждению невинных и непричастных к преступлению лиц и необнаружению истинного виновника.

Подобного рода незаконные действия следователя, направленные к получению путем принуждения или угроз желательного следователю показания от обвиняемого, караются по 112 ст. Угол. Код.

Естественно, что не только насилие и угрозы в подобных случаях недопустимы со стороны следователя, но и всякого рода извращение перед обвиняемым существа добытых следствием данных: например, если следователь, желая побудить обвиняемого сознаться, сообщает ему ложные сведения, что другие обвиняемые по этому же делу уже сознались и оговорили его и что поэтому виновность его уже все-равно ясна по делу.

В процессе допроса следователю полезно на листке бумаги отмечать карандашом для себя, по возможности в точности, типичные для речи обвиняемого и характерные для существа его показания—выражения, чтобы их не забыть и целиком занести в протокол допроса. Этого требует оговорка 138 ст. Угол. Проц. Код., где указано, что показания обвиняемого заносятся в протокол «по возможности дословно».

Требуется огромная память, чтобы без таких заметок по большому делу записать в протокол после допроса почти стенографически точно с упущением несущественных моментов и переходных мыслей показание обвиняемого. Ясно, что показание обвиняемого излагается в первом лице: «я не признаю себя виновным... в этот день с утра *я* пошел в город...» и т. п. Такое же изложение показаний подозреваемого,—в первом лице,—следует рекомендовать и органам дознания: косвенная речь (обвиняемый показал, что *он* не признает себя виновным и что *он* в этот день был там-то...) требует большого напряжения мысли при передаче чужих слов, придает часто другой оттенок об'яснению, которое переводится на косвенную речь, и не фиксирует характерных особенностей речи допрашиваемого.

Хотя по 139 ст. Угол.-Проц. Код. обвиняемому в случае его о том просьбы должно быть предоставлено право собственноручного написания показаний, однако, следует это право предоставить в исключительных случаях и притом лишь хорошо грамотным обвиняемым, иначе допрос может занять много лишнего времени и все-таки показание придется дополнять приписками ответов на прямые вопросы следователя по отдельным частям уже изложенного показания или по обстоятельствам, о которых обвиняемый не дал об'яснения, не сумев на письме формулировать свою мысль: часто обвиняемые, излагающие складно и понятно свои мысли в устной речи, не могут ясно и также обстоятельно изложить этого на письме.

Следует также, по возможности, избегать при допросах отдельного изложения заданных обвиняемому вопросов и отдельной записи данных на эти вопросы ответов, хотя такое изложение показаний и не воспрещается законом (138 ст. УПК) [1]). Такой способ изложения практикуется, между прочим, по некоторым делам органами ГПУ, где все показание ведется записью вопросов и ответов по разграфленному продольной чертой бланку. Нецелесообраз-

---

[1]) В этом вопросе мы совершенно не согласны с тов. Вроблевским, который предпочтительно рекомендует эту форму записи показаний обвиняемого, ссылаясь при этом на практику западно-европейских кодексов (см. А. Б. Вроблевского: «Постатейный комментарий к Угол.-Проц.-Кодексу РСФСР», Москва 1923 г.).

ность и непригодность такого способа ясна сама собой. Прежде всего, нельзя цельный рассказ обвиняемого втиснуть в рамки отдельных вопросов: показание в этом случае лишено той яркости и четкости, которую дает живая речь обвиняемого, не сдерживаемая перерывами и вопросами допрашивающего. Допрос по такой системе обычно являет характер уловления обвиняемого на словах и не раз'ясняет сущности дела. Кроме того, тратится двойное время на постановку и записывание вопросов и ответов, хотя по существу в каждом показании отдельная мысль и изложение отдельного пункта в форме ответа уже заключает в себе и вопрос: из каждого утвердительного или отрицательного положения ясно, на какой вопрос, предложенный следователем, ответил обвиняемый. Наконец, при такой системе записи показаний отсутствует логическая связанность показания, и нельзя получить впечатления, насколько правдоподобен этот вымученный и натасканный отдельными вопросами рассказ обвиняемого. При этом обычно при такой передаче выпирает из протокола игра в Шерлока Холмса со стороны допрашивающего, заслоняющего личность допрашиваемого.

Скажите, гражданин, почему же вы не сказали об этом тогда же начальнику отдела: ведь у вас было время для этого?	Должен сказать вам, следователь, что начальник был на заседании, а потом прямо с заседания уехал.

Сколько тут лишних слов, подчеркивающих тонкость вопросов уловляющего следователя, а в результате дан простой ответ, который мог быть формулирован в связной речи при последовательной передаче показания обвиняемого!

Подобная форма записи показаний, по нашему мнению, допустима лишь при допросах малолетних, допрашиваемых в исключительных случаях в качестве свидетелей. Записанные точно поставленные вопросы и робкие ответы какого-нибудь семилетнего малыша дадут суду представление о том, что видел мальчик своими глазами, как он выразил свое впечатление об этом и как, наконец, были поставлены ему вопросы следователем и не было ли тут наведения на определенные ответы такими опросами, которые не могут смутить взрослого, но всегда сбивают с толку малолетнего.

Точно также возможно подобное изложение показания немого, переданное через переводчика, где требуется понять чужую речь знаков и перевести на слова и где изложение должно быть передано в простейшей форме и наглядным описанием события: на каком расстоянии немой видел то, что происходило на его глазах, каких размеров был предмет, чем и как ударил и по какому месту обвиняемый потерпевшего и т. п. В подобных случаях не нужно, — да это и невозможно, — излагать ход мыслей допрашиваемого, его суб'ективные переживания, а нужно лишь зафиксировать воспринятые допрашиваемым и доступные его пониманию внешние факты, даже вне их логической связанности.

По окончании допроса изложенное показание обвиняемого должно быть внятно, не торопясь, прочитано обвиняемому, должны быть сделаны поправки, которые внесет обвиняемый, или приписаны в конце оговорки и дополнения,— если обвиняемый, например, заявляет, что в начале протокола не точно записано о таком-то факте, что он имел в виду дать такое-то об'яснение и т. п. После этого протокол допроса подписывается обвиняемым и скрепляется следователем.

Бывают редкие случаи отказа обвиняемого от подписи: не отрицая, что он дал именно такое показание или ответил кратко на те или другие вопросы и что это записано в том смысле, как он показал, он все-таки отказывается от подписи по тем или другим соображениям или без об'яснения причин. Возможны вообще случаи отказа от дачи об'яснений по делу и отказа подписать протокол даже содержащий только сведения о личности, и самое заявление с отказом от дачи показаний. В этих случаях следователь приглашает понятых, хотя бы из присутствовавших в камере должностных или частных лиц, которым предлагается удостоверить факт отказа обвиняемого от подписи, после чего протокол подписывается следователем и этими лицами.

В заключение следует предостеречь следователей от записывания вообще всех следственных протоколов карандашом вместо чернил, что практикуют, правда, чаще представители милиции при дознании, чем следователи, а также заполнения записями полей на листах протокола со снижением строк до самого нижнего края листа. Карандашные записи от времени стираются и бледнеют, а края листов бумаги в деле загибаются, обращаются в бахрому и теряют текст написанного: в практике были случаи, когда нельзя было восстановить, например, перечень предметов, отобранных при обыске, или какой-нибудь существенной части показания, которое пришлось на краю листа протокола или было записано карандашом и вытерлось в процессе длительного путешествия дела по инстанциям.

Актом следствия, тесно связанным с актом пред'явления обвиняемому обвинения и допроса его, является принятие против обвиняемого меры пресечения к уклонению от следствия и суда.

Прежде всего, закон требует, чтобы от каждого лица, привлеченного к следствию в качестве обвиняемого, следователь отбирал подписку о явке к следствию и суду и обязательство сообщать о перемене своего местожительства (143 ст. УПК).

Не являясь мерой пресечения, подписка эта обязывает каждого привлеченного с момента привлечения его в качестве обвиняемого помнить, что о нем производится следствие и что он хотя и не связан какими-либо стеснениями в смысле права передвижения его по роду своих занятий, но должен осведомлять следователя, где он, обвиняемый, живет или в данное время находится, или куда отлучился временно из места своего жительства.

Поэтому правильно было бы подписку эту от привлеченных обвиняемых отбирать одновременно с вручением им извещения их о привлечении и вызове в качестве обвиняемых к допросу. Но так как это встречало бы практические затруднения в виду вызовов обвиняемых телефонограммами, словесными требованиями через милицию и т. п., то отобрание подписки обычно соединяется с моментом пред'явления обвинения и допроса вызванного обвиняемого. Следователь, вызвав обвиняемого, об'являет ему постановление о привлечении и обязывает его подпиской о явке. Чтобы не бланкировать эту подписку особым актом, удобнее всего сливать эту подписку с подпиской обвиняемого в об'явлении ему постановления о привлечении, отбираемой от него перед актом его допроса.

Меры же пресечения, которые следователь вправе принять в отношении обвиняемого, независимо от подписки о явке к следствию и суду, принимаются уже после пред'явления обвинения обвиняемому, а в случае одновре-

менного и допроса его — непосредственно вслед за допросом. При этом в случае принятия против обвиняемого низшей из мер пресечения, указанной в ст. 144 Угол.-Проц. Код.: подписки о невыезде, следователь должен раз'яснить обвиняемому, что эта подписка обязывает его не только сообщать о перемене места жительства, но и вообще прикрепляет его к избранному им самим или назначенному следователем месту жительства, из которого он не может отлучаться без разрешения следователя или суда (149 ст. УПК). С этого времени обвиняемый уже стеснен в своем праве передвижения по территории Республики. Такую меру следователю весьма важно часто принять в отношении обвиняемого по такому делу, по которому присутствие обвиняемого может потребоваться при следственных действиях довольно часто: для передопроса, пред'явления свидетелям, для освидетельствования и т. п., и в подобном случае предоставление обвиняемому свободы переезжать из одного места в другое могло бы затормозить ход следствия.

Кроме подписки о невыезде, мерами пресечения в порядке их повышения по степени важности являются следующие: поручительство личное и имущественное, залог [1]), домашний арест и заключение под стражу (144 ст. УПК).

Выше, в общей части настоящего руководства, было уже указано на необходимость классового подхода в этом акте выбора меры пресечения в соответствии с общим духом нашего классового уголовного законодательства. Поэтому здесь необходимо только остановиться на тех основаниях, которые должны быть приняты в соображение следователем при избрании той или другой меры пресечения, и внешнем оформлении этих мер.

Как акт чрезвычайной важности в каждом деле, принятие меры пресечения, поражающей временно права обвиняемого и возлагающей на него тяжелые и стеснительные обязательства, должно быть оформлено обязательным составлением мотивированного постановления.

Основаниями же к избранию той или другой меры пресечения против обвинямого могут служить: важность преступления, приписываемого обвиняемому; тяжесть имеющихся против него улик; вероятность возможного со стороны обвиняемого уклонения от следствия и суда или препятствования раскрытию истины; состояние здоровья обвиняемого; род занятий и другие обстоятельства.

Поэтому акт избрания той или другой меры, являясь результатом свободного убеждения следователя, должен находиться в соответствии с нашим карательным законом (Уг. Код.) и основываться на фактических обстоятельствах данного дела и на тщательной оценке следователем доказательств, добытых следствием.

Если, например, обвиняемому за вменяемое ему преступление угрожает высшая мера наказания, при чем он имеет все возможности по своему имущественному состоянию и социальному положению уехать за пределы досягаемости и скрыться от судебного преследования, и если улики по делу против него представляются вескими и неопровержимыми, единственной мерой против него может быть принято заключение под стражей, и эти мотивы должны быть указаны в постановлении следователя о мере пресечения.

Если обвиняемый в серьезном хозяйственном преступлении не вызывает опасения в смысле возможного влияния на свидетелей и вообще на ход след-

---

[1]) В настоящее время разрабатывается вопрос об упразднении залога, как меры пресечения.

ствия, и в смысле возможности уклонения от следствия и суда, а по роду занятий является должностным лицом, живущим на личный заработок при отсутствии какого-либо имущества, нормальной мерой в отношении его может быть принято личное или имущественное поручительство или даже менее строгая мера пресечения, а в отношении обвиняемого по такому же делу торгово-промышленного дельца или вообще живущего на нетрудовой доход справедливой мерой может быть залог.

Вообще следователь при выборе меры пресечения должен как точно учесть все обстоятельства дела, так и принять во внимание характеристику личности обвиняемого.

Точно также при обсуждении меры пресечения по делам, связанным с убытками, причиненными государству или потерпевшему лицу, при наличности гражданского иска или возможности пред'явления его следователь при замене высшей меры пресечения — заключения под стражей — принимает в соображение имущественную состоятельность обвиняемого и избирает при известных условиях залог и т. д.

Закон, предоставляя выбор меры пресечения в указанных пределах свободному усмотрению следователя, ставит лишь несколько определенных ограничений для выбора мер пресечения. Заключение под стражу, как высшая мера пресечения, может быть избрано против обвиняемого лишь по делам, за которое наказание назначено в виде лишения свободы, и притом лишь при наличии опасения; 1) что обвиняемый может скрыться от следствия и суда и 2) что он при нахождении на свободе может влиять на ход следствия, препятствуя раскрытию истины.

Во всех случаях принятия заключения под стражей в виде меры пресечения следователь не может ограничиться простым указанием на изложенные выше возможные опасения, но должен указать и фактические по делу обстоятельства, которые именно дают основание к этим опасениям. При этом если мера пресечения принята исключительно в виду опасения, что обвиняемый, находясь на свободе, может препятствовать раскрытию истины, содержание под стражей не может продолжаться более 2 месяцев. И только по делам, наиболее сложным, требующим продолжительного исследования, двухмесячный срок может быть продлен с разрешения прокурора еще на один месяц, (158 и 159 ст. УПК).

Принцип возможной краткосрочности заключения проведен довольно резко в Угол.-Проц. Кодексе, 161 статья которого определенно обязывает следователя отменять или изменять меру пресечения, когда вообще отпадает дальнейшая необходимость в той или другой мере пресечения. В виду этого следователь в процессе исследования каждого дела, обязан проверять не отпали ли в виду новых добытых следствием данных те основания, которыми была мотивирована необходимость принятой при первом допросе обвиняемого меры пресечения. О всякой мере пресечения, помимо об'явления об этом обвиняемому, следователь обязан послать сообщение прокурору, а о принятии меры, соединенной с лишением свободы, как и об отмене ее, такое сообщение прокурору делается посылкой копии постановления; другая копия постановления посылается в место заключения, а равно и по месту службы обвиняемого, если последний состоит на государственной, общественной или профсоюзной службе; о заключении под стражу гражданина иностранного государства следователь сообщает также для сведения в Народный Комиссариат Иностранных Дел (146 и 160 ст. УПК, прим. к ст. 105 Угол. Код.).

Обязательность извещения прокурора о принятых мерах пресечения диктуется необходимостью наблюдения со стороны наблюдающего лица прокурорского надзора за правильностью и законностью распоряжений следователя, в особенности тех распоряжений, которыми затрогиваются права личности и интересы гражданина, поставленного в положение обвиняемого.

Предложения прокурора по вопросам о мерах пресечения обязательны для следователя; в случаях разногласия с прокурором по этим вопросам, как и по другим вопросам следствия, следователь, не задерживая исполнения сделанного ему предложения, может войти с протестом или жалобой в суд, от которого и зависит окончательное решение вопроса (148 и 220 ст. УПК).

Законодательство наше делает некоторые из'ятия в порядке принятия мер пресечения в отношении некоторых категорий обвиняемых, что следователь должен помнить, если в качестве обвиняемого им привлечено лицо, подпадающее под эти из'ятия.

1. Члены ВЦИК не могут быть заключены под стражу без предварительного согласия или президиума ВЦИК, или председателя его (Собр. Узак. № 74, ст. 925, п. 23).

2. Члены губисполкомов также не могут быть подвергнуты лишению свободы без предварительного разрешения президиума губисполкома или председателя его (Собр. Узак. 1922 г., № 72—73, ст. 907, § 69).

3. Прокуроры, председатели трибуналов и губсудов (ранее: трибуналов и совнарсудов) не могут быть арестованы без предварительного разрешения (в исключительных случаях с одновременным извещением) Прокурора Республики, а помощники прокурора, члены губсудов и трибуналов, народные судьи и следователи без разрешения губ. прокурора (Собр. Узак. 1922 г., № 77, ст. 960).

4. Члены Верховного Суда Союза ССР и его коллегий, а равно прокурор Верховного Суда Союза ССР и его помощники не могут быть преданы суду или подвергнуты личному задержанию, обыску и осмотру без ведома и согласия Президиума ЦИК Союза ССР или в экстренных случаях Председателя ЦИК Союза (пост. Президиума ЦИК Союза ССР от 14 июля 1924 г., «Известия ЦИК» от 18 июля 1924 г., № 162).

5. Меры пресечения в отношении лиц командного и административного состава Красной армии могут быть принимаемы при одновременном уведомлении об этом военного начальства на предмет изменения положения привлеченных лиц по военной службе (приказ Реввоенсовета и НКЮ от 29 января 1923 г., № 180 и цирк. Верховного Суда от 5 февраля 1923 г., № 5).

6. К красноармейцам войсковых частей и военным морякам в виде меры пресечения может применяться, взамен соответствующей общей меры, ближайшее наблюдение за ними начальства тех частей, в которых они состоят на службе (прим. к 144 ст. УПК.).

Обставляя принятие мер пресечения против обвиняемых особыми требованиями и строгими формальностями, наш процессуальный закон предоставляет однако следователю право в исключительных случаях принятия мер пресечения в отношении подозреваемых лиц до привлечения их в качестве обвиняемых. Такое неопределенное состояние подозреваемого в процессе предварительного следствия с принятием против него меры пресечения, но без пред'явления ему обвинения может продолжаться, однако, не долее 14 суток со дня принятия меры пресечения; по истечении этого срока, если следователь не может пред'явить ему обвинения, мера пресечения должна быть отменена (145 ст. УПК).

Указанное из'ятие из общих норм уголовного процесса является последовательным развитием того начала, в силу которого к органам предварительного следствия приравнены в смысле процессуальных правомочий органы дознания, имеющие право на короткий срок задерживать заподозренного в преступлении без формального акта пред'явления ему обвинения.

В следственной практике могут быть случаи, когда обстоятельства дела недостаточно выяснены и недостаточно закреплены твердыми доказательствами; когда возникшее против данного лица на основании косвенных улик подозрение еще подлежит проверке в ближайшие дни, и эта проверка должна окончательно разрешить в ту или другую сторону основательность подозрения. А между тем, подозреваемый, без принятой против него меры пресечения (особенно личного задержания) может предупредить исход того или другого следственного действия: сокрыть следы преступления, сам скрыться, повлиять на свидетелей и т. п. В этих случаях, с одной стороны, принятие меры пресечения гарантирует надлежащую проверку косвенных подозрений, на которых еще нельзя построить и обосновать привлечения его в качестве обвиняемого, а равно нельзя и пред'явить ему обвинения, т.-е. допросить его в качестве обвиняемого, без того, чтобы не посвятить его в существо фактов, которые известны следователю, но подлежат проверке; с другой стороны, меры эти заставляют следователя ускорить следствие: для раз'яснения сомнения в основательности подозрения следователем должны быть произведены следственные действия в определенный срок, в который следователь должен добыть веские доказательства причастности подозреваемого к совершенному преступлению; в противном случае—отменить меру пресечения.

Здесь в интересах целесообразности приносятся в жертву правосудия на короткий срок права отдельной личности, попавшей в положение заподозренного.

На подобном компромиссе (уступка, отклонение от установленного порядка или нормы) построено расследование органами ГПУ в исключительном внесудебном порядке отдельных преступных деяний в силу предоставленных этим органам специальным законом полномочий. По подозрению, основанному на тех или других часто только агентурных данных, производится обыск у заподозренного; последний арестуется, причем не позднее двух недель со дня ареста должно быть пред'явлено обвинение арестованному, а затем, не позднее 2 месяцев со дня ареста, арестованный или должен быть освобожден, или должно быть испрошено разрешение у Президиума ВЦИК на дальнейшую изоляцию, если требуется это особыми обстоятельствами дела, или же, наконец, дело должно быть направлено в суд, за которым и зачисляется арестованный. При этом, однако, арест, как общее правило, может производиться не иначе как по специальным постановлениям или ордерам ГПУ или его политических отделов, и только в отношении лиц, застигнутых на месте преступления, аресты (как и обыски и выемки) могут быть произведены без специальных постановлений и ордеров с последующей санкцией принятой меры пресечения в течение 48 часов председателем ГПУ или политического отдела [1]).

---

[1]) Декрет ВЦИК от. 6 февраля 1922 г. об упразднении ВЧК и о правилах производства обысков, выемок и арестов (Собр. Узак. 1922 № 16, ст. 160).

У следователя необходимость в принятии меры пресечения, в частности, содержания под стражей, в порядке 145 ст. УПК, без пред'явления обвинения, может возникнуть, например, и при получении сырых материалов дознания с задержанным подозреваемым: органы дознания в короткий срок успели лишь наметить подозреваемого, против которого добыты косвенные улики, но прочных оснований для пред'явления обвинения подозреваемому еще не имеется, и вот следователь, имея в своем аппарате целый арсенал методов и приемов расследования и бо́льшие возможности, чем милиция, осуществить те или другие мероприятия, делает постановление о временном принятии меры пресечения против заподозренного. В зависимости от того, какие показания дадут свидетели, которые в 14-дневный срок будут допрошены, какие результаты даст осмотр документов, что ответит на телеграфный запрос такое-то учреждение и т. п., — в зависимости от всего этого вырешится вопрос о возможности или привлечения подозреваемого в качестве обвиняемого, или освобождения его от той меры пресечения, которая была принята против него.

Общий порядок принятия мер пресечения органами дознания тот же, что и установленный для органов предварительного следствия, при чем меры пресечения могут приниматься органами дознания против обвиняемых лишь по делам о преступлениях, за которые закон грозит наказанием свыше года лишением свободы. По остальным делам, низшей подсудности, подозреваемый обязывается лишь подпиской о явке в суд; личное же задержание подозреваемого по этим делам допускается лишь как предупредительная мера против сокрытия от следствия и суда в случаях, если очевидность совершения преступления заподозренным не внушает никакого сомнения или если он покушался на побег, если он не имеет постоянного места жительства или постоянных занятий или вообще не установлена личность заподозренного (1—6 п. 100 ст., 102—103 ст. УПК).

О всех случаях задержания подозреваемого органами дознания с указанием оснований задержания, в течение 24 часов должно быть сообщено следователю, в участке которого состоит орган дознания, или ближайшему народному судье (104 ст. УПК).

Обсуждая вопрос о принятии той или другой меры пресечения, следователь должен, между прочим, помнить, что одна из мер пресечения, введенных в Кодекс, а именно домашний арест, не может иметь применения, как нормальная и обычная мера пресечения. Эта мера, допускаемая и по нашему дореволюционному процессуальному закону, если и применялась когда-нибудь, то в исключительных и притом чрезвычайно редких случаях: даже следователи с многолетним опытом в своей практике не считали удобным обращаться к этой мере, понимая, что она вклинилась в судебные уставы, как случайная привилегия, расчитанная на применение в отдельных случаях к обвиняемым из буржуазных классов в целях смягчения тяжкой для них меры лишения свободы.

В советском государстве ее нельзя практиковать уже потому, что она требует совершенно излишнего отвлечения сил милиции, призванной для охраны арестованных, от исполнения ими прямых обязанностей службы, и постановки и смены стражи на дому обвиняемого в течение неопределенного и более или менее продолжительного срока.

Если и возможно избирать такую меру пресечения временно, то разве в случаях задержания весьма опасного обвиняемого в момент нахождения

его на дому или в больнице в состоянии тяжкой болезни, мешающей перемещению его без риска осложнениями или смертью в больницу соответствующего места заключения. Во всех других случаях избрания меры пресечения следует избегать назначения домашнего ареста, заменяя его, в соответствии с указаниями 147 ст. Угол.-Проц. Код., какой-либо другой мерой пресечения.

Заканчивая главу о центральном следственном акте привлечения обвиняемого, мы считаем необходимым указать на некоторую неясность процессуального закона в отношении момента п р е д ' я в л е н и я о б в и н е н и я о б в и н я е м о м у, тем более, что эта неясность на практике создает ряд затруднений для начинающего следователя.

Закон, определяя подробно отдельные следственные моменты введения в процесс заподозренного в качестве обвиняемого, не дает точного и четкого определения моменту пред'явления обвинения и не указывает, в чем фактически должен выражаться акт пред'явления.

Из сопоставления 109, 128, 134 и 145 ст. Угол.-Проц. Код. можно понять, что закон разграничивает четыре самостоятельных акта: 1) привлечение заподозренного к следствию в качестве обвиняемого; 2) пред'явление ему обвинения; 3) допрос обвиняемого и 4) принятие против него меры пресечения. При этом закон, с одной стороны, стремясь приблизить акт пред'явления к моменту составления постановления о привлечении, как бы сливает эти моменты в единый неразрывный акт, об'единяя их и с актом принятия меры пресечения; с другой стороны, самый важный по существу акт допроса обвиняемого оставляется на усмотрение следователя в смысле времени снятия этого допроса с обвиняемого. А из буквального смысла 145 ст. можно понять, что между привлечением обвиняемого и пред'явлением обвинения не делается никакого различия: «меры пресечения,—сказано в этой статье,—принимаются лишь п о с л е п р и в л е ч е н и я подозреваемого лица к делу в качестве обвиняемого и могут быть изменены или отменены после первого его допроса; в исключительных случаях меры пресечения могут быть принимаемы в отношении подозреваемых лиц и до п р е д ' я в л е н и я и м о б в и н е н и я».

Практика следователя показывает, однако, что следователи, стремясь к точному соблюдению требования о пред'явлении обвинения в 48-часовой срок с момента привлечения (2 ч. 128 ст. УПК), обычно соединяют акт пред'явления обвинения с моментом д о п р о с а обвиняемого.

В то же время на практике встречаются затруднения для точного выполнения категорического требования закона о 48-часовом сроке. В городах, в месте пребывания обвиняемого, следователь, составив постановление о привлечении и вызвав телефонограммой привлеченного, конечно, может пред'явить ему обвинение в указанный срок с момента составления постановления.

Но как может исполнить это требование закона следователь в том случае, когда обвиняемый проживает в уезде, даже в нескольких верстах от камеры следователя? Ведь повестка о вызове должна быть послана с расчетом, чтобы в условиях почтового, железнодорожного и иного сообщения, вызываемый мог явиться именно в назначенный ему для явки день, и здесь н и к о г д а н е л ь з я р а с ч и т ы в а т ь п р е д ' я в и т ь п р и в л е ч е н н о м у о б в и н е н и е в 48-ч а с о в о й с р о к с о д н я с о с т а в л е н и я п о с т а н о в л е н и я о п р и в л е ч е н и и. Для следователя, правда, остается возможность в целях показательного видимого соблюдения срока

составив постановление о привлечении обвиняемого, не проставлять тотчас даты составления постановления, а вызвав обвиняемого и пред'являя ему обвинение, уже в этот момент проставить в постановлении о привлечении число, т.-е. день составления постановления. Но это, конечно, не выход из положения. В случаях, когда соблюдение двухдневного срока по существу дела и по ходу следствия не имеет никакого значения, здесь ничего рискованного нет, хотя всегда по актам следствия, предшествующим постановлению о привлечении, по их хронологической последовательности можно будет прокурору и суду усмотреть произвольность фиксирования момента привлечения.

С другой стороны, представляется совершенно нецелесообразным отделять момент пред'явления обвинения привлеченному обвиняемому от момента его «первого» допроса (см. 145 ст. УПК).

Естественно, что когда оформлен акт привлечения, т.-е. составлено постановление, когда затем обвиняемый вызван и ему оглашено постановление о его привлечении, об'явлена в ясной и точной формулировке сущность пред'являемого ему обвинения, т.-е. выполнен акт пред'явления обвинения, было бы странным ограничиться этим и сказать обвиняемому: «мера пресечения против вас избирается такая-то, теперь ступайте домой (или направляйтесь в место заключения) и ждите допроса, а когда он будет, в свое время узнаете». В действительности так, конечно, и не бывает; вернее, не должно быть. Раз обвиняемому пред'явлено обвинение, раз он поставлен лицом к лицу со следователем, нужно сейчас же выслушать его об'яснение, т.-е. снять с него этот первый допрос, после которого и в связи с его об'яснением и принимается мера пресечения. И в целях скорейшего выяснения дела, и в целях проверки основательности обвинения и существа улик, и в целях предупреждения возможности дать обвиняемому надумать об'яснение, извернуться и принять какие-либо меры к сокрытию улик весьма важно слить пред'явление обвинения и допрос в однодневный акт.

Исключением могут быть только случаи, когда следователь, составив постановление о привлечении, предрешив при этом принятие в качестве меры пресечения заключение под стражей, пред'явил обвиняемому обвинение, но не имеет фактической возможности в связи с другими делами или по каким либо другим причинам неотложного свойства снять подробного допроса по всем обстоятельствам сложного дела, но и в этих случаях, обязанный хорошо ориентироваться в деле, по которому уже составлено «мотивированное» постановление о привлечении, следователь может ограничиться допросом по важнейшим моментам пред'явленного обвинения, не оставляя, однако, обвиняемого без допроса.

В силу изложенных соображений правильно было бы установить единообразную практику выполнения акта привлечения и допроса обвиняемого при следствии, не нарушая требования 2 ч. 128 ст. Угол.-Проц. Код., а только толкуя его не по букве, а смыслу его, соблюдением следующих правил:

1. После составления постановления о привлечении заподозренного лица в качестве обвиняемого следователь обязан **вызвать обвиняемого и пред'явить ему обвинение в течение 48 часов со дня составления постановления в тех случаях, когда обвиняемый находится или проживает в месте пребывания следователя.**

2. В случаях же отдаленности места нахождения привлеченного обвиняемого от камеры следователя, следователь обязан в указанный 48-часовой срок со дня составления постановления о привлечении сделать вызов обвиняемого на один из ближайших дней с тем расчетом, чтобы обвиняемый мог по условиям местных путей и способов сообщения своевременно получить извещение или повестку и прибыть в назначенный для его явки день или быть приведен в порядке 131 ст. УПК.

3. По пред'явлении обвиняемому обвинения с него немедленно, в этот же день, должен быть следователем снят первый допрос по существу пред'явленного к нему обвинения, чтобы, таким образом, акт пред'явления обвинения об'единялся с актом допроса, определяя в то же время и меру пресечения, которая должна быть принята в отношении привлеченного обвиняемого.

При соблюдении такого порядка, в соответствии с целями предварительного расследования и требованиями процессуального закона, получилось бы на практике вполне определенное разграничение моментов важнейших следственных действий:

1. В день установления «наличия достаточных данных, дающих основание для пред'явления обвинения», составляется мотивированное постановление о привлечении.

2. В этот же день назначается срок для пред'явления привлеченному обвинения и его допроса, при чем этот срок падает или на один из следующих двух дней, или на ближайшие за ними дни, в зависимости от местонахождения привлеченного обвиняемого, подлежащего вызову или приводу.

3. В день явки или привода обвиняемого пред'является ему обвинение, производится первый допрос его и принимается против него мера пресечения.

ГЛАВА IV.

Допрос свидетелей.

Показания свидетелей почти в каждом деле являются преобладающим в количественном отношении доказательным материалом. Установление факта преступления и обстоятельств, сопровождающих совершение преступления, редко обходится без допроса свидетелей и, конечно, потерпевших. Если исключить некоторые виды преступлений, напр., хозяйственные, в которых преобладают акты осмотров книг и документов, учета имущества и бухгалтерской экспертизы или нарушения правил, регулирующих условия труда, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок, которые устанавливаются простейшими актами, составленными инспекциями или милицией,—все следственные производства и материалы дознания по более или менее сложным делам изобилуют протоколами допросов свидетелей. Число допрошенных свидетелей по одному участку за год исчисляется нередко тысячами, тогда как число осмотров мест совершения преступлений, освидетельствований, актов экспертизы достигает едва нескольких десятков.

Несмотря, однако, на количественное преобладание в делах свидетельских показаний перед другими видами доказательств, нельзя сказать, чтобы

показания свидетелей всегда имели большую доказательную ценность. Во многих случаях так-называемые «непосредственные доказательства»—орудия преступления или документы, найденные при обвиняемом, поличное, отобранное у задержанного подозреваемого, и т. п., имеют бо́льшую доказательную силу и бо́льшую степень достоверности для дела, чем показания живых людей, свидетельствующих перед следователем о тех или других фактах. Наконец, самая ценность свидетельских показаний в отдельных случаях находится в зависимости от того, как использовал того или другого свидетеля следователь, т.-е. добыл ли следователь исчерпывающее и полное показание от свидетеля, насколько точно и правильно следователь записал его показание, правду ли показал свидетель и не мог ли чего-либо утаить или недосказать в виду неумелого подхода следователя к допросу и т. д., и, наконец, насколько вообще показание этого свидетеля при всей его очевидной правдивости не может считаться достоверным в виду тех или других физических или психологических (душевных, умственных) качеств свидетеля.

От начинающих следователей и лиц, недостаточно знакомых с розыскной и следовательской деятельностью, можно нередко слышать, что допросить свидетеля—это пустое, легкое дело,—вопрос нескольких минут. Несомненно, однако, что такое мнение ошибочно, и об этом свидетельствуют многие протокольные акты допросов, как произведенных агентами дознания и розыска, так и народными следователями. Для умелого допроса и надлежаще-правильного изложения свидетельского показания требуется и некоторый навык, знакомство с психологией свидетельских показаний и очень большой опыт.

Соблюдение процессуальных формальностей, требуемых Угол.-Проц. Кодексом, конечно, не представляет никаких затруднений, но проведение самого допроса с получением достоверного и доказательного материала и закрепление этого материала в протоколе часто бывает не под силу начинающему следователю.

Останавливаясь на тех особенностях, с которыми должен считаться следователь, допрашивая самых разнообразных по социальному положению, по возрасту, характеру и т. д. свидетелей, что должно учитываться следователем при оценке правдивости или достоверности показания, следует указать на необходимость индивидуального подхода к личности свидетеля: следователь должен помнить, что свидетель, являющийся к нему, не автомат, не самопроизвольно говорящая машина, которая выбросит перед ним заготовленное ранее показание, а живой человек, нередко переживающий перед явкой к следователю некоторое душевное волнение и перебирающий в своей памяти впечатления о том событии, о котором он должен дать показание. Сущность свидетельского показания определяется всегда **психологическими факторами**, вытекающими частью из особенностей душевного склада свидетеля, которые заставляют свидетеля давать то или другое показание, частью из особых переживаний, общих всем людям вообще, всякий раз, когда им приходится давать показания; один свидетель в зависимости от этих присущих ему психологических особенностей, дает свое показание просто и естественно, как-будто ведет простую житейскую беседу, другой обдумывает каждое слово, осторожно взвешивая содержание каждой высказанной мысли, третий путается, перескакивает от одного предмета к другому, то уверенно и точно подтверждая факты, то оговариваясь запамятованием и т. д.

Поэтому следователю приходится в отдельных случаях, слушая показание свидетеля, в то же время уяснять себе личность самого свидетеля, его

отношение к событию, о котором он свидетельствует, стремясь проникнуть в его душу, его психологию.

Поняв психологию данного свидетеля, следователь оценит правильно существо и степень доказательности и достоверности его показания. При допросе лиц, потерпевших от серьезных преступлений, которые оставили след в их жизни, которые причинили им имущественный или моральный ущерб, мы наблюдаем чрезвычайно различные проявления психологических особенностей, отражающихся на существе показаний этих потерпевших. В одном случае потерпевший в своем показании дает яркое описание события с указанием таких мелочей и подробностей, которые, казалось бы, не могли сохраниться в его памяти; в другом случае потерпевший искажает картину преступного события, преувеличивает описываемые им отдельные моменты или отговаривается запамятованием таких обстоятельств, которые, казалось бы, он должен хорошо помнить и ясно представлять, как очевидец преступного факта или как лицо, близко к нему находившееся и от него пострадавшее.

В этих часто наблюдаемых и на первый взгляд необ'яснимых случаях, об'яснение приходится искать исключительно в личных душевных особенностях потерпевшего. Одни потерпевшие, подвергшиеся, например, насилию, грабежу, нападению бандитов и т. п., несмотря на страшное потрясение в момент совершения над ними преступления, сохраняют полное сознание и притом воспринимают яркое впечатление о тех обстоятельствах и обстановке, при которых совершается преступление. Другие потерпевшие, робкие, слабые волей и характером, впадают временно как бы в состояние помрачения в момент учинения над ними преступления, и впоследствии не могут не только подробно и ясно описать происходившее с ними, но даже не могут определить времени, сколько продолжались те или другие преступные действия, какого вида были совершители преступления, какие предметы были у них в руках и т. п.—все это представляется им как бы в тумане, кажется случившимся когда-то очень давно и переживается, как кошмар. Наконец, потерпевшие, непосредственно не бывшие при совершении преступления, но пострадавшие от него (близкие родственники убитого, потерпевшие от краж, совершенных в их отсутствие из дома, и т. п.), переживая по-своему тяжесть последствий преступного события, пытаются припомнить предшествующие преступлению факты, часто не имеющие связи с событием, и связать их; у них родятся в уме предположения и подозрения о виновниках, очень отдаленные, иногда весьма правдоподобные, а иногда прямо несообразные и нелепые.

Во всех этих случаях следователь должен данное потерпевшим показание оценить с точки зрения его достоверности, учитывая все указанные особенности психологического характера, которые могли отразиться на содержании показания. И если возникает сомнение в правдоподобности этого показания или выясняется противоречие его с другими обстоятельствами дела, необходимо произвести проверку его другими данными или передопросить потерпевшего, выясняя все неясности и противоречия. При этом, допрашивая потерпевшего, следователь, несомненно, должен более бережно относиться к нему, чем к простому свидетелю, памятуя, что потерпевший тяжелее переживает события преступления, от которого пострадал, и ему труднее, чем постороннему свидетелю, отнестись спокойнее и беспристрастнее к фактам, о которых он свидетельствует.

Трудно бывает также расценивать достоинство показаний различных свидетелей, дающих часто различные показания об одних и тех же фактах: один свидетель показывает полнее, чем другой, один вносит в показания некоторое оживление и дает личную оценку описываемым им фактам, другой воздерживается от передачи суб'ективных настроений, передает как бы неохотно свое впечатление о том, чему он был свидетелем, или рассказывает неуверенно, вынуждая следователя ставить ему вопросы во время его рассказа. Такая разница в полноте и уверенности показаний двух или нескольких свидетелей, которые одинаково близко видели факт совершения преступления, часто об'ясняется исключительно личными свойствами характера свидетелей, их темпераментом: сангвиник живее и бодрее ведет рассказ и дает показание, чем флегматик. Следователи иногда впадают в ошибку, давая малую веру и сомневаясь в правдивости показания свидетеля, недостаточная полнота и уверенность которого об'ясняются исключительно темпераментом свидетеля.

Пол и возраст свидетеля также дают иногда свое отражение в показаниях: женщина обладает в общем большею возбудимостью и нежностью чувства, чем мужчина; поэтому ее показание в иных случаях бывает ярче и правдоподобнее, чем мужчины, напр., в оценке отношений мужа к жене, в передаче сцен ревности и т. п.; дети, имея более ограниченный круг понятий и знания жизни, слабее описывают сложную обстановку виденного ими события, но точнее воспринимают отдельные, доступные их пониманию факты и дольше удерживают их в своей свежей памяти.

Профессия и занятия дают возможность отдельным лицам правильнее и сильнее воспринимать и потом передавать в рассказе впечатление свое о событии: сцену убийства из ружья, драку и схватку в толпе очевидец-красноармеец, конечно, опишет яснее и полнее, чем профессор или портной; но портной лучше, чем другой, подробнее опишет костюм и фигуру преступника, которого он видел в момент совершения преступления.

Степень восприимчивости внешних впечатлений зависит иногда и от физических свойств и недостатков человека: глухие подробнее и полнее воспринимают зрением наблюдаемые ими массовые шумные события, чем лица, обладающие тонким слухом, а слепые, как известно, звуковые впечатления правильнее определяют, чем зрячие, и т. д.

Родственные отношения свидетеля к обвиняемому также обычно оказывают влияние на существо показания свидетеля. По уставу угол. судопроизводства дореволюционного времени, свидетели, находящиеся в близком родстве с обвиняемым (муж, жена, родные братья и сестры, восходящие и нисходящие по прямой линии), могли отказаться совершенно от дачи показаний; предполагалось, что от свидетеля, находящегося в таком близком родстве к обвиняемому, трудно ожидать правдивого, беспристрастного показания; такому свидетелю предстояла часто трудная задача: или рассказать правду и тем, может-быть, погубить близкого человека, которому грозит тяжкое наказание, или утаить правду, солгать, чтобы спасти родного человека.

Наш закон не знает такого исключения для родственников. Если близкий обвиняемому по родству свидетель не являлся в деле соучастником обвиняемого, он в силу общегражданского долга обязан свидетельствовать по делу и не может отказаться от дачи показаний. Жизнь, однако, показывает, что

показания таких свидетелей имеют обычно незначительную ценность, так как содержат в себе сознательное, а иногда и бессознательное искажение истины в целях спасти обвиняемого от угрожающего ему наказания. Это следователь также должен учитывать, и чтобы не гнуть совесть свидетеля и не добывать от него ложного показания, он должен осторожно ставить вопросы, ограничиваясь выяснением существенно необходимых фактических обстоятельств дела, которые могут быть проверены, кроме того, другими доказательствами.

В отдельных случаях, в сложных и запутанных делах, где следователь имеет налицо ряд свидетельских показаний, удостоверяющих одни и те же обстоятельства, в которых какая-нибудь деталь (мелочь) может иметь значение для дела, необходимо взвешивать и учитывать при сравнительной оценке достоверности показаний все указанные выше особенности.

Возьмем такой пример. В доме, обращенном задним фасадом на пустырь, с заглохшим садиком около дома, обнаружено убийство, при чем осмотром установлено, что убийца, совершив преступление, запер изнутри квартиру, вылез в окно на пустырь, оставив окно открытым, и скрылся. Убийство обнаружено к вечеру в теплый майский день. По делу представляется весьма важным установить точно, когда совершено преступление: в ночь на это число или днем, после девяти часов утра, — обстоятельство, которое потом может иметь решающее значение для изобличения заподозренного. Имеются два свидетеля, которые утром до 9 час. проходили пустырем мимо дома, в котором потом обнаружено убийство: старик и мальчик. Допрашиваются они на второй день после обнаружения убийства.

Старик показывает: «Я, почитай, каждый день хожу с Полевой улицы на базар этим пустырем, тропочкой мимо дома Пелагеи Ивановны Козыревой. Тут, через пролом в заборе, ближе ход на базар. И вчера, часов в восемь утра, я шел этим путем. И помню, крайнее окно было открыто, да и другие тоже окна были открыты: ведь, теплая погода-то стоит. В эти часы у них в домишке в обоих квартирах, как ни идешь, бывало, окна открыты. Слышны ли были разговоры какие или шум, я уж не помню. Да мне и ни к чему это было примечать; я не знал, что уголовство тут случится. А главное, я шел на базар и соображал, хватит ли у меня денег на гвозди».

Мальчик показывает: «Вчера, в полчаса девятого утра, я шел в школу этой дорожкой. Я всегда тут пустырем хожу мимо дома Козырихи. В другой-то квартире этого дома живет товарищ мой, Ванюшка Кожин, мы с ним третьего дня вместе рыбу удили; я и хотел мимоходом его через окно окрикнуть; гляжу, а у них все три окна закрыты, и другие три окна в этой стене, т.-е. в квартире убитой, тоже были еще закрыты. Я хорошо это помню, потому что нарочно подходил к дому с дорожки; если бы крайнее окно было открыто, так я бы сразу заметил. А я еще подумал: что это у них весь дом спит? Раньше у них, когда идешь, в это время крайние-то окна, ближе к дорожке, всегда были открыты, а тут все еще спят».

Здесь мы имеем показания двух свидетелей, из которых один удостоверяет, что утром, между 8 и 9 часами, окно было открыто, другой — что закрыто. Один свидетель, удостоверяя факт открытого окна, основывается на постоянстве наблюдавшегося им в эти часы явления открытого окна, добавлял в то же время, что мысли его, когда он шел мимо дома, были заняты гвоздями. Другой свидетель удостоверяет, что окно это, как и все другие

окна по этому фасаду, было закрыто, и помнит это потому, что он, проходя, ждал видеть окна одной из квартир открытыми, чтобы переговорить с товарищем, и нарочно для этого подходил ближе к дому.

Естественно, что показание мальчика, свежей памятью воспринявшего впечатление квартир со всеми закрытыми окнами, в данном случае достовернее показания старика, у которого осталось впечатление об открытом окне, очевидно, очень неясное и сомнительное, в виду того, что ему «ни к чему это было примечать», да и слабая память могла перепутать мимолетные впечатления вчерашнего дня с теми впечатлениями, которые он ранее ежедневно наблюдал.

Подобных случаев в практике следователей бывает очень много, и при оценке подобных различных показаний свидетелей важно отмечать все мелочи, чтобы об'ективная достоверность того или другого показания могла быть принята за бесспорный факт. Время изглаживает обычно из памяти свидетеля многие подробности, которые он ясно помнит и представляет в ближайшие дни после наблюдавшегося события и забывает с течением времени; поэтому показание свидетеля тем полнее и тем достовернее, чем скорее свидетель допрашивается после того, как он был очевидцем того или другого события.

Вообще же следует сказать, что свидетельские показания являются в смысле их точности и полного соответствия с действительностью крайне несовершенным материалом, доказательность которого является сомнительной; несколько свидетелей, бывших очевидцами одного и того же события, совершенно различно описывают его, при чем допускают ошибки в определении расстояния, размера предметов, цвета их и т. п.

И если настолько различны могут быть впечатления отдельных лиц в отношении тех или других подоробностей, одного и того же факта или события, то весьма опасным представляется для следователя зафиксировать еще не вполне точно эти недостаточно достоверные показания. Поэтому является весьма важным требование закона, чтобы показания свидетелей записывались по возможности дословно, т.-е. подлинными словами и выражениями свидетеля (ст. 165 УПК). Уменье записывать показание свидетеля его собственными характерными и типичными выражениями, с соблюдением местных особенностей речи имеет огромное значение, и этому следователь должен обязательно научиться. Перевод сочной, оригинальной, своеобразной речи свидетеля следователем на свой язык опасен и потому, что такой перевод искажает часто смысл и подлинную сущность показания, являясь скорее сухим, мертвым показанием самого следователя, данным им со слов свидетеля об обстоятельствах исследуемого преступления, чем подлинным показанием свидетеля [1]).

Население республики по своему составу в различных местностях представляет такое разнообразие говора, жаргона, речений, склада речи, такое богатство языка и красочность его, что для понимания истинного смысла

---

[1]) В 1912 году после одной из сессий уголовного отделения суда в Москве присяжные заседатели сделали суду заявление о слабой постановке следствия по делам, которые прошли перед ними: при этом они, между прочим, указывали прямо, что показания свидетелей, записанные следователями, являются часто переводом следователя показания свидетелей на его собственный язык, и это мешает оценить по достоинству правдоподобность оглашенных показаний свидетелей, не явившихся на суд.

речи свидетелей безусловно необходимо сохранить в протоколе все оттенки особенности речи и манеры свидетелей излагать свой рассказ; только тогда с мертвых листов бумаги каждый свидетель встанет перед судом при оглашении его показания в случае неявки во весь рост и только тогда показание его будет понятным и может быть правильно оценено в смысле его правдивости и искренности.

Давая руководящие указания относительно допроса свидетелей, необходимо разрешить вопрос, какое значение может иметь новый допрос на предварительном следствии свидетеля, который уже был допрошен при дознании? Народные следователи часто повторяют ошибку следователей дореволюционного времени и производят без всякой надобности допрос свидетеля, который уже дал при дознании полное и обстоятельное показание по делу.

Если Угол.-Проц. Кодекс приравнивает акты дознания к актам предварительного следствия и признает за ними одинаковую доказательность, следует принять за правило на предварительном следствии только дополнять показание свидетеля теми обстоятельствами, которые не были выяснены или недостаточно подробно описаны свидетелем при допросе его на дознании. В таких случаях, передопрашивая свидетеля, следователь может огласить свидетелю его показание, данное им при дознании. и в случае подтверждения его свидетелем отметить в протоколе, что свидетель подтверждает свое прежнее показание, и затем в протоколе допроса изложить только то, чем дополнит свидетель свое прежнее показание или те новые обстоятельства, которые свидетель выяснит по вопросам, предложенным ему следователем. Точно такой же порядок должен быть принят в отношении материалов ревизии, по которым возбуждается предварительное следствие и в которых обстоятельно бывает изложено показание или об'яснение того или другого лица, допрошенного при ревизии. Иначе было бы бесполезной тратой времени переписывать или перефразировать показание, которое уже имеется в деле и передает полностью существо тех сведений, которые имеются в распоряжении свидетеля. Правда, для оформления акта допроса и признания за ревизионным актом доказательной силы свидетельского показания требуется, чтобы следователь особым постановлением признал ревизионные акты имеющими значение актов предварительного следствия, как это ясно вытекает из смысла 109 и 385 ст. Угол.-Проц. Код.

В случае признания показания свидетеля, допрошенного на дознании, достаточно полным и не требующим дополнения свидетель может не вызываться совсем для нового допроса на предварительном следствии.

Порядок вызова свидетелей к допросу установлен такой же, как и для обвиняемых (162 ст. УПК), при чем хотя в законе указано, что следователь вправе произвести допрос свидетелей, если признает это более удобным, в месте нахождения свидетелей, однако следует вообще порекомендовать следователям избегать массового вызова свидетелей к себе в камеру по одному и тому же делу, в особенности, когда известно, что отрыв свидетелей, проживающих далеко в деревнях, от их работ, может неблагоприятно отозваться на их хозяйстве. Если в данной местности предстоит допрос по делу 5—10 и более свидетелей, лучше приурочить их допрос к выезду следователя на место: в этих случаях можно сгруппировать вызов в определенное место, напр., в волисполком, свиде-

телей по нескольким делам данной волости или ближайших волостей, чтобы использовать один выезд следователя на несколько дел и тем избавить значительное число свидетелей от явки на дальнее расстояние. Допросы же свидетелей, проживающих в другой губернии, или, хотя и в той же местности, но в значительной отдаленности, должны производиться путем поручений в порядке 126 ст. Угол.-Проц. Код. (см. цирк. НКЮ от 15 июня 1923 г., № 126—«Ежен. Сов. Юст.», № 25—26, 1923 г.).

Исключение из общего порядка вызова и допроса свидетелей сделано законом для членов ЦИК. Члены ЦИК Союза ССР и ВЦИК РСФСР вызываются к допросу в общем порядке, однако, в случае невозможности для них явиться по вызову они могут просить о допросе их в месте их службы или на дому. Им же предоставлено право в особо исключительных случаях отказаться от дачи показания, если они по тем или другим мотивам признают для себя невозможной дачу показаний; в этих случаях они обязаны сообщить об этом следователю и одновременно в Президиум ЦИК с изложением мотивов своего отказа. Принятие против них тех или других мер в случае неявки к следствию допускается только по получении необходимых по этому поводу указаний со стороны Президиума ЦИК (положение о Центр. Исп. Комитете Союза ССР, Собр. Узак. № 106, 1923 г., ст. 1030, п.п. 70—71).

Порядок оплаты путевых издержек свидетелям, вызываемым к допросу на предварительном следствии оплата за проезд по жел. дорогам и водным путям в оба конца—определен Циркуляром НКЮ от 3 марта 1922 г., № 19 («Ежен. Сов. Юст.» № 10—1923 г.) и инструкцией от 31 июля 1923 г. (Собр. Узак. № 71—1923 г., ст. 690, «Ежен. Сов. Юст.» № 31—1923 г.). По общему правилу, изложенному в инструкции, оплата проезда производится за явку на расстояние более 3 верст и притом по наиболее дешевому способу сообщения. Расчет издержек на оплату представляется соответствующему учреждению или суду, при котором следователь состоит.

Относительно **техники допроса свидетелей** можно повторить только те указания, которые сделаны в предшествующей главе и которые относятся к допросу обвиняемых: необходима такая же тщательная предварительная подготовка следователя к допросу, составление памятки вопросов, которые должны быть выяснены, и т. д.

Свидетели допрашиваются порознь и в отсутствии других свидетелей: при этом принимаются меры, чтобы свидетели не могли до конца допроса сообщаться между собой (163 ст. УПК). Последнее требование обычно является трудно выполнимым: свидетели, являющиеся по одному и тому же делу, нередко из одного места, дорогой или ожидая в комнате при камере следователя, всегда сумеют, если захотят, стакнуться между собой и переговорить о деле. Да это и не всегда важно и не всегда может иметь какие-либо вредные для дела последствия.

Перед допросом следователь, удостоверившись в самоличности свидетеля, устанавливает отношение его к сторонам и предупреждает об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложного показания (164 ст. УПК). Установить отношение к сторонам, т.-е. выяснить, является ли свидетель обвиняемому и потерпевшему посторонним лицом, не состоит ли в родстве или свойстве, не имел ли с ними каких-либо расчетов на почве материальных интересов, не судился ли с ними и т. п., представляется целесообразным потому, что в случае выяснившихся тех или иных отношений свидетеля к сторонам, следователь должен

будет при обсуждении значения показания этого свидетеля учесть возможность влияния этих отношений на существо показания, данного свидетелем; показание свидетеля, который является родственником или другом обвиняемого, как указано выше, невольно бывает смягчено в своей беспристрастной суровости по сравнению с показанием постороннего обвиняемому свидетеля.

Отказы от дачи показаний со стороны свидетелей—чрезвычайно редки, однако, в случае такого отказа следователь обязан составить протокол и направить дело в народный суд для привлечения свидетеля к ответственности (60 ст. УПК). В данном случае за отказ от показания свидетели, эксперты, понятые и переводчики, как и за неявку к следствию без уважительных причин, подвергаются ответственности по 104-б ст. Уг. Код. Заведомо же ложное показание свидетеля, как и ложный донос, караются по 177, 178 или 179 ст. Уг. Код. в зависимости от существа ложного показания или ложного доноса, о чем следователь должен предупредить свидетеля.

Вопросы, задаваемые свидетелю при допросе, должны быть направлены к выяснению и установлению, с одной стороны, фактов, имеющих непосредственное отношение к событию преступления; с другой—фактов и сведений, которые могут охарактеризовать и уяснить личность обвиняемого (166 ст. УПК). Таким образом, следователю предоставлено широкое право выяснять допросом свидетеля все, что только, по мнению следователя, может иметь прямое или косвенное отношение к фактической обстановке преступления и отдельным моментом совершения этого преступления, а равно и все то, что может бросить свет на мотивы и причины, которые могли побудить обвиняемого к совершению преступления, обстановку и условия его прежней жизни, его связи и знакомства,—словом, все то, что, в конце концов, может дать полный облик обвиняемого и полную характеристику его личности.

Этим очерчены те границы, за которые не должен переходить следователь при допросе свидетеля: производя следствие, например, по делу о растрате должностного лица, следователь вышел бы из рамок допроса, если бы стал допрашивать свидетеля, жившего несколько лет назад вместе с обвиняемым на их общей родине, где в то время происходили кулацкие восстания, о том, как обвиняемый относился тогда к этим событиям и не участвовал ли сам в этих восстаниях, или стал бы расспрашивать об интимной семейной жизни супругов-свидетелей, в доме которых допрашиваемый свидетель встречался с обвиняемым.

Здесь нам остается еще сказать несколько слов о существе и значении очной ставки, которую может «в случае надобности» следователь устраивать между свидетелями (163 ст. УПК). Очная ставка, которая по нашему процессуальному закону допускается также и между обвиняемыми, а равно и между обвиняемыми, с одной стороны, и свидетелями — с другой (137 ст. УПК), может иметь значение в отдельных случаях, когда те или другие фактические обстоятельства утверждаются одним свидетелем и отрицаются другим (равно как обвиняемыми или обвиняемым и свидетелем) или же когда разноречие в показаниях отдельных допрошенных лиц относительно одного и того же момента расследования является настолько резким и разительным, что мешает следователю, несмотря на общую согласованность показаний, уяснить точно то или другое обстоятельство, которое может иметь существенное значение для дела.

Очная ставка, как показывает самое происхождение этого древне-русского речения, состоит в том, что два человека ставятся перед очи друг друга, глаз на глаз, «на одну доску», как говорили в старину.

Злоупотреблять очной ставкой не следует. Нет надобности проверять очной ставкой отрицание обвиняемым того или другого обстоятельства, если это обстоятельство точно удостоверено свидетелями, хотя бы в об'яснении обвиняемого и показаниях свидетелей было существенное разноречие. Например, обвиняемый утверждает, что он был в момент совершения преступления пьян и плохо помнит, как было дело, а свидетели-очевидцы говорят, что обвиняемый был совершенно трезвый, говорил внятно и рассудительно, крепко держался на ногах, и никакого винного запаха от него не было слышно. В подобном случае очная ставка могла бы обратиться в ненужное препирательство обвиняемого со свидетелями и никаких результатов не дала бы.

Но вот представляется необходимым точно установить, был ли обвиняемый в такие-то дни, несколько недель тому назад, в таком-то доме, где собиралось несколько человек, в числе которых были и свидетели, при чем один свидетель утверждает, что тогда обвиняемого не было, а другой упорно утверждает, что он был. Свидетелям полезно бывает дать очную ставку в таком случае: бывает, что свидетели, оба добросовестно давшие свои показания, при взаимных напоминаниях друг другу о том событии, о котором идет речь, на очной ставке могут вспомнить какой-нибудь мелкий факт, который убедит одного из свидетелей, что действительно он, а не другой свидетель, ошибся.

— Как же ты не помнишь, что Иванов был тогда в компании нашей: он еще ушел раньше и перед уходом шапку долго искал, которая завалилась за скамейку: и это было как раз на пасхе: напротив, с колокольни то и дело звон шел.

— Верно,—припоминает другой свидетель,—теперь вспомнил, а я было смешал это с тем случаем, когда мы были там же после пасхи, и тогда Иванова не было.

Точно также очной ставкой разрешаются часто разноречия в показаниях свидетелей относительно костюма, в который был одет обвиняемый, местонахождения или расположения тех или других предметов, расстояния, часа времени, в который произошло событие и т. п.

Очные ставки между обвиняемыми или между обвиняемыми и свидетелями, не допускавшиеся вообще по дореволюционному закону, и в настоящее время должны практиковаться только в редких и исключительных случаях, и ни в коем случае не в целях изобличения обвиняемого, а лишь в раз'яснение тех фактов, которых хорошо не может вспомнить сам обвиняемый, или когда сам обвиняемый ходатайствует об очной ставке. Не нужно забывать, что в иных случаях очная ставка, имеющая целью доказать обвиняемому, что он лжет и что его свидетель изобличит путем взаимных пререканий на очной ставке, может получить характер допроса, при помощи которого следователь домогается сознания обвиняемого или признания им какого-либо факта путем такой меры, которая граничит с психическим насилием, что противоречило бы 136 ст. Уг. Проц. Код.

Обвиняемый—не свидетель, от которого следователь вправе требовать

только правдивого и искреннего показания под угрозой ответственности за ложное показание: обвиняемый может пользоваться какими-угодно способами защиты, вплоть до отрицания явно очевидных и точно установленных фактов или прямого отказа давать показания. Искусство расследования и состоит в том, чтобы установлением бесспорных доказательств и, в частности, путем допроса свидетелей опровергнуть ложные доказательства и неправдоподобные утверждения обвиняемого, которые искажают истину и затемняют обстановку, при которой совершено преступление. Для выяснения истины в уголовном деле следователь располагает всеми возможными способами, кроме тех, которые направлены на получение обязательно от обвиняемого сознания в учиненном им преступлении. Во всяком случае, таким способом может быть менее всего очная ставка, которая почти всегда в отношении обвиняемого может оказаться принудительным воздействием на него, психологически чрезвычайно тяжело переживаемым.

ГЛАВА V.

Допрос экспертов.

Экспертиза при расследовании преступных деяний является самостоятельным актом, отличающимся от всех других следственных действий. Экспертиза означает такой акт исследования, при помощи которого следователь через особое приглашенное лицо, опытное в науке, искусстве, ремесле и вообще сведующее (т.-е. обладающее знаниями) в какой-либо специальной области, исследует какой-нибудь предмет, факт или целое событие в целях оценки и определения значения этого предмета, факта или события, как доказательства в деле. Поэтому экспертиза по делу обычно не сводится к одному допросу специалиста или сведущего лица, а слагается из ряда действий: следователь сообщает эксперту некоторые данные из производства, пред'являет ему для осмотра те или другие документы и вещественные доказательства; эксперт иногда предварительно изучает материалы, имеющиеся при деле, производит исчисления, испытание, пробу и т.-п., а затем уже дает следователю заключение или показание, оформленное протоколом допроса.

Случаи назначения экспертизы или допроса эксперта бывают чрезвычайно разнообразны. Закон дает широкий простор следователю для пользования экспертизой. «Эксперты вызываются в случаях, когда при расследовании или при рассмотрении дела необходимы специальные познания в науке, искусстве или ремесле» (63 ст. УПК.). Наиболее часто встречающимися в следственной практике и типичными случаями экспертизы являются: медицинская экспертиза, бухгалтерская экспертиза и каллиграфическая или графологическая экспертиза.

Медицинская экспертиза производится через врача, когда требуется определить причину смерти, характер и значение телесных повреждений, состояние умственных способностей обвиняемого или потерпевшего и т. п. Врач-эксперт в этих случаях дает заключение на основании данных судебно-медицинского осмотра и вскрытия трупа, осмотра местности и вещественных доказательств, или на основании данных, установленных освиде-

тельствованием потерпевшего или обвиняемого, на основании исследования или больничного испытания: в своем заключении или показании врач-эксперт на поставленные ему следователем вопросы раз'ясняет значение тех или других фактов, установленных об'ективным исследованием, и в связи с этим об'ясняет, отчего последовала в данном случае смерть, определяет характер и степень тяжести причиненного потерпевшему повреждения, каким орудием и каким способом, с какой силой, на каком расстоянии и при каких обстоятельствах, могло быть нанесено это повреждение и т. п.

Судебно-медицинский эксперт имеет право и в порядке собственной инициативы обратить внимание производящего расследование на обстоятельства и факты, имеющие значение для обнаружения истины. Специальным законом указан порядок разрешения спорных вопросов в случаях несогласия следователя с выводами медицинской экспертизы путем обращения в губ. п'отдел медицинской экспертизы, а в случае несогласия с заключением последнего в Отдел Медицинской Экспертизы Наркомздрава. В этом же законе указано право медицинского эксперта просить о рассмотрении всего следственного материала в необходимых случаях и обязанность эксперта сохранять в тайне данные, обнаруженные расследованием при экспертизе (положение о судебно-медицинских экспертах—Собр. Узак., № 75—1921 г., ст. 616).

При бухгалтерской экспертизе — приглашенный эксперт-бухгалтер, или опытный счетовод на основании изучения книг и документов хозяйственного предприятия или учреждения, проверки операций и цифровых данных, рассмотрения смет и балансов—дает заключение и определяет порядок и степень правильности или неправильности ведения предприятием кассового дела, счетоводства и финансовой отчетности, выясняет правильность составленных приходо-расходных статей и балансов и делает выводы о прибыльности или убыточности предприятия, исчисляет суммы убытков, причиненных теми или другими операциями, производя иногда проверку, учет и переучет по документам материальных ценностей хозоргана, учреждения или организации.

Каллиграфическая или графологическая экспертиза производится в тех случаях, когда требуется определить значение подложного документа в деле, сличить почерк документа с рукописями или почерками обвиняемых или других прикосновенных к делу лиц, или, наконец, определить по письменному документу, каким лицом по профессии, по образованию и т. д. мог быть написан или составлен тот или другой документ или в каком душевном состоянии этот документ писался его автором. В этих случаях эксперту даются для осмотра подлежащие исследованию или сличению документы, иногда производится предварительная фотографическая экспертиза, т.-е. делаются фотографические в увеличенных размерах снимки с исследуемого или заподозренного подложным документа. Такими снимками часто скорее устанавливается явная подложность документа: обнаруживаемые снимками зигзагообразные дрожащие соединительные штрихи отдельных букв, искусственное подражательное начертание отдельных букв и слов, повторение волосяной линии другим наложенным на нее поправочным штрихом, ясно видимая разница в чернилах, которыми сделаны поправки или приписки в тексте документа и т. д.—все это дает возможность безошибочно определить подложность или подлинность документа.

Кроме этих основных видов экспертизы, требующейся обычно по делам о преступлениях против жизни и здоровья, по делам о должностных и хозяйственных преступлениях и, в частности, по делам о растратах, подлогах и хищениях, по другим делам требуется иногда производство экспертизы и через других специалистов и сведущих лиц.

Для определения причин обвала здания или разрушения моста вызывается архитектор или инженер; для установления факта, из какого оружия произведен выстрел, и определения степени силы и боя огнестрельного оружия приглашается охотник или заведующий складами оружия; для выяснения способа, при помощи которого был отперт без ключа запор, или установления характера взлома или технических приспособлений, которыми воспользовался взломщик хранилища, приглашается слесарь, механик или техник соответствующей специальности; для определения рода товара, проданного путем обманной сделки или поставленного согласно договора, и установления степени брака или негодности этого товара вопреки условиям сделки может быть вызван торговец или производственник-рабочий, разбирающийся в квалификации и сортах этого товара; по делам о подделке денежных знаков оплаты, подделке марок, билетов, облигаций, фирменных клейм в качестве сведующих лиц могут дать необходимые сведения и заключение специалисты, работающие в Гознаке и учреждениях Наркомфина, а также работники типографского дела и т. п.

Из всех этих примеров ясно, что следователь, обсуждая вопрос о необходимости производства экспертизы: 1) должен, прежде всего, уяснить, вызывается ли действительной необходимостью для разъяснения сомнительного или спорного вопроса приглашение эксперта, или же, может быть, по обстоятельствам данного дела экспертиза совсем не нужна и 2) в случае положительного разрешения вопроса—сделать надлежащий выбор эксперта, который может быть достаточно компетентным, т.-е. знающим дело и способным разобраться в том или другом специальном вопросе.

Совершено, например, убийство из револьвера системы «Браунинг»; обвиняемый задержан на месте преступления в присутствии очевидцев преступления; револьвер, вполне исправный, отобран у обвиняемого после рокового выстрела; в нем остались невыстреленные патроны. В деле нет никаких сомнений относительно значения его, как орудия преступления.

В другом подобном случае имело место только покушение на убийство; обвиняемый грозил револьвером, нажимал курок, но выстрела не последовало; отобранный револьвер оказался старым, не бывшим в течение нескольких лет в употреблении «Бульдогом», с единственным вставленным в барабане и притом отсыревшим и поврежденным патроном. В первом случае ненужность экспертизы очевидна; во втором случае, наоборот, представляется весьма важным выяснить, не имело ли места со стороны обвиняемого покушение с заведомо негодными средствами, и поэтому экспертизу произвести необходимо.

При выборе экспертов могут быть у следователя затруднения, особенно, например, в уездных городах, где часто нет надлежащих специалистов. Требуется, например, врач-специалист для установления характера и степени повреждения, причиненного потерпевшему в глаз и оказавшему влияние на зрение. Местный врач затрудняется, как неспециалист, дать

заключение, а окулиста (т.-е. специалиста по глазным болезням) в уезде нет; в таких исключительных случаях приходится обращаться о командировании специалиста из губздравотдела (193 ст. УПК).

Так как экспертиза, как мы видели, в отдельных случаях сопряжена с предварительным ознакомлением эксперта с материалами расследования, с книгами и документами, иногда вне камеры следователя, в учреждении (бухгалтерские экспертизы), или с предварительным осмотром вещественного доказательства, то самый акт экспертизы целесообразнее в смысле оформления его разбить на две части: сначала составляется протокол о приступе эксперта, приглашенного следователем, к ознакомлению с необходимыми данными дела и материалами, с указанием, какие именно материалы и документы и где предложено эксперту рассмотреть; этот протокол с указанием времени, в течение которого происходила эта подготовительная работа, подписывается следователем, экспертом и понятыми. Другой момент экспертизы фиксируется в форме или заключения эксперта, данного им по вопросам, поставленным следователем на основании ознакомления с материалами и подписываемого экспертом, или же в форме протокола допроса, где эксперт излагает сущность своего показания, и такой протокол подписывается экспертом и следователем.

При вызове эксперта соблюдается порядок, аналогичный с указанным в главе о допросе свидетелей: следователь предупреждает эксперта о необходимости давать правильное заключение, «строго согласное с обстоятельствами дела и данными тех специальных знаний, для которых вызван эксперт», и об ответственности за отказ от дачи заключения и за дачу ложного заключения (170 ст. УПК).

Обвиняемому предоставляется право ходатайствовать о вызове эксперта, избранного и указанного им самим. Вопросы, которые должны быть разрешены экспертом, излагаются следователем точно и по пунктам, а в случае заявления обвиняемого о постановке эксперту тех или других вопросов, обвиняемый должен также изложить их письменно (169 и 171 ст. УПК).

Если бы эксперт признал, что материалы, предложенные ему следователем для ознакомления недостаточны, а следователь не находит возможным предоставить ему другие, более полные сведения из дела, эксперт обязан составить акт о том, что при таких данных он не может дать заключения. Этот акт следователь направляет прокурору или в суд, которому подсудно дело, от которых и зависит разрешить вопрос о том, какие еще материалы могут быть предоставлены эксперту из предварительного следствия (примеч. к 171 ст. УПК).

Следует, однако, порекомендовать следователю избегать подобных конфликтов с экспертом. Если в деле есть достаточные материалы, на основании которых эксперт будет в состоянии дать по совести свое заключение, как специалист, нет основания скрывать от него те или другие данные: эксперт по существу работы есть ближайший и необходимый помощник следователя по тому делу, по которому в интересах следствия требуется производство экспертизы; подобные же конфликты обостряют отношения и могут оказать вредное влияние на успех расследования.

В тех случаях, когда по делу для разрешения вопросов, требующих специальных познаний, вызываются несколько экспертов, при чем в их заключениях будут усмотрены существенные разногласия, следователь

вправе назначить новую экспертизу через других экспертов. Вообще, во всех случаях, когда следователь признает экспертизу недостаточно ясной или неполной, и выводы экспертизы представляются ему сомнительными, он может назначить производство новой экспертизы, при чем в этих случаях следователь обязан составить мотивированное постановление, в котором изложить основания, по которым он признает необходимым производство новой экспертизы (173 и 174 ст. УПК).

Назначение в указанных случаях новой экспертизы, естественно, обязывает следователя обратиться к экспертам высшей квалификации, чем те, которые производили первую экспертизу. В подобном случае следователь, указав сущность вопроса, разрешение которого требуется экспертизой, может обратиться в соответствующий наркомат или отдел местного исполкома— об указании ему того или другого лица, специалиста по данному вопросу. Было бы рискованным и нецелесообразным назначать новую экспертизу, недостаточно убедительно обосновав ее и пригласив для новой экспертизы специалиста равной или низшей квалификации, сравнительно с первыми экспертами.

Основаниями для назначения новой экспертизы могут служить: явное несоответствие выводов экспертизы с данными, установленными предварительным следствием (отрицается отравление, как причина смерти, хотя исследованием внутренностей установлена наличность в них известной дозы яда); неопределенность заключения эксперта, не дающая возможности точно квалицировать по Угол. Кодексу вменяемое обвиняемому преступление (не определена степень тяжести телесного повреждения), разноречие экспертов, являющихся недостаточно компетентными в специальном вопросе, проходящем в экспертизе (дано заключение о влиянии последствий телесного повреждения на умственную сферу обвиняемого врачами, не специалистами-психиатрами) и т. д. Так как назначение новой экспертизы сопряжено с замедлением в производстве следствия и с излишними расходами для казны, производство новой поверочной экспертизы должно быть допускаемо в исключительных случаях по делам особой сложности и важности, и притом при учете возможности твердой постановки данного дела на суд при достаточно доказательных уликах.

Среди указанных выше видов экспертизы могут быть случаи, когда экспертиза имеет длящийся характер и занимает продолжительное время: эксперт-бухгалтер изучает материалы и ознакомляется с торговыми книгами и документами предприятия за довольно продолжительный период времени; эксперт-врач отказывается дать заключение до получения акта исследования внутренностей трупа, признает необходимым затребовать историю болезни потерпевшего из больницы или собрать те или другие сведения о болезни потерпевшего; эксперт-архитектор производит предварительную проверку технической правильности плана, по которому строилось обвалившееся здание, исследует качество строительных материалов и производит исчисления тяжести, нагрузки столбов здания, пролетов и т. п.

Во всех этих случаях следует эксперту дать полную возможность и время для подготовительной работы на дому или в учреждении. В этом отношении можно лишь ограничить эксперта в получении на дом таких вещественных доказательств, имеющих индивидуальную ценность, которые в случае их утери не могут быть восстановлены или заменены другими предметами или

однородными частями, имеющимися у следователя по тому же делу. Например, представляется опасным давать на дом эксперту подложный документ, акты дознания или ревизионные материалы, бухгалтерские книги учреждения и т. п. В практике последнего времени был случай, когда вещественные доказательства—книги учреждения, взятые экспертом у следователя для работы на дому, затерялись среди имущества эксперта, срочно переезжавшего из одной квартиры в другую при выселении в период поизводства им экспертизы.

Во всяком случае, от усмотрения следователя в зависимости от тех или иных соображений зависит допустить известные отступления от установленного порядка осмотра, хранения и исследования предметов, имеющих значение вещественных доказательств: за всякие же последствия, которые могут произойти в подобных случаях, вроде утери или порчи вещественных доказательств, ответственность несет всецело и исключительно следователь, допустивший то или другое неосторожное распоряжение или пользование материалами следственного характера.

Ответственность за экспертизу в смысле правильности, ясности и полноты заключения или выводов несет только эксперт; пределы ответственности следователя за экспертизу, по существу ее, ограничиваются лишь требованиями правильной постановки экспертизы, т.-е. собрания и предоставления эксперту надлежащих необходимых сведений и материалов по делу; вызова эксперта, соответствующего цели данной экспертизы, и, наконец, правильной и исчерпывающей существо дела постановки вопросов, вытекающих из обстоятельств данного дела и требующих для решения их специальных познаний в той или другой области науки, техники, искусства, ремесла и т. п.

Согласно инструкции НКЮ, изданной в порядке 65 ст. Уг. Проц. Код., эксперты, как и свидетели, имеют право на возмещение своих расходов по проезду для явки к следствию и обратно; а если они не являются служащими и рабочими, за которыми по закону сохраняется право на вознаграждение по месту службы или работы, то они имеют право на вознаграждение за отвлечение от занятий в размере $^{1}/_{24}$ ставки 10 разряда 17-разрядной тарифной сетки, и, кроме того, специальное вознаграждение за труд по экспертизе, размер которого определяется сложностью и трудностью работы и квалифицированностью эксперта, при чем размер оплаты труда не может быть выше 1 руб. за час работы и ниже 25 коп. за час (инструкция НКЮ от 31 июля 1923 г.,—«Ежен. Сов. Юст.», № 31—1923 г.). Переводчики, вызываемые для переводов речи и документов с одного языка на другой, вполне правильно приравниваются инструкцией к экспертам, т.-е. сведущим людям, обладающим специальными познаниями [1]).

---

[1]) Декретом СНК от 20 июня 1924 г. могут быть учреждаемы особые должности судебных переводчиков в губ. городах по представлениям губисполкомов и с утверждения НКЮ, на которых и возлагаются обязанности, предусмотренные 22 и 167 ст. Угол. Проц. Код. Оплата их труда производится по особой таксе (Собр. Узак. № 56—1924 г., ст. 553 (положение о судебных переводчиках).

ГЛАВА VI.

Производство осмотров.

В отношении акта осмотра, как следственного действия, наш процессуальный закон страдает большой пробельностью, не давая почти никаких руководящих указаний, определяющих порядок и условия, соблюдение которых требуется при производстве осмотров. А между тем, осмотр является одним из важнейших актов расследования, который в практике органов дознания и следствия отливается в самые разнообразные формы в зависимости от об'екта, который подвергается осмотру: совершенно различный подход и различные приемы применяются при производстве осмотра местности, где совершено преступление, осмотра отдельного предмета, который послужил орудием преступления, документа, почтового письма, трупа убитого и т. д.

Уголовно-Процессуальный Кодекс, об'единяя осмотры «отобранных при обысках и выемках документов и иных предметов» с осмотрами почтово-телеграфной корреспонденции, с освидетельствованиями и даже с осмотрами и вскрытиями трупов в одной главе, всего в семи статьях, намечает лишь общие формальные условия, которые должны быть соблюдаемы при производстве осмотров и освидетельствований (189—195 ст. УПК).

При этом закон, с одной стороны, совершенно не упоминает об осмотре мест совершения преступления, говоря лишь об осмотре предметов, отобранных при обысках и выемках, с другой—он не разграничивает и сливает в одну категорию разнородные по существу следственные акты: осмотры и освидетельствования, повторяя ошибку далеко не полного и не совершенного прежнего дореволюционного закона.

На это отсутствие более точных и подробных руководящих норм, регулирующих осмотры, и смешение разнородных следственных актов, которые требуют различных технических приемов, следует указать, как на одну из слабых сторон процессуального закона, нормирующего деятельность органов расследования.

Поэтому в практическом руководстве, предназначенном для органов дознания и народных следователей, нам приходится подробнее остановиться на осмотре, как весьма важном акте расследования, который часто закладывает фундамент для всего дела, открывает крепкие и неопровержимые улики и доказательства и дает ключ к полному раскрытию истины и обнаружению виновника.

В этом отношении первенствующее место принадлежит о с м о т р у м е с т а с о в е р ш е н и я п р е с т у п л е н и я. В делах об убийствах (142 и след. ст. Угол. Код.), о погромах и разрушениях путей и средств сообщения (75 ст. Уг. Код.), о кражах, хищениях, грабежах и разбоях (180—184 ст. Уг. Код.) и мн. др. своевременно произведенный осмотр местности или помещения, где совершено или обнаружено преступление, часто не только открывает первую страницу расследования, но и заканчивает вчерне все расследование, являя полную картину преступления и отвечая на все вопросы, разрешение которых входит в задачу расследования данного преступления.

Когда органами дознания или следствия получены первые сведения о совершенном преступлении, в особенности, когда виновники преступления скрылись, не задержаны на месте преступления и никаких определенных подозрений против кого-либо не имеется, представляется весьма важным немедленно осмотреть место совершения преступления, зафиксировать внешнюю обстановку преступления, установить, в каком виде представляется то место или помещение, в котором преступник совершил ряд действий и оставил те или другие знаки своего пребывания, следы разрушения, изменения или перемещения предметов, находившихся в известном порядке или соотношении до совершения им в этом месте преступного деяния.

Проникнув в помещение, где преступник задумал совершить преступление и совершив все, что он имел в виду, успел или смог сделать, виновник преступления всегда оставляет после себя во внешней обстановке местности, дома, квартиры и т. д. ряд таких изменений нормального порядка и естественного строя вещей, по которым всегда можно определить, кто был в этом месте, сколько лиц было, с какой целью пришли, какие орудия имели при себе, сколько времени пробыли, какие действия произвели, что унесли с собой и т. д. Эта внешняя обстановка, внешний вид места и предметов, среди которых орудовал преступник, после визита преступника дает полную картину совершенного преступления и обычно отражает не только действия скрывшегося и неизвестно где в данный момент находящегося преступника, но и его внутренние побуждения, и его характер, и нравственный облик. Труп убитого, расположение трупа, следы крови или кровяных брызг на стенах, поваленные предметы, разбитые вещи, вскрытые хранилища, взломы окна, двери, отбор вынутых или тронутых с мест предметов, оставленный окурок, разлитая вода и скомканная тряпка со следами вытирания рук и т. д.—все это в течение нескольких минут или часов осмотра дает полное представление о том, что здесь происходило и с какой целью и какими лицами учинено преступление.

Вполне понятно поэтому, какое огромное значение в процессе расследования имеет осмотр места преступления, а вместе с тем насколько важно до прибытия на место преступления следователя сохранить в неприкосновенности и без изменений всю внешнюю картину всего обнаруженного первыми лицами, которые прибыли на место совершения преступления.

Здесь нельзя предусмотреть и перечислить все предосторожности, которые должны быть приняты агентами милиции, которые обычно первыми оповещаются и являются к месту совершения преступления. Во всяком случае, все лица, потерпевшие или первые обнаружившие преступление и находящиеся на месте в момент прибытия представителей органов дознания, должны быть немедленно опрошены для выяснения того, кто первым обнаружил преступление и когда, в таком ли виде все было застигнуто в момент обнаружения, не произведено ли каких-нибудь перемещений предметов, не потревожена ли была одежда на трупе и т. д. Произведя наружный поверхностный осмотр всего оказавшегося, милиция обязана до прибытия следователя принять **меры к охране места совершения преступления** от всякого доступа посторонних лиц, которые могли бы внести какие-либо изменения в обстановку обнаруженного преступного события: те или другие помещения должны быть опечатаны или к ним приставлена охрана. На открытой местности, являющей следы преступления, также должно быть сделано оцепление или охрана следов от возможных измене-

ний под влиянием погоды или от действия посторонних и т. д. Следы на снегу или на земле должны быть прикрыты ящиками, лубками или досками так, чтобы следы эти не изменили своей формы и размера и не осели и не изгладились.

В случае, если ожидание прибытия следователя для осмотра может грозить какими-либо возможными изменениями предметов или следов, органы дознания должны произвести предварительный осмотр места с соблюдением того же порядка, который установлен для следственного осмотра (99 и 101 ст. УПК). Если требуется немедленное перемещение трупа при выяснившейся по каким-либо причинам невозможности оставления его в том месте, где он найден (напр., в канаве с водой, на открытом месте под дождем), или требуется немедленное восстановление прежнего состояния местности обнаруженного преступления (напр., уборка разрушенных при крушении вагонов в целях очищения пути и восстановления движения), то милиция или соответствующий орган ГПУ обязаны также произвести предварительный осмотр и составить протокол обо всем обнаруженном при осмотре и о тех изменениях и перемещениях в обстановке местности, которые были произведены по тем или иным соображениям до прибытия следователя.

Осмотр местности с большим районом, подлежащим обследованию при осмотре, или осмотр помещения, в котором преступники произвели значительные изменения и оставили след своей работы, требует чрезвычайного внимания и тщательности. Прежде всего, следователь, прибыв на место и бегло, ничего не тревожа, окинув взором местность или помещение, которые ему предстоит осмотреть, и сообразив, в связи с имеющимися у него предварительными сведениями, на что он должен будет обратить особенное внимание, должен наметить ориентировочный пункт или место, с которого он начнет производить осмотр. При обнаружении убийства в большинстве случаев полезно бывает начать с внешнего осмотра трупа и окружающих его предметов, постепенно расширяя район обследования близлежащих предметов и помещений, на которых имеются следы пребывания преступника, и затем уже осмотреть входы, отверстия и пути, через которые мог проникнуть преступник и которыми он затем скрылся. В некоторых же случаях, когда представляется несомненным направление и путь, по которому преступник проник к месту совершения им преступления, возможно начать осмотр с этого именно пункта: например, приступая к осмотру небольшой квартиры в доме, имеющей один вход, можно начать осмотр с этого входа, и тогда протокол осмотра будет начинаться описанием того, что дом во столько-то этажей находится на такой-то улице, что в квартиру, где обнаружен труп, ведет с такой-то стороны входная дверь, далее по лестнице идет под'ем в осматриваемую квартиру, в которую ведут такие-то двери; описываются повреждения запоров и т. п., и далее, в связи с общим расположением комнат следователь осматривает на пути все, что может иметь отношение к делу, и доходит постепенно до местонахождения трупа.

При этом следователь должен распорядиться, чтобы посторонние лица не могли иметь доступа к месту осмотра и не мешали своим присутствием изучению места совершения преступления. К осмотру перед началом его должны быть приглашены понятые, числом не менее двух (обычно этого числа бывает достаточно, чтобы не создавать излишней толкотни на месте осмотра), представители милиции для выполнения тех или других распоря-

жений следователя, иногда потерпевшие или первые очевидцы обнаруженного преступления или лица, живущие в том же помещении и близкие к потерпевшему. Присутствие этих лиц бывает необходимо для об'яснения тех или других обстоятельств, устанавливаемых осмотром: где такой-то предмет находился в обычное время до преступного события; какое значение имеет расположение каких-либо вещей в комнате, где находится труп; где хранились ключи от взломанных или отпертых хранилищ; кому принадлежит какой-нибудь предмет, который найден около трупа, нахождение которого в этом месте представляется непонятным для следователя; где взято и кому принадлежит орудие, оказавшееся оставленным около трупа (топор, нож, молоток); наконец, каких предметов или ценностей не хватает в том или другом месте и которые оказываются исчезнувшими. Все лица, допущенные следователем к осмотру, должны сопутствовать следователю до конца осмотра; блуждание по разным местам и оторванно друг от друга этих лиц должно быть следователем воспрещено. Всякая особенность, на которую следователь или присутствующие при осмотре обращают внимание, всякий предмет, который может иметь значение вещественного доказательства, должен быть тщательно осмотрен и оценен с точки зрения значения его для дела. Те предметы, которые могут иметь значение улики в деле или которые по своим особенностям могут служить к раз'яснению в дальнейшем каких-либо существенных обстоятельств дела, должны быть взяты для приобщения к делу.

Как в отношении ко всему осмотру местности в целом, так, в частности, в отношении из'ятия тех или других предметов для приобщения к делу, должна быть соблюдаема экономия времени и сил и целесообразность отбора предметов. Здесь следователь должен проявить необходимое чувство меры, и, переходя от одного предмета к другому, из одного помещения в следующее, соображать, что требует более внимательного осмотра и подробного описания в протоколе и что должно быть взято для приобщения к делу.

Как следователи, работавшие в дореволюционное время, так и советские следователи часто грешили против этого требования: в практике наблюдались случаи, когда следователь подробно описывал части помещения, в котором находится труп убитого, вплоть до описания и перечня всей обстановки и мебели и даже настенных украшений, в то же время недостаточно точно произвел, когда нужно, обмер помещения, расстояние трупа от кровати, стены, двери или не описал расположения его, одежды, характерных следов борьбы жертвы с преступником и т. п. В иных случаях следователи щедро приобщали к делу предметы, которые совершенно не нужны в целях расследования; помимо отобрания при осмотре орудия преступления со следами крови, брали другие предметы, на которые попала кровь, или вырезали из стены или мебели древесину с брызгами крови, хотя достаточно было только описать для ясности картины убийства, где и какое расположение имели кровавые следы, брызги крови или запачканные кровью предметы.

Отобрание ненужных предметов особенно практикуется органами дознания при обысках, когда, помимо розыскиваемых в помещении заподозренного или обвиняемого денег, документов или каких-либо приметных и индивидуальных определенных предметов и вещей, отбираются чохом все переписки, старые акты гражданского состояния, ценные вещи, приобретение которых в данное время или принадлежность которых неприкосновенным к делу лицам не возбуждает сомнения, или просто предметы, хотя и из'ятые

из гражданского оборота, но хранение которых не является нарушением закона и не является преступным: напр., отбираются найденные в незначительном числе несколько медных или серебряных монет старой чеканки или аннулированные и потерявшие ценность деньги царского образца или старые дензнаки, облигации и т. п. Между тем, только в тех случаях, когда подобные предметы указывают на совершение данным лицом запрещенных операций с этими предметами или хранение их в значительном количестве внушает какое-либо подозрение, они могут быть отобраны, но и в таком случае об отобрании их должен быть составлен отдельный акт для направления его вместе с отобранными предметами в суд для возбуждения судебного дела или в подлежащее административное учреждение на предмет уничтожения отобранного или его конфискации.

В процессе длительного и сложного осмотра следователь должен, по мере осмотра отдельных частей местности или помещения, или отдельных предметов, отмечать на листке бумаги замеченные особенности и последовательный порядок осмотра отдельных мест и предметов, чтобы при составлении протокола по окончании осмотра этот протокол ясно и точно отражал все действительно обнаруженное осмотром, и притом в той постепенности, в которой те или другие подробности обнаруживались или осматривались. Иначе следователь, как это и случалось часто, рискует позабыть отметить в протоколе то или другое важное обстоятельство или вынужден бывает во время составления протокола осмотра для восстановления подробностей возвращаться на место осмотра и вновь устанавливать наличность тех или других данных. Бывают, однако, случаи, когда и при осмотре мест и помещений требуется более кропотливая работа и более широкое из'ятие для приобщения к делу вещей или предметов, внушающих сомнение. Например, при осмотре помещения, где, по подозрению, было совершено убийство, но откуда труп был перемещен или вывезен в другое место, или при осмотре и обыске помещения, в котором проживает убийца после совершения преступления, требуется тщательный осмотр подозрительных пятен, напоминающих кровь на стенах, на вымытом полу, на земле, на одежде и т. п. В таких случаях бывает необходимо вырезать с подозрительными пятнами соответствующие части из деревянной стены или штукатурки, из половицы, а равно отобрать одежду и орудия, имеющие следы темно-красных, буровато-красных и коричневых пятен, имеющих характерный для крови оттенок. При этом, как и вообще при осмотрах местонахождения трупов, по делам об убийствах можно рекомендовать приглашать врача для предварительного определения свойства подозрительных пятен до исследования их химическим путем. При осмотре таких пятен полезно пользоваться увеличительным стеклом и даже при дневном свете рассматривать их со свечей, так как при освещении пятен с разных сторон свечей настоящие кровяные пятна отливают слегка радужными цветами.

По осмотре места, где находится труп, следователь делает распоряжение о перемещении трупа в соответствующее помещение для судебно-медицинского осмотра и вскрытия.

Протокол осмотра местности лучше всего составлять и скреплять подписями присутствовавших непосредственно сейчас же после окончания осмотра, при чем в протокол вносятся все об'яснения, которые сделали по поводу тех или иных моментов осмотра присутствовавшие потерпевшие или хозяева помещения, которое осматривалось; напр.: «по об'яснению при-

сутствовавшего при осмотре брата убитого, шкворень со следами крови, оставленный около трупа, принадлежит убитому; он находился до последнего времени в старом станке телеги без колес во дворе около омшанника».

Многое сказанное относительно техники производства осмотра места преступления и составления протокола осмотра по делу об убийстве может быть применено и к осмотрам местности по делам о другого рода преступных деяниях. При осмотрах места пожара в случае указаний на поджог необходимо обращать внимание на те места пожарища, где начался пожар; при разборке пепелища или мусора необходимо обратить внимание на нахождение в развалинах или истлевшем мусоре следов горючих материалов, склянок, жестяных сосудов, фитилей или тряпок и др. предметов, обычно сохраняющих долго следы и запах керосина, сала и т. п. Полезно бывает при этом привлечение к участию в осмотре лиц, участвовавших в тушении пожара. При осмотре разгромленных помещений и хранилищ по делам о кражах и хищениях обязательно присутствие потерпевших или заведующих складами и хранилищами, а равно и лиц, под ближайшей охраной и на учете которых находилось похищенное имущество, так как при осмотре по этим делам необходимо бывает не только точное описание того, из каких мест и каким способом из'яты похитителем те или другие предметы, но и выяснить индивидуальные признаки и приметные особенности и знаки, которые имелись на похищенных предметах, чтобы в целях успешности розыска похищенного органам дознания и уголовного розыска при дальнейших поручениях, в порядке 2 ч. 110 ст. Угол.-Проц. Код., можно было дать подробные и исчерпывающие сведения о том, какие предметы и по каким признакам могут быть опознаны за похищенные в случае нахождения однородных предметов.

Протокол осмотра места совершения преступления, в котором точно, ясно и подробно описано все, имеющее непосредственное отношение к делу, и в котором все описанное соответствует действительности, как уже сказано выше, часто дает уже полную картину преступления, раскрывая и об'ясняя все основные моменты расследования. То, что не было своевременно осмотрено следователем, то, что не было зафиксировано в протоколе или описано не совсем точно и ясно, впоследствии, как при дальнейшем производстве расследования, так тем более на суде, не может быть восстановлено и выяснено хорошо даже свидетельскими показаниями очевидцев, прибывших первыми на место и видевших обстановку, при которой обнаружено совершенное преступление; время не только изглаживает из памяти воспринятые живым человеком впечатления от предметов и событий, но часто и извращает и трансформирует (видоизменяет) эти восприятия настолько резко, что истинного понятия о действительном виде, размере, форме, цвете, расстоянии мест и предметов получить от свидетеля не представляется возможным.

Поэтому наглядное описание действительности обнаруженного при осмотре дает, главным образом, в деле мертвый лист бумаги с содержанием изложенного на нем протокола осмотра. При этом следует, однако, иметь в виду, что вследствие индивидуальных недочетов, которые наблюдаются даже у хорошо грамотных и владеющих речью лиц, чрезвычайно трудно бывает даже опытному следователю дать в своем протоколе осмотра вполне ясное описание словами виденного или тщательно осмотренного; описательная форма—наиболее трудный вид изложения даже в области художественного творчества. Как бы хорошо ни был составлен протокол осмотра места

совершения преступления, лицо, не бывшее при осмотре, не получит при чтении полного представления о местности, которая описана в протоколе; нужно большое напряжение ума и памяти, чтобы по изложенному в протоколе разобраться во взаимоотношениях и расположении отдельных описанных мест, предметов и вещей и ясно представить себе часто сложную планировку местности или здания, площадки, района или участка земли.

Вот почему следует вменить в обязанность следователю, на ряду с составлением, в пределах сделанных выше указаний, протокола осмотра места совершения преступления, составлять при осмотре и прилагать к протоколу хотя бы схематический план, легкое графическое изображение или чертеж описанной в протоколе местности. В отношении дел наиболее сложных, по которым протоколы осмотра представляют из себя большие и подробные описания местности, участка земли или строений, это требование следовало бы признать обязательным. В прежнем процессуальном законе была прямая статья, в которой было указано, что при производстве осмотров «следователь обращает внимание не только на явные признаки преступления, но также на местность и предметы, окружающие следы преступления; в случае надобности он делает надлежащие измерения, а если возможно, то и чертежи осмотренных мест и предметов» (318 ст. уст. угол. суд.). Составление простого чертежа, хотя бы от руки и без помощи линейки и даже без точного масштаба [1]), не представляет никаких затруднений даже для лица, никогда не занимавшегося рисованием; для этого достаточно приобрести некоторый навык делать черновые наброски и зарисовки штрихами и линиями осматриваемых мест и помещений и ознакомиться с условными знаками, которыми отмечаются обычно на чертежах отдельные геологические особенности поверхности земли, дороги, здания, сооружения, границы и т. п.

А между тем, даже самый простой чертеж помогает читающему протокол осмотра не только составить ясное понятие о местности, но и полное наглядное представление о ней.

Представим себе, что следователем произведен осмотр места преступления—государственных складов, на которых ночью необнаруженными лицами совершена крупная кража, сопровождавшаяся убийством охранявшего склады сторожа. Следователем составлен обширный протокол осмотра и приложен чертеж осмотренной местности (см. рис. на стр.).

Посмотрев на чертеж, уже после беглого прочтения протокола можно ясно себе представить всю местность, где совершено преступление, расположение отдельных строений, характер близлежащих мест, направление дорог и, кроме того, можно наглядно проследить процесс выполнения преступниками своего плана: убийства сторожа и ограбления складов. Уже по одному чертежу можно сделать определенные выводы об обстановке, при которой совершено обнаруженное преступление: непосредственных совершителей преступления было трое; четвертый, вероятно, ожидал на ло-

---

[1]) Масштаб—линейная мера длины, уменьшенная на чертеже сравнительно с настоящей длиной при измерении расстояний между отдельными пунктами местности: если на географической карте масштаб выражен в 1 дюйме, равном 100 верстам, это значить, что если, например, расстояние между двумя городами по карте равно 3 дюймам, эти города отстоят друг от друга на 300 верст.

шади, запряженной в сани, позади складов, у проезжей дороги, ведущей из города к речке; трое грабителей, вызвав, повидимому, через окно сторожки, сторожа, проникли через калитку во двор складов, убили сторожа и затем направились сначала к складу № 3, взломали дверь, проникли в склад и из него выносили товар к задней части ограды, где разобрали доски в заборе, и укладывали товар в сани; затем таким же порядком ограбили склад № 5, после чего уехали с товаром в направлении к мосту по дороге, ведущей из города на соседнюю деревню.

Такой чертеж, несомненно, как для самого следователя, так впоследствии и для суда, поможет легче разобраться в обстановке преступления и во всех подробностях, которые установлены путем осмотра места совершения преступления, и уяснить весь процесс преступных операций обвиняемых.

В случае необходимости дать на основании данных осмотра наглядное изображение обширного района местности, где имели место отдельные преступные действия или пролегали пути совершителей преступления, с обозначением дорог, городских или сельских строений, лесов, полей и т. п., полезно бывает составить чертеж большого масштаба с условными графическими обозначениями или контурами, пользуясь при этом знаками и рисунками, принятыми при топографических с'емках (см. рис. на стр.). Расстояния между отдельными пунктами изображенной на чертеже местности обозначаются здесь же на основании измерений шагами или линейными мерами, или на основании показаний местных жителей.

Когда требуется составить чертеж или план с подробными и точными измерениями и в определенном масштабе, и следователь сам не может выполнить этой работы, возможно пригласить для составления такого чертежа или плана в качестве сведущего лица чертежника, землемера, архитектора и т. п.

Иногда бывает важно сделать фотографический снимок, который заменит самые подробные протокольные описания места совершения преступления или предметов, найденных при обнаружении преступления (картина последствий железнодорожного крушения, обвала здания, взрывов, пожаров, снимки частей изуродованного трупа и пр.).

Такие исключительные события, при исследовании которых осмотр необходимо дополнить точными измерениями, чертежами и снимками, случаются редко; однако, следователь должен всегда быть готов к этому и знать, как технически пополнить и оформить акт осмотра, чтобы осмотр давал наглядную, полную и точную картину действительности.

Приглашения сведущих лиц для участия при осмотре места совершения преступления надо по возможности избегать, кроме тех исключительных случаев, когда предметы, обнаруженные при осмотре, требуют непосредственного и немедленного наблюдения их через специалиста и не могут быть описаны и об'яснены без его участия. Осмотры производятся обычно в спешном порядке, а приглашение эксперта могло бы в иных случаях замедлить осмотр; кроме того, в уездах не всегда можно найти сведущее лицо той или другой специальности. Наконец, осмотр предмета для разрешения сомнительного обстоятельства, требующего специальных познаний, может быть дополнен позднейшим актом допроса сведущего лица. При осмотрах места совершения преступления по делам об убийствах также присутствие врача-эксперта не является безусловно необходимым, тем более, что врач должен

Условные обозначения на чертежах при осмотре местностей:

Границы отдельных участков, районов, владений

Железная дорога – ширококолейная.

Железная дорога – узкоколейная

Лесная площадь

Отдельные деревья.

Горелый лес и лесосека.

Бугры и горки

Речка и мост.

Овраги и ямы

Болотистая местность или сырая низина.

Луга, поля засеянные и сжатые

Песчаная местность.

Гористая местность.

Большая дорога, проселочная дорога, тропинка

Каменное и деревянное строение

Улица

Забор.

Каменная стена.

Государственное учреждение, предприятие, фабрика или завод

Церковь, мечеть, кладбище, мельница.

Изба с двором и огородом.

Изгородь

Плетень

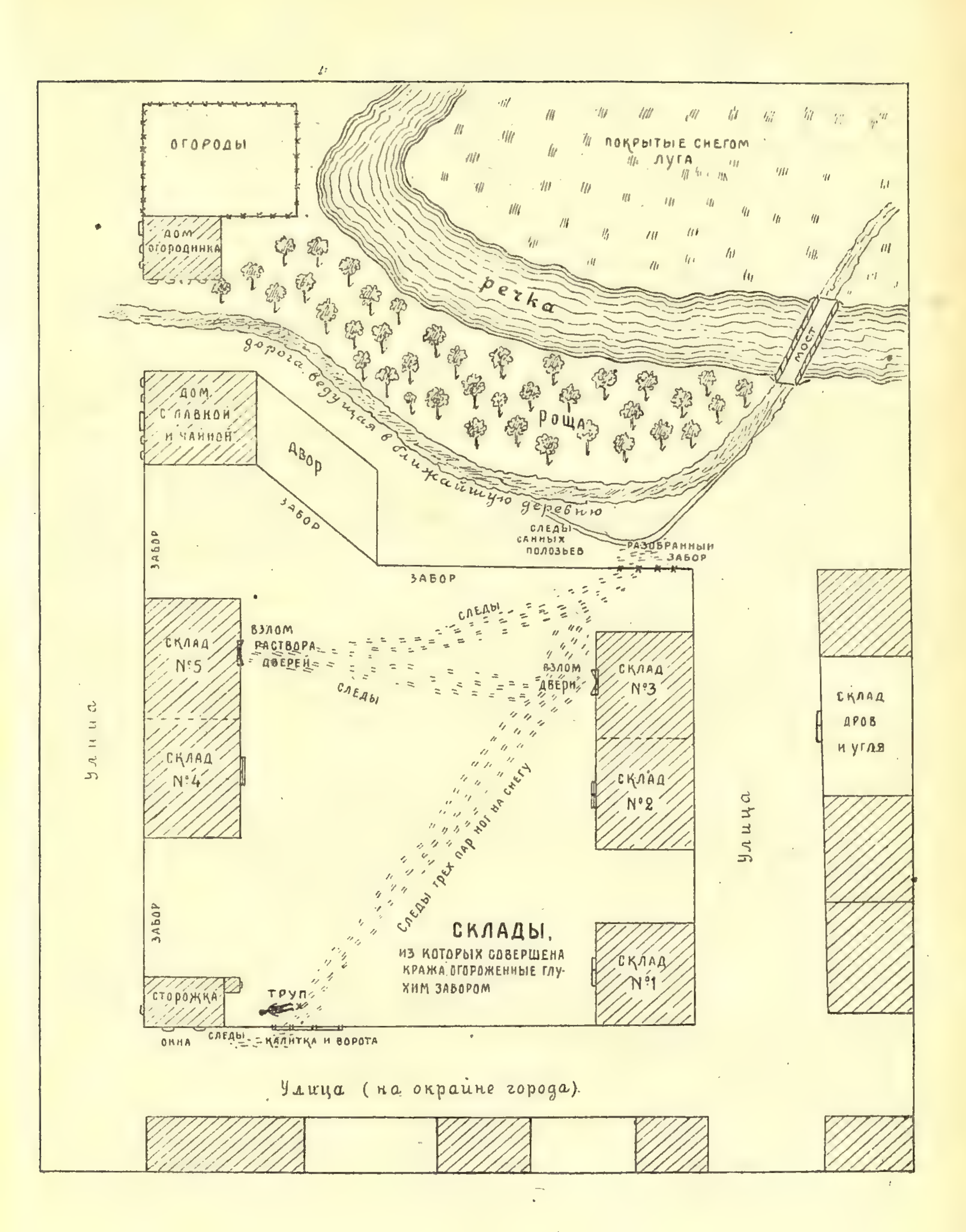
быть приглашен для судебно-медицинского осмотра и вскрытия трупа, где он может учесть и те обстоятельства, которые ему сообщит следователь па основании данных осмотра местности, где найден труп, и тогда врач сможет в связи с результатами вскрытия дать более полное заключение по всем вопросам, предложенным ему следователем.

Осмотры закон рекомендует производить днем, кроме случаев, не терпящих отлагательства (190 ст. УПК). Такое требование закона ясно само собою: при вечернем и искусственном освещении, более слабом, чем дневной свет, при осмотре ускользают некоторые подробности и особенности осматриваемого места и предмета, и, кроме того, участвующие при осмотре после нормального дневного рабочего дня не всегда обладают той свежестью памяти и внимания, которые требуются при осмотре.

Судебно-медицинский осмотр и вскрытие трупа по делам о насильственном лишении жизни требуют также соблюдения известных правил от следователя, назначающего осмотр[1]). Этим актом злоупотребляли следователи старого режима в сторону одинаково полного формального выполнения акта вскрытия по всем делам о смертоубийствах; с другой стороны, народные следователи иногда преуменьшают значение этого акта, не производя вскрытия трупа в тех случаях, когда, казалось бы, без вскрытия установить причинную связь телесного повреждения со смертью точно невозможно.

В подобных случаях, разрешая вопрос о пределах судебно-медицинского осмотра и вскрытия, следователь почти всегда может положиться на мнение врача. Если по данным наружного осмотра трупа врач находит, что для него ясна причина смерти, можно ограничиться наружным осмотром или вскрытием отдельной полости трупа, изменения в которой в связи с наружным осмотром могут дать врачу достаточный материал для его заключения. Обычно, когда по обстоятельствам дела требуется полное внутреннее исследование трупа, вскрытие начинается распиливанием черепной крышки и вскрытием полости головы с осмотром мозговых оболочек и веществ мозга; затем производится вскрытие полости груди и брюшной полости, при чем по взрезе грудной клетки и обнажении внутренних органов, вынимаются, взрезываются и исследуются легкие, сердце, желудок, печень, почки, кишки и прочие внутренние органы. В зависимости от особенностей случая врач обращает внимание на те или другие изменения, замеченные им на внутренних органах; при этом врач должен показать следователю и понятым те или другие особенности и изменения внутреннего органа и раз'яснить их значение. В некоторых случаях, когда при вскрытии причина смерти для врача не вполне ясна или вызывает сомнение, следователь может подробно посвятить врача во все обстоятельства дела и возможные или вероятные свои предположения. В одном случае, когда врач, не имевший полных сведений по делу, сомневался в определении ближайшей причины смерти, следователем было указано на возможность в данном случае удушения покойного во время борьбы, и врачем при повторном более внимательном осмотре внутренних органов под плеврой и наружным покровом сердца были обна-

[1]) Подробные указания о порядке производства дознания милицией в случаях убийства или подозрения в насильственной смерти даны в инструкции моск. милиции, содержание которой вошло в позднейшую общую «Инструкцию НКВД органам милиции о порядке производства дознаний от 22 марта 1924 г.

ОГОРОДЫ
ДОМ ОГОРОДНИКА
ПОКРЫТЫЕ СНЕГОМ ЛУГА
речка
МОСТ
дорога ведущая в ближайшую деревню
РОЩА
ДОМ С ЛАВКОЙ И ЧАЙНОЙ
ДВОР
ЗАБОР
ЗАБОР
СЛЕДЫ САННЫХ ПОЛОЗЬЕВ
РАЗОБРАННЫЙ ЗАБОР
ЗАБОР
СЛЕДЫ
ВЗЛОМ РАСТВОРА ДВЕРЕЙ
СКЛАД №5
СЛЕДЫ
ВЗЛОМ ДВЕРИ
СКЛАД №3
СКЛАД ДРОВ И УГЛЯ
Улица
СКЛАД №4
СКЛАД №2
Улица
СЛЕДЫ ТРЕХ ПАР НОГ НА СНЕГУ
ЗАБОР
СКЛАДЫ, ИЗ КОТОРЫХ СОВЕРШЕНА КРАЖА, ОГОРОЖЕННЫЕ ГЛУХИМ ЗАБОРОМ
СКЛАД №1
СТОРОЖКА
ТРУП
ОКНА
СЛЕДЫ
КАЛИТКА И ВОРОТА
Улица (на окраине города).

ружены очень мелкие точечные кровоизлияния (так-называемые пятна Тардье), указывающие, как на причину смерти, на задушение, сопровождавшееся судорожными выдыханиями.

Бывают редкие случаи, когда для установления причины смерти требуется даже вскрытие мало доступного для исследования защищенного костными позвонками спинного мозга. У одного следователя, занимавшегося следовательской практикой более 15 лет, из 82 случаев судебно-медицинских вскрытий только один раз было произведено вскрытие позвоночного столба по следующему делу. Умерла внезапно крестьянка через 7 дней после нанесения ей мужем побоев. Родственники ее заявили, что она померла от побоев мужа. Вскрытие производили два врача, из которых один известный хирург. При осмотре и вскрытии трупа на теле покойной были найдены в разных местах лишь незначительные ссадины. Вскрытие внутренних органов не дало никаких положительных указаний на связь причиненных крестьянке побоев с ее смертью. В виду имевшегося в деле показания свидетельницы, что когда обвиняемый бил жену незадолго перед смертью, то, поднимая ее на воздух, встряхивал и ударял ее об пол, после чего она слегла в постель и не вставала до смерти, подозревалась возможность каких-либо повреждений от сотрясения в спинном мозгу, в виду чего врачам было предложено вскрыть позвоночный столб. По вскрытии спинного мозга между 5—7 позвонками было обнаружено ярко-розовое окрашивание мозга, указывающее на наличность острого миэлита (воспаление спинного мозга), который, по заключению врачей, и послужил причиной смерти и мог быть вызван встряской и падением тела потерпевшей на пол.

В связи с изложенными выше соображениями нельзя установить общих руководящих правил, одинаково применяемых для в с е х случаев судебно-медицинских осмотров и вскрытий; можно лишь сказать, что опыт судебного врача и хотя бы элементарное знакомство следователя с судебной медициной при совместном обсуждении обстоятельств дела, выясненных предварительным следствием, всегда дадут возможность врачу и следователю определить, нужно ли в каждом отдельном случае производить полное вскрытие трупа или же достаточно ограничиться наружным осмотром трупа и вскрытием соответствующей полости.

Судебно-медицинский осмотр, а в случаях крайней необходимости и вскрытие трупа с предварительного разрешения прокурора могут быть произведены и органами дознания, «когда по отдаленности нахождения следователя или за долговременным неприбытием его может последовать разложение трупа, препятствующее определению смерти» (см. новую инструкцию органам милиции о порядке производства дознаний, изд. в 1924 г. отд. книжкой, прил. к приказу нач. ЦАУ НКВД—нач. милиции Республик, № 75—1924 г.).

О с м о т р п р е д м е т о в и д о к у м е н т о в, обнаруженных при осмотрах места преступления и найденных при обысках, не представляет значительных затруднений. Осмотрами их,—в камере ли следователя или в месте их нахождения, при участии ли сведущих людей или без их участия,—следователем должно быть установлено, насколько эти предметы или документы имеют непосредственное отношение к делу и могут иметь значение для дела, и в положительном случае они должны быть признаны вещественными доказательствами и приобщены к делу, о чем должно быть составлено постановление. При этом, производя осмотр, следователь отмечает лишь характерные особенности осматриваемого вещественного доказательства. Если, например, осматривается подложный документ, следователь, описав в общих чертах внешний

вид, форму, цвет и размеры бумаги, на которой написан документ, отмечает, в чем заключается наблюдаемая при осмотре подложность документа: исправление цифр или текста, поправки на подскобленных местах, вытравление слов химическим путем и т. п. Осматривая взломанный запор или замок, следователь отмечает замеченные следы нажимов на запоре или замке или характер поломанных, изогнутых или вывороченных наружу внутренних частей механизма; при осмотре переломленной палки, от удара которой последовала смерть, необходимо определить длину, толщину и вес палки, сухость или гнилостность сердцевины ее и т. д.

Возможность оставления вещественных доказательств на хранении у лиц, от которых они отобраны, или передачи их на хранение в соответствующее учреждение, или, наконец, приобщения их к производству на все время следствия и отсылки вместе с делом при дальнейшем направлении прокурору и в суд разрешается в каждом отдельном случае следователем в зависимости от тех или иных соображений и особенностей каждого дела (67 ст. УПК).

Вещественными же доказательствами отдельные предметы, по их значению для дела, могут быть признаны, если они служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления, или были об'ектами преступных действий обвиняемого, или, наконец, вообще могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных (66 ст. УПК).

Предметы и, в частности, документы, которые не имеют значения вещественных доказательств, но могут быть подсобными средствами для более полного освещения личности обвиняемого, характера его связей, прежней его жизни и работы и т. п., могут быть приобщены к делу в качестве приложений (фотографические карточки, аттестации, удостоверения с мест службы и от учебных заведений, расчетные книжки, образцы работы, научные труды и проч.).

Участие потерпевших и других привлекаемых к осмотрам лиц, а равно и понятых, и значение участия этих лиц в интересах дела при осмотрах уже понятно из того фактического содействия успеху расследования, которое обыкновенно оказывают эти лица при осмотрах и о котором было сказано выше.

Здесь следует лишь отметить, что понятые, по смыслу закона, являются при осмотре как бы свидетелями, удостоверяющими истинность, действительность и правильность тех об'ективных данных, которые устанавливаются при осмотрах; они могут в иных случаях поправить невольную ошибку следователя, не обратившего внимания на какое-либо обстоятельство, раз'яснить значение какого-нибудь понятного для них с бытовой точки зрения факта или обстоятельства, с которым незнаком следователь; вообще каждый из понятых является лишним свидетелем, воспринимающим впечатление от осматриваемых предметов вместе со следователем и подтверждающим соответствие с действительностью этих описываемых в протоколе предметов.

Очень часто следователи берут и ставят понятых в положение безучастных свидетелей осмотра, как бы только для декорации; такое отношение к роли понятых совершенно неправильно. В старину понятые, как и «окольные» люди, являлись активными участниками «повальных» обысков и избирались из пользующихся особым доверием мирского схода стариков. Для присутствования при обысках и осмотрах документов следует приглашать в понятые толковых и хорошо грамотных лиц.

Обязательное участие понятых при осмотрах (194 ст. УПК) не исключает, однако, возможности производства длительных осмотров, производимых

через экспертов, без участия понятых; если сам следователь не присутствует все время, напр., при ознакомлении эксперта-бухгалтера с документами и книгами в учреждениях, то, конечно, нет надобности при этом осмотре в присутствии понятых. В этих случаях достаточно ограничиться приглашением понятых для удостоверения факта, что эксперту были предложены материалы для осмотра и что он в течение известного срока знакомился с материалами в учреждении, и по составлении следователем протокола об окончании экспертом его работы по заданию следователя, понятые подписываются под протоколом, удостоверяя, таким образом, лишь действительность факта—привлечения к работе эксперта и предоставления ему тех или других материалов и документов для осмотра.

Если же следователь оформляет акт экспертизы протоколом допроса эксперта, который дает свое показание или заключение, прилагая к акту допроса результаты своего осмотра и разработки и исследования осмотренных им материалов или документов, то экспертиза может быть проведена вообще без участия понятых.

Уголовно-Процессуальный Кодекс выделяет из общей категории следственных актов, именуемых осмотрами, как обособленный акт, осмотр почтово-телеграфной корреспонденции, для истребования которой от почтово-телеграфных учреждений установлен особый порядок: выемка и осмотр корреспонденции могут быть произведены не иначе, как с предварительного разрешения прокурора (2 ч. 190, 186—188 ст. УПК). Охраняя тайну частной корреспонденции, идущей через государственное учреждение, которому специально доверяется эта тайна и которое отвечает за исправную пересылку этой корреспонденции и за сохранение ее от оглашения, закон имеет в виду предостеречь органы расследования от широкого использования вверяемой специальному госоргану частной тайны, как средства для изобличения виновника преступления, и потому обставил этот акт особыми формальностями и контролем, исключающими неосновательное и часто вредное с точки зрения публичного интереса нарушение неприкосновенности частной переписки.

Определяя общие условия, соблюдение которых требуется при производстве осмотров, Угол.-Проц. Кодекс указывает лишь, что осмотр предметов, найденных при обыске или выемке, может производиться или на месте обыска или в камере следователя (ст. 189); что осмотры, кроме случаев, не терпящих отлагательства, производятся днем (ст. 190); что в протоколе осмотра описывается все в той же последовательности, в какой осматривалось и открывалось (ст. 192); что в случае надобности для участия в осмотрах приглашаются эксперты (ст. 192).

Необходимость соблюдения этих требований ясна сама собою и, как мы видели, обосновывается теми целями, которые преследует акт осмотра: дать ясную и правильную, об'ективную, соответствующую действительности картину всего обнаруженного при осмотре. Естественно, что полное отражение действительности даст протокол осмотра лишь в том случае, если осмотр производился в условиях нетороплившого, внимательного исследования осматриваемых пpедметов со стороны лиц, участвовавших в осмотре; если он производился в известной постепенности и последовательности; если осматриваемый об'ект был ясно и отчетливо наблюдаем при наиболее полном и нормальном дневном освещении и, наконец, если при осмотре в необходимых случаях участвовали сведущие лица, которые своими об'яснениями давали возможность уяснить значение тех или других особенностей, понимание которых требует познаний специалиста.

ГЛАВА VII.

Выемка и обыск.

Конечная цель всякого расследования преступления сводится к тому, чтобы обнаружить виновника совершения преступления и добыть против него основательные, т.-е. веские и неопровержимые улики. Такими уликами в значительном большинстве случаев являются предметы или вещи, которые служили орудиями совершения преступления или сохранили на себе следы преступления, или сами были об'ектом преступных действий обвиняемого, т.-е. предметы, имеющие значение вещественных доказательств (66 ст. УПК). Нахождение этих предметов или выяснение места, где они хранились или были скрыты после совершения преступления, обычно разрешает вопрос о том, кто является виновником данного преступления.

Поэтому, когда в процессе расследования получаются более или менее вероятные указания, что те или другие вещественные доказательства находятся в таком-то месте или у такого-то лица, следователем должны быть предприняты немедленные меры к отысканию этих вещественных доказательств. Такими мерами, такими следственными актами являются выемка и обыск.

Хотя выемка и обыск направлены к одной цели—обнаружению и нахождению нужных для дела вещественных доказательств, однако, по способу выполнения они существенно различаются друг от друга.

При выемке предполагается, что предметы или документы, подлежащие нахождению и отобранию, хранятся в определенном месте у определенного лица, при чем имеется основание думать, что они могут быть этим лицом добровольно выданы, без применения каких-либо принудительных мер. Поэтому акт выемки в его упрощенном виде обычно заключается в том, что следователь, составив постановление о выемке, является в место нахождения отыскиваемого предмета или документа и пред'являет требование о его выдаче, и по получении его составляет об этом акт. В случае же отказа в выдаче этих предметов производится отобрание их принудительным порядком, а если точное место нахождения их неизвестно, то производится обыск (175 ст. УПК).

Обыск, в противоположность выемке, является таким действием, при котором органы дознания или предварительного следствия обследуют помещение, где предполагается нахождение разыскиваемого предмета, ищут его по всем хранилищам и углам этого помещения, применяя при этом исключительные меры, гарантирующие успешность обыска: обыскиваемое помещение может быть оцеплено стражей или особо приглашенными на то лицами; запертые помещения или хранилища могут быть вскрыты или взломаны в случае надобности (179 и 180 ст. УПК).

В отношении предметов, подлежащих из'ятию из правительственных учреждений, чаще имеет применение выемки. Если для приложения к делу в качестве вещественного доказательства нужны какие-либо книги, служащие доказательством преступного факта, или документы, имеющие следы преступных действий или операций (растрата, бесхозяйственное ведение дела, заключение явно убыточных сделок, составление подложных записей и т. п.), следователь наперед знает, какие именно книги, документы или предметы учреждения нужно из'ять, в каком отделе или части этого учреждения они находятся. В этом случае нет надобности итти с обыском в учреждение; здесь нужно произвести выемку.

При этом нужно иметь в виду, что и к выемке из правительственных и общественных учреждений следует прибегать с осторожностью; если следователь не имеет оснований думать, что возглавляющие данное учреждение лица склонны покрыть преступление или заинтересованы скрыть или утаить имеющиеся у них в книгах, делах и документах следы и доказательства преступных действий должностных лиц вверенного им учреждения, то нет надобности изымать путем выемки эти предметы или документы. В подобном случае необходимые для дела в качестве вещественных доказательств документальные данные могут быть затребованы в порядке 176 ст. Угол.-Проц. Кодекса, согласно которой правительственные учреждения, должностные, как и частные лица, а равно и всякого рода организации и об'единения обязаны выдать требуемые документы или их копии и другие предметы для осмотра или приложения к делу.

Особыми гарантиями обставлены выдача и осмотр документов, имеющих характер государственной, дипломатической или военной тайны. Даже в интересах расследования уголовного дела не всегда бывает возможно дать для следствия те или другие, имеющие характер тайны сведения, касающиеся, напр., состояния финансов государства, секретных расходов или отдельных распоряжений органов Государственного Политического Управления, международных договорных отношений, расположения и численности войсковых частей, снаряжения Красной армии и т. п. В таких случаях вопрос о целесообразности приобщения к делу требуемых документов или предела, в которых подобные сведения могут быть даны для следственного дела, подлежат предварительному обсуждению прокурора и разрешаются по соглашению с подлежащими учреждениями (примеч. к 176 ст. УПК). Особый порядок, установленный законом для этих случаев, об'ясняется тем, что данные следствия, хотя и охраняемые от оглашения до суда, а в иных случаях и на суде (19 ст. УПК), в значительной степени обыкновенно становятся известными определенному кругу лиц, в том числе и обвиняемому, и, следовательно, могут быть разглашены во вред государственным интересам.

Точно так же в целях охранения от неосторожного и не требуемого существом дела тайны почтово-телеграфной корреспонденции обставлены особыми гарантиями выемка и осмотр этого рода корреспонденции, о чем уже было сказано в главе о производстве осмотров (186—188 ст. УПК).

Сопоставление 176 и 187 ст. Угол.-Проц. Код. подтверждает нашу мысль, что выемка документа, подлежащего из'ятию из правительственного учреждения, может быть заменена путем письменного требования о высылке этого документа.

Обыск, как мы уже видели, является исключительной мерой, всегда сопряженной с нарушением прав и интересов обыскиваемого, с временным как бы поражением его законных прав на неприкосновенность личности, его частного имущества и жилища. И так как при обысках нередко приходится вносить в частную личную жизнь обыскиваемого лица серьезную тревогу, производить повреждения, изменения и перемещения предметов в его помещении и обстановке, то, естественно, что обыск допускается законом лишь в тех случаях, когда у следователя возникает основательное подозрение, «имеются достаточные основания» полагать, что в данном помещении или у данного лица скрыты предметы, которые могут иметь значение для дела (175 ст. УПК).

Поэтому для обыска, как и для других важнейших следственных действий, закон требует предварительного составления особого мотивированного

постановления. В этом постановлении должно быть отмечено и то значение, которое имеет для дела предмет, подлежащий розысканию, и необходимость нахождения его в интересах расследования; здесь же должны быть указаны те основания,—данные следствия или сведения, — которые заставляют следователя с достаточной вероятностью предполагать, что именно в данном месте и у такого-то именно лица находятся или могут находиться розыскиваемые предметы или вещественные доказательства.

Получены следователем сведения, что лицо, подозреваемое в хищениях или растрате, ведет широкий образ жизни, при чем последнее время почти не живет дома, а имеет пребывание у близкого к нему человека, где проводит время и ночует; или следствием установлено, что подозреваемый в шпионаже посещает квартиру своего знакомого, где имеет свидания с какими-то приезжающими из других мест лицами; или подозревается на основании косвенных улик в убийстве лицо, в помещении которого произошли какие-то изменения, при чем, по данным следствия, у обвиняемого на одежде должны остаться следы крови, на теле какие-либо повреждения, должно сохраниться орудия преступления или может быть обнаружен взятый им на месте преступления предмет; или по делу имеются указания, что у заподозренного в участии в преступной организации или пособничестве этой организации находится переписка, указывающая на связи того лица с организацией, литература, подложные бланки, печати и т. п.,—во всех этих случаях, если источниками указанных сведений являются достоверные свидетельские показания, или агентурные сведения органов дознания, или переписки, найденные у других привлеченных обвиняемых, у следователя имеются вполне достаточные основания, чтобы произвести обыск в тех помещениях, где можно надеяться найти нужные для дела вещественные доказательства.

Как уже можно видеть из этих взятых наудачу для примера простых случаев, отдельные обыски требуют и особенной к ним подготовки, и различного подхода, различных приемов и способов выполнения. В одном случае необходимо предварительно установить время, в которое можно наверняка застать подозреваемого в том или другом помещении, и, может-быть, обыск придется назначить в ночное время; в другом случае полезно получить предварительные сведения о расположении дома и квартиры, где предположен обыск, о составе жильцов и обстановке, в которой живет лицо, у которого должен быть произведен обыск; эти обстоятельства попутно можно выяснить допросом свидетеля, не внушая ему подозрения о цели собирания этих сведений, или поручить негласно выяснить через агентов розыска; наконец, в некоторых случаях, когда у подозреваемого уже были ранее безрезультатные обыски, бывает необходимо выждать время, пока подозреваемый не «оправится» и перестанет ждать возможного у него нового обыска; может-быть необходимо затушевать как-нибудь выявленное против него ранее при дознании и следствии подозрение; такие редкие случаи возможны, например, по делам, по которым другие соучастники преступления привлечены в качестве обвиняемых, и дело в отношении их близится к окончанию, а подозреваемый, находящийся на свободе, допрашивался свидетелем.

В связи со всеми этими особенностями нужно наметить план обыска и предварительно установить, что именно нужно искать в данном случае при обыске, какие предметы, вещи, документы, одежду, орудия или приспособления, которыми пользовался преступник при совершении преступления. Это весьма важно выяснить ранее, чтобы разрешить вопрос и о том, где

именно придется произвести обыск: в комнатах, в кладовой, в чулане, во дворе, на чердаке, на погребе и т. д.

Трудность обыска и состоит в том, что часто почти невозможно вперед определить, где можно и нужно искать у того или другого лица тот предмет, нахождение которого служит целью обыска. Здесь опять-таки, как и при производстве других следственных действий, требуется известный житейский опыт, знание быта и привычек того социального слоя, к которому принадлежит обыскиваемый, знакомство с его психологией, особенностями его интеллектуального, умственного развития, с его привычками и образом жизни. При этом важное значение имеет для следователя быть осведомленным, догадаться или с достаточной степенью вероятности угадать, могло ли данное лицо, у которого предполагается обыск, ожидать, что у него в связи с расследованием по данному делу может быть произведен обыск, и именно в этом месте его пребывания, и вообще мог ли он знать или догадываться, что против него имеется подозрение. Естественно, что если он ждал возможности у него обыска, он принял меры к сокрытию всего того, что может его изобличить в прикосновенности к преступлению. Но и в этом случае способы сокрытия и хранения припрятанных предметов у различных лиц различные. Профессиональные преступники иногда небрежно и легкомысленно относятся к этому, а иногда изощряются в нахождении таких мест для хранения, которые трудно обнаружить самому опытному агенту розыска. Практика отмечала также, что лица известных профессий или занятий особенным образом прячут, например, деньги или мелкие предметы; столяр—в выдолбленные в мебели отверстия или в ящики стола с двойным дном; слесарь запаивает в металлический сосуд; лицо, имеющее библиотеку, прячет их между книгами и т. д. Насколько разнообразны по своему виду и устройству предметы, созданные человеком, или находящиеся в естественном состоянии в природе, настолько различны хранилища, где могут быть скрыты преступником предметы, добытые преступлением или служившие средством совершения преступления. Сундуки, ящики столов, цветочные горшки с землей, проклейка в обоях на стене, карнизы над окнами и дверями, обивка мебели, матрацы, печные отдушины, картины и настенные украшения, одежда, обувь и головные уборы и т. д.,—все это может быть приспособлено для того, чтобы скрыть от человеческих глаз часто незначительные по своему об'ему предметы, имеющие значение вещественных доказательств.

Не только преступники, скрывающие награбленное имущество, но и мирные обыватели, прячущие свое добро от воров, изощряются в изобретении способов хранения своих ценностей. Один сельский поп, скопивший крупную сумму золотом и кредитками, хитро придумал хранить этот капитал в мешочке, засыпав его в сусеке овсом в своем амбаре на краю села, что однако не помешало охотившимся за поповским капиталом крестьянам найти эти деньги, выследив, когда поп, в одолжение прихожанам, ходил, осторожно оглядываясь, в амбар для размена денег им, оставляя приходивших к нему лиц у себя в доме, чтобы они не заметили, где он хранит свои деньги.

Компания воров одной пьяной суеверной деревни, ходившая на кражи с отрезанной от живого человека рукой, и верившая, что этот талисман есть надежное и верное средство не попасться в краже, хранила эту руку «для общего пользования» в соломе под застрехой амбара [1]).

---

[1]) См. заметки Руднева: «Из записок судьи»: Историч. вестник, 1911 года, апрель.

Крестьянские женщины до последнего времени в некоторых местностях хранили накопленные ими деньги, заматывая их в клубки ниток или тряпичных кромок.

Клубок—плевок, да дело в том,—
Полтинник был замотан в нем,

плачет некрасовская баба, у которой из укладки похитили припрятанный ею на черный день полтинник [1]).

Обычными местами хранения похищенного в крестьянском быту до последнего времени служили также: божницы, где денежные знаки вкладывались между доской иконы и стенкой киота; земля или навоз во дворе, под которыми в ямку закапывалось похищенное; одежда, где между наружной тканью и подкладкой зашивались бумажные деньги, или, наконец, пол избы, где ценности укладывались под половицей, которая забивалась потом снова гвоздями.

Во всех таких случаях легко установить место хранения скрытых предметов, если обнаруживается, что за иконой нет пыли и тенет; что земля или навоз, прощупанные острым прутом или политые водой, вбирая ее в себя, указывают на взрыхленность почвы; что на одежде имеются утолщения и свежие швы ниток; что доски половицы зыблются или имеют следы вколачивания гвоздей в новые гнезда.

В городском быту в практике розыска бывали случаи, когда преступники, застигнутые с мелкими «подозрительными» предметами, прятали их в естественных отверстиях своего тела: маленькая записочка комкалась и клалась в рот за щеку или проглатывалась; мелкая вещица вкладывалась с ваткой в ухо и т. п.

Словом, нельзя перечислить и предусмотреть всех возможностей, которые имеются у преступника, чтобы спрятать и скрыть от обыска изобличающие его предметы и документы.

Опытом лиц, занимавшихся специально розыскной деятельностью, выработано, однако, правило, которым рекомендуется руководствоваться при обысках: нужно поставить себя в положение обыскиваемого, учесть его психологию, его профессию, уклад его жизни, характер и привычки, и задать себе вопрос: куда бы догадался или попытался сам следователь спрятать розыскиваемый предмет, если бы сам жил в обстановке и условиях обыскиваемого и обладал бы одинаковой с ним степенью развития, одинаковыми профессиональными навыками и способностями.

Между тем, история уголовных расследований показывает, что даже известные своим опытом и прославленные успешным раскрытием громких уголовных дел сыщики обыкновенно при обысках пользовались шаблонными приемами и искали об'екты преступления в таких местах, где обычно такие предметы прятались раньше преступниками или где бы они сами спрятали, если бы им самим пришлось прятать эти предметы.

Весьма интересно этот вопрос освещается в произведениях художественной литературы, в которых за основу взяты случаи, имевшие место в действительности.

Известный американский писатель Эдгар Поэ, глубокий аналитик и психолог, интересовавшийся расследованиями загадочных дел, бывших

[1]) Из поэмы Некрасова: «Кому на Руси жить хорошо».

в практике сыска и судебного рассмотрения, в рассказе «Украденное письмо» рассказывает такой случай. Министр держал в руках и шантажировал одну высокопоставленную особу, владея ее интимной тайной и имея в своих руках похищенное им в королевских покоях ее письмо. В то время, когда однажды министр надолго выехал из столицы, префект (начальник полиции) по секретному личному поручению высокопоставленной особы произвел в квартире министра обыск, чтобы найти письмо. При помощи специально приглашенных агентов была тщательно осмотрена квартира министра: вскрыты ящики письменного стола, тщательно осмотрена мебель; прощупаны тонкими иглами все подушки мягкой обстановки, агенты осмотрели через лупу каждую скважину и планку мебели, обыскали постели, белье, ковры, шторы, но письма найдено не было. Впоследствии оказалось, что письмо во время обыска находилось в кабинете министра и лежало на видном месте в настенной дрянной плетеной сумочке в оболочке засаленного и скомканного письма.

В рассказе Леблана «Приключения Арсена Люпена» рассказывается, как знаменитый сыщик Ганимер, получив сведения, что содержащемуся в тюрьме не менее знаменитому преступнику и авантюристу его друзьями передана записка с описанием готовящегося плана освобождения его из тюрьмы, явился в камеру этого заключенного, чтобы найти записку. В убогой почти пустой камере тюрьмы было все перерыто: был вспорот тюфяк, на котором спал арестованный, искали в складках одежды, разбивали каблуки и кожу подметок на сапогах, пересмотрели кровать и ящик столика около койки, но записка найдена не была. После учиненного удачного побега из тюрьмы авантюрист смеялся над знаменитым сыщиком и открыл секрет, где находилась записка во время обыска: она перед приходом сыщика была скомкана и брошена на видном месте на столик, в коробку, где лежали корки и об'едки пищи заключенного...

Эти характерные случаи обысков, отражающие действительные приемы розыска, указывают, как часто при обысках обыскивающие стараются проникать в такие места, до которых не мог и додуматься сам обыскиваемый, а, с другой стороны, не обратят внимания на естественное в условиях данной обстановки положение и местонахождение предметов и вещей.

Здесь необходимо еще остановиться на обычном, часто допускаемом при обыск агентами дознания нецелесообразным отборе и из'ятии предметов, найденных при обысках у заподозренных в преступлениях лиц [1]).

В тех случаях, когда целью обыска служит нахождение у подозреваемого, помимо определенных предметов, имеющих непосредственное отношение к делу и являющихся вещественными доказательствами, также отобрание переписки и документов, которые могут дать косвенные указания на связи обвиняемого, на возможных соучастников преступления или на его образ жизни перед совершением преступления и после него, органы дознания, действующие по общему ордеру и часто без точных предписаний и указаний

---

[1]) Детально порядок отобрания, осмотра и приобщения к делу вещественных доказательств при расследованиях определяется особыми инструкциями, преподанными органам дознания и предварительного следствия (ср. новую Инструкцию органам милиции о порядке производства дознаний, изд. НКВД в 1924 г., и Инструкцию о приеме, хранении и сдаче вещ. док., вещей, добытых преступлением и вещей, подлежащих конфискации, изд. НКЮ в 1922 г., цирк. № 98 от 8 октября 1922 г., прил. к «Ежен. Сов. Юст». № 37—38).

относительно существа дела и предмета обвинения, при обыске забирают чохом все, имеющее характер рукописей, без всякого предварительного даже беглого просмотра их и отбора. Особенно, если эта литература и переписка у обыскиваемого невелика, то берется без разбора все: были случаи, что следователю вместе с актами дознания пересылались вороха бумаг, отобранных у нескольких обвиняемых по делу о хищениях или бесхозяйственном ведении дела, при чем среди этих переписок оказывалось: все без из'ятия найденные личные документы, удостоверения с мест службы, личные карточки об учете военнообязанных и даже в нескольких экземплярах визитные старые карточки самого обвиняемого; все записные книжки, даже относящиеся к старым годам, хотя бы по беглым записям их было видно, что они имеют десятилетнюю давность, а равно и пустые, лишенные всяких записей книжки; документы о крепостных актах, совершенных в дореволюционное время; письма с почтовыми штемпелями, также имеющие 5-ти или 10-летнюю давность, и груды поздравительных открыток такой же давности; старые расчетные книжки или лавочные заборные книжки старых времен; какие-нибудь брошюрки только потому, что они имеют заглавие: «Учредительное собрание», изд. 1917 г., и даже какой-нибуд учебник английского языка и т. п.

Ясно само собою, какой огромной затраты времени потребует от следователя разборка этого нелепого хлама, который присылается вместе с актами дознания, хотя при обыске самым поверхностным образом документов всегда можно отделить то, что может иметь хотя отдаленное значение для дела от ненужных и не имеющих положительно никакого значения для дела переписок.

Не говоря уже о том, что подобное отобрание вносит в дело сумбур и требует от следователя составления постановления о непризнании этих предметов вещественными доказательствами и распоряжения о возвращении их по принадлежности, такие действия подрывают авторитет самих представителей власти в глазах обыскиваемых, которые недоумевают, зачем их лишили необходимого в их обиходе предмета, документа, расчетной книжки или учебника.

В отношении личного обыска у обыскиваемого следует также иметь в виду, что отобрание всего находящегося в карманах и бумажнике, не исключая и самих бумажников, кошельков, карманных календарей, членских билетов профсоюзов и легальных организаций, представляется недопустимым нарушением, граничащим с отобранием у обыскиваемого его расходных мелких денег или продуктов питания.

Ограничиваясь этими необходимыми указаниями, которые следует принять к руководству при производстве обысков, следует отметить, что все эти указания вытекают логически и из тех прямых требований, которые указаны в Угол.-Проц. Кодексе и соблюдение которых требуется при выемках и обысках.

Требование, чтобы выемки и обыски, кроме случаев, не терпящих отлагательства, производились днем, об'ясняется теми же соображениями, которые изложены в главе о производстве осмотров.

При вскрытии запертых хранилищ рекомендуется избегать излишнего повреждения запоров, дверей и других предметов (180 ст. УПК). Этим закон оберегает также личные интересы обыскиваемых и охраняет социально-хозяйственную ценность предметов житейского обихода от ненужной порчи

и истребления. Обыскиваемый, заподозренный, как и обвиняемый, еще не осужденный приговором, не может трактоваться как бесправный или ограниченный в правах гражданин. Поэтому он имеет право в период дознания и предварительного расследования на охрану своей интимной, т.-е. личной частной тайны от оглашения ее, хотя бы среди немногих лиц, которые могут быть невольными свидетелями всего происходившего при обыске. Поэтому закон требует, чтобы не были оглашаемы обнаруженные при обыске обстоятельства частной жизни обыскиваемого, не имеющие отношения к делу (181 ст. УПК).

Требование Кодекса о составлении особой описи с перечислением отбираемых при обыске предметов (183 ст. УПК) только подтверждает мысль, которая неоднократно повторяется в процессуальном законе, о том, чтобы к делу приобщались предметы исключительно «имеющие непосредственное отношение к делу»: перечисляя в описи отбираемые предметы, следователю или агенту розыска необходимо проконтролировать сделанный им при обыске отбор предметов с точки зрения целесообразности из'ятия того или другого предмета или документа из обладания обыскиваемого.

При производстве обысков и выемок, как и при осмотрах, следует привлекать к активному участию в этих актах понятых, пред'являя им отбираемые предметы (183 ст. УПК) и раз'ясняя в отдельных случаях значение того или другого вещественного доказательства, принимая при этом в соображение и замечания обыскиваемых, которым предоставляется право по окончании обыска сделать заявления и заявить претензии по поводу допущенных при обыске неправильностей или незаконного нарушения их прав, о чем обыскиваемым должно быть об'явлено (185 ст. УПК).

Обыск или выемка оформляются составлением протокола, который скрепляется всеми присутствовавшими при обыске и понятыми; копия протокола обыска или выемки, как и описи отбираемых предметов, выдаются обыскиваемому лицу или его домашним (185 ст. УПК), а отобранные вещи или документы в опечатанном виде берутся для приобщения к делу.

Иногда при обысках возникает вопрос, как поступить, если по прибытии на место для обыска следователь не застает дома хозяина помещения, и самое помещение, которое должно быть обыскано, оказывается запертым. В таких случаях, если по обстоятельствам дела возможно отложить обыск до возвращения отсутствующего, необходимо опечатать помещение и принять меры к охране его. В случае же невозможности отложить обыск или если ожидание возвращения лица, у которого должен быть произведен обыск, может отдалить обыск на неопределенно-долгое время, возможно произвести обыск в отсутствие этого лица, пригласив для присутствования при обыске близких к нему лиц, его домашних, а в случае отсутствия их, ограничившись присутствием представителей домоуправления, фабкома, коменданта дома, владельца помещения, арендатора и т. п.

Предметы, отобранные при обыске или выемке, в случае их громоздкости и затруднительности их перемещения могут быть оставлены на месте и поручены, по осмотре их, охране милиции или сданы на хранение учреждению, должностному лицу или органам домоуправления. Все эти вопросы разрешаются следователем в зависимости от особенностей каждого отдельного случая с принятием необходимых мер сохранения отобранных вещественных доказательств от возможной порчи их, изменения или похищения.

ГЛАВА VIII.

Освидетельствование потерпевших и обвиняемых.

В процессе расследования преступлений под освидетельствованием разумеется такой акт исследования живого человека или наблюдения над ним, при помощи которого определяется как общее состояние здоровья свидетельствуемого, так и наличность у него тех или других физических или душевных состояний, при чем это исследование имеет целью разрешение каких-либо вопросов, связанных с расследованием данного преступления и имеющих значение для выяснения истины в уголовном деле.

Из этого определения видно, какие основные признаки входят в понятие «освидетельствование» и в чем заключается специфическое отличие акта освидетельствования от других актов расследования.

Акт освидетельствования имеет своим об'ектом живое лицо, и этим он отличается от акта осмотра, об'ектом которого является неодушевленный предмет, а не живой человек.

Акт освидетельствования есть всегда акт медицинский, но он отличается и от акта судебно-медицинского осмотра тем, что освидетельствованием устанавливается наличность физических или душевных состояний, которые возможны только в живом организме; между тем, судебно-медицинским осмотром устанавливается наличность тех или других признаков предмета или состояния трупа человека, в котором прекратилась жизнь и который перестал быть человеком, превратившись в предмет неодушевленный.

Акт освидетельствования является следственным актом постольку, поскольку освидетельствованием свидетельствуются или выясняются обстоятельства, имеющие отношение к данному уголовному расследованию преступления.

Отличие судебно-медицинского освидетельствования от судебно-медицинского осмотра отмечено и в постановлении Наркомздрава и Наркомюста о судебно-медицинских экспертах от 24 октября 1921 года, в статье 21 которого сказано, что судебно-медицинские эксперты обязаны давать заключения по делам, относящимся «как к освидетельствованию живых лиц, так и исследованию трупов и вещественных доказательств» (Собр. Узак. № 75—1921 г., ст. 616).

При расследовании преступлений обычно об'ектами освидетельствования являются или потерпевшие или обвиняемые и очень редко свидетели.

По делам о преступлениях в области половых отношений (166—171 ст. Угол. Код.) производится, напр., освидетельствование потерпевшей от изнасилования и устанавливается, действительно ли в данном случае имело место половое сношение с насилием, какие следы этого насилия имеются на теле потерпевшей, какое влияние мог оказать акт насилия на физическое или психическое состояние потерпевшей. В то же время по таким делам может быть подвергнут освидетельствованию и обвиняемый, в случае, например, если потерпевшая удостоверила, что во время борьбы с насильником она причинила ему какое-либо повреждение и оставила след на его лице, руке или другом органе; проверка такого заявления может дать улику против обвиняемого. Или, например, обвиняемый заявляет, что его напрасно обвиняют в изнасиловании, что он не мог совершить такого преступления, потому что он импотент, т.-е. страдающий половым бессилием; в данном случае освидетельство-

ванием может быть проверено заявление обвиняемого, исследованием его физического состояния и половой сферы.

По делам о покушении на убийство, о причинении телесных повреждений и насилиях над личностью (гл. V Уг. Код., разд. 1 и 2) освидетельствованием потерпевших устанавливается характер причиненных им повреждений, степень их тяжести, свойство и вид ранений и последствия их для здоровья потерпевшего, влияние их на психическую сферу его и т. д. [1]).

В случае имеющихся в деле указаний на невменяемое состояние обвиняемого во время совершения преступления или на болезненное расстройство душевной деятельности, возникшее после совершения преступления, производится также судебно-медицинское освидетельствование для проверки указанных выше обстоятельств о ненормальном состоянии умственной и душевной деятельности обвиняемого (198 ст. УПК).

Возникает в деле, в виду отсутствия метрики о рождении, вопрос о возрасте обвиняемого, несовершеннолетие которого имеет значение и для определения подсудности, и для назначения меры наказания (18, 18а, 18б, прим. 1 к 33 ст. Угол. Код.), или о состоянии здоровья обвиняемого, который без риска жизнью не может переносить режима места заключения и просит об освобождении его из-под стражи,—во всех этих случаях необходимо произвести судебно-медицинское освидетельствование обвиняемых.

Словом, в практике расследований может быть целый ряд случаев, когда в интересах выяснения истины и установления основных моментов дела—требуется производство освидетельствования, и для этого освидетельствования должен быть приглашен врач-эксперт.

При производстве освидетельствования, так же, как и при производстве судебно-медицинского осмотра, следователь сообщает врачу необходимые сведения по делу и намечает вопросы, которые на основании освидетельствования должен разрешить медицинский эксперт (2 ч. 192 и 2 ч. 171 ст. УПК).

При этом следует иметь в виду, что перед назначением освидетельствования следователь должен иногда предварительно собрать необходимый материал для освещения тех или других вопросов, которые обязательно должны возникнуть у врача при освидетельствовании. Перед освидетельствованием потерпевшего, лечившегося от причиненных ему телесных повреждений в больнице, должны быть затребованы больничные (скорбные) листы с историей болезни. Перед назначением освидетельствования для определения степени расстройства душевной деятельности обвиняемого предварительно должны быть собраны сведения путем допроса близких к нему лиц и истребования документальных данных о прежней жизни обвиняемого, чтобы выяснить возможность влияния на его душевную жизнь наследственности, перенесенных им болезней, а также душевных потрясений в связи с личными, семейными, хозяйственными и др. условиями его жизни и обстановки [2]).

В недавней практике одного из следователей был характерный случай

---

[1]) См. «Правила для составления заключений о тяжести повреждений, утв. Наркомздравом и Наркомюстом; цирк. НКЮ от 16 ноября 1922 г., «Ежен. Сов. Юст». № 46—47.

[2]) В отношении акта освидетельствования в порядке 196 ст. УПК для выяснения вопроса о психическом состоянии обвиняемого Наркомюстом издан циркуляр от 21 мая 1924 г. с указанием подробного **перечня вопросов**, разъяснение которых требуется при наличии в деле данных, указывающих на душевное расстройство обвиняемого (см. Еженед. Сов. Юст. № 23—24, цирк. № 76).

недопустимого упущения в этом отношении: по делу о незаконном производстве искусственного перерыва беременности (146 ст. Уг. Код.): не только не было произведено освидетельствования потерпевшей, которая пролежала около года после произведенного у ней аборта в трех больницах, но даже дело было направлено в суд без истребования истории болезни из больниц и без допроса больничных врачей, с одними больничными справками о времени нахождения потерпевшей в больницах.

Освидетельствование потерпевших, которые находятся в больницах и недостаточно оправились от причиненных им телесных повреждений, следует производить с осторожностью, чтобы не повлиять на ухудшение болезненного состояния потерпевшего. Если иногда необходимо поспешить с допросом даже тяжко больного потерпевшего, находящегося в больнице, то освидетельствование таких больных лучше всего отложить на несколько дней, чтобы не причинять им лишних физических страданий. В день наложения швов на ранения потерпевшего производить освидетельствования не следует, чтобы не обнажать лишний раз в один и тот же день раненую часть тела и не тревожить перевязки: в этих случаях следует освидетельствование приурочивать к следующему очередному дню, назначенному врачом для смены перевязки. Крестьяне, пользующиеся амбулаторным лечением, не всегда понимают опасности такого частого разбинтовывания раны и не заявляют о времени последней перевязки, а врач, приглашенный на освидетельствование, иногда легко относится к такому привычному акту и не настаивает на отложении освидетельствования, чтобы не терять времени и вторично не являться для освидетельствования по тому же делу.

При освидетельствовании лиц другого пола, если это освидетельствование сопровождается обнажением свительствуемого лица, следователь не присутствует, кроме тех случаев, когда свидетельствуемое лицо не возражает против такого присутствия (191 ст. УПК). Выставляя это требование, закон имеет в виду, главным образом, оградить стыдливость девушек и женщин, для которых освидетельствование, напр., по делам об изнасиловании, об изгнании плода и т. п., в присутствии следователя-мужчины и даже врача-мужчины усугубляет в них неприятное чувство, которое должна испытывать вообще женщина, подвергнувшаяся исследованию скрытых частей тела. При освидетельствованиях в этих случаях, не дожидаясь «возражений» самих свидетельствуемых, лучше, если следователь предупредит их о праве быть осмотренными в отсутствии следователя. Понятно, что понятыми в таких случаях должны быть лица одного пола со свидетельствуемым лицом. Обнажение верхней части груди или спины, рук до самого предплечья и ног до колен не должны приравниваться к обнажению скрытых частей тела, и потому присутствие следователя при таком освидетельствовании следует признать обязательным: нужно все-таки помнить, что освидетельствование производит следователь, хотя и через врача, и потому непосредственное наблюдение со стороны следователя при установлении каждого фактического по делу обстоятельства в интересах дела, является необходимым.

Освидетельствование д л я у с т а н о в л е н и я с т е п е н и р а с с т р о й с т в а д у ш е в н о й д е я т е л ь н о с т и и вменяемости обвиняемого должно быть, как уже сказано выше, произведено после предварительного сбора сведений о прошлой жизни обвиняемого и его предрасположении к душевному заболеванию. В качестве медицинского эксперта в таких случаях следует приглашать специалиста-психиатра, так как область

душевной деятельности настолько сложна, что общий судебно-медицинский эксперт может допустить невольную ошибку, не проверить надлежащим образом симулятивного (притворного) помешательства обвиняемого или одну форму психической аномалии принять за другую. А при исследовании слабоумных, в целях точного определения степени невменяемости, современные врачи-психиатры употребляют иногда способ испытания путем пред'явления свидетельствуемым наглядных таблиц, складных рисунков и употребления др. более тонких приемов, которыми не располагают наши медицинские эксперты отделов здравоохранения. Приглашение сразу врача-психиатра по таким делам избавит следователя от повторной экспертизы на основании 198 ст. Угол. Проц. Код.

При освидетельствовании для определения сомнительного возраста обвиняемого не следует полагаться исключительно на об'ективное исследование на основании установления внешних данных: роста, измерения груди, развития половых органов и т. п., а следует принимать в соображение степень развития свидетельствуемого, его кругозора, способности к восприятию внешних впечатлений и уменью владеть речью: возраст в вопросе о вменяемости—формальная грань, за которую переход в сомнительных случаях возможен в сторону признания вменяемости даже при наличности внешних данных, указывающих на физическую недоразвитость и несовершеннолетие свидетельствуемого. В исключительных случаях на предварительном следствии может встретиться надобность и в освидетельствовании свидетеля.

В больших и сложных делах, когда исследуемое преступление выделяется из ряда обычных дел и когда по делу этому, идущему на косвенных уликах, выступают свидетели, дающие на первый взгляд как-будто правдивые и добросовестные показания, которые, однако, при сопоставлении с другими данными дела вызывают сомнение в их достоверности, необходимо бывает проверить путем психиатрической экспертизы показания таких сомнительных свидетелей. Бывают свидетели, хотя и производящие впечатление вполне зрелых, умственно здоровых и нормальных людей, но при внимательном наблюдении которых через врача устанавливаются в их психологии явные дефекты ума и памяти: недостаточная способность серьезно ориентироваться на одном главном предмете, а останавливаться на мелочах, уклонение от нормальной способности воспринимать, сохранять в памяти и правдиво передавать внешние впечатления или даже наклонность бессознательно, но уверенно извращать факты. Показания таких лиц ярки, подробны, уверенны и кажутся поэтому достоверными и имеющими ценное значение для дела. А между тем, при передопросе таких свидетелей в присутствии врача после предварительного легкого освидетельствования их оказывается, что эти свидетели являют признаки истерии, меланхолии или слабо выявленных форм сумашествия: бреда преследования, сутяжного бреда, или, наконец, страдают морфинизмом.

В таких случаях освидетельствование свидетеля может дать врачу материал точно установить, что данный свидетель страдает тем или другим дефектом душевной деятельности, который и является причиной возникающих у него ложных идей, и что кажущееся достоверным его показание есть искусное сплетение вымысла с действительностью.

На предварительном следствии иногда возбуждается вопрос, возможно ли производить судебно-медицинское освидетельствование потерпевших и обвиняемых в случае отказа их подвергнуться освидетельствованию. Этот вопрос должен разрешаться различно, в зависимости

от отдельных случаев, рода дел и личности подлежащего освидетельствованию.

Если, например, отказывается от освидетельствования потерпевшая от изнасилования или ее законные представители, которые были вправе не возбуждать начатого ими дела (11 ст. УПК), принуждение к акту, сопровождающемуся обнажением скрытых частей тела, могло бы послужить во вред делу и поставить потерпевших в положение лиц, для которых расследование производится не в целях защиты их интересов, а во вред им и создает для них неприятные и тяжелые последствия. Наконец, в подобных случаях потерпевшая может отказаться от своего заявления и в дальнейшем отрицательно относиться к расследованию и так или иначе даже препятствовать своими показаниями выяснению истинного положения дела. Поэтому в таких случаях следователь должен осторожно подойти к делу, раз'яснить потерпевшей или ее законным представителям значение для дела акта освидетельствования, как судебного доказательства, указать на порядок рассмотрения таких дел в суде при закрытых дверях, о соблюдении полной тайны расследования и об'яснить, что освидетельствование может быть произведено, считаясь с чувством стыдливости потерпевшей, т.-е. через женщину-врача, в отсутствии самого следователя, в обстановке, лишенной характера официальности. Во всяком случае здесь от такта следователя зависит повлиять на потерпевшую и доказать, что в ее интересах не отказываться от акта освидетельствования.

В других делах о преступлениях, возбуждаемых в общем порядке, отказ потерпевшего от освидетельствования не может быть принимаем во внимание, иначе это было бы нарушением публичного интереса, и такой отказ может трактоваться, как незаконное уклонение потерпевшего-свидетеля от содействия следственному органу в деле расследования (104-б ст. Угол. Код.). Впрочем, подобные отказы в практике уголовных расследований со стороны потерпевших, кажется, и не бывали, а если и бывали, то чрезвычайно редко и разрешались в благоприятном для следствия смысле.

Иначе обстоит дело с возможными в подобных случаях отказами обвиняемых от освидетельствования. Так как по общему смыслу уголовного законодательства расследование направлено к изобличению заподозренного или обвиняемого, при чем закон разрешает принятие в отношении таких лиц принудительных мер, не считаясь с их согласием и с их удобствами (обыск, арест, повреждение, уничтожение или отобрание их имущества), то заявление об отказе со стороны обвиняемого должно быть игнорировано следователем, оставляемо без внимания. В этих случаях, конечно, если обвиняемый сделает попытку оказать упорное противодействие или сопротивление производству акта освидетельствования, должны быть приняты меры принуждения при участии понятых и милиции, однако, без причинения свидетельствуемому каких-либо страданий и без оскорбительного отношения к нему.

В следственной практике был однажды случай, когда задержанный за кражу, приехавший издалека, свихнувшийся с трудового пути, инженер отказывался открыть свое настоящее звание, происхождение и местожительство, при чем не давал снять с себя фотографической карточки, закрывая свое лицо, искажая черты лица, отказываясь спокойно сидеть и вообще производя при попытке его сфотографировать буйство и настоящий скандал. Пришлось отказаться от попытки снять с него фотографию в условиях обычной официальной обстановки и сфотографировать его неожиданно для него, при выходе его из двери одного помещения в другое.

В случае необходимости производства судебно-медицинского освидетель-

ствования свидетеля в целях проверки сомнительного его показания или по каким-либо другим исключительным поводам надлежит принять возможные меры, по соглашению с врачом-экспертом, чтобы освидетельствование было произведено с наименьшими обидными для свидетеля действиями по исследованию, ограничившись в известных случаях только, например, наружным наблюдением свидетеля, беседой с ним и т. п.

Определяя роль врача-эксперта при освидетельствованиях, как и при осмотрах, процессуальный закон ставит его, как уже указано выше, в положение ближайшего активного помощника следователю, содействующего успешному выяснению уголовной неправды. Поэтому никакие препирательства с врачом-экспертом, никакие личные трения, никакая словесная игра в тайну расследования, охраняемую-де даже от эксперта в отношении некоторых данных следственного материала, не должны иметь места при производстве судебно-медицинских действий. «Судебно-медицинский эксперт,—говорится в положении 24 октября 1921 г., — в области своей научно-практической деятельности является самостоятельным работником, заключения которого при соблюдении предписанных законом условий получают обязательную силу и значение для частных лиц и учреждений различных ведомств» (ст. 5 пол. о судебно-медицинских экспертах — Собр. Узак. № 75—1921 г.).

«Для получения возможной точности и полноты экспертизы,—говорится далее в том же положении (ст. 8),—эксперт имеет право истребовать перед заключением предварительного следствия весь следственный материал в целях: а) необходимого пополнения или изменения ранее данной экспертизы в связи с открывшимися при дальнейшем производстве следствия новыми обстоятельствами дела и б) необходимого с судебно-медицинской точки зрения доследования».

Самый акт судебно-медицинского освидетельствования, фиксируемый в протоколе, содержащем результаты исследования, должен начинаться в существенной своей части с описания наружности и общих свойств организма свидетельствуемого: свидетельствуемый имеет на вид столько-то лет, кажется моложе (или старше) показанных им лет, роста среднего (высокого, низкого), телосложения крепкого (слабого), питания умеренного (или значительно упитанный, или питания плохого); видимые слизистые оболочки окрашены бледно (резко или нормально) и т. д. Здесь уже пределы и детали внешнего общего описания определяются врачом; он же исследует внутренние органы, выстукивает и выслушивает свидетельствуемого, определяет пульс и температуру тела; если нужно, исследует наружные покровы кожи, выясняет степень чувствительности и т. п., в зависимости от степени необходимости установления тех или других моментов, связанных с повреждениями, причиненными свидетельствуемому при совершении преступления. После описания общих свойств и внешних особенностей организма свидетельствуемого делается описание повреждения на теле, причиненного при совершении преступления: описываются вид, размеры и края ранения, степень его грануляции [1]), наложенные швы, форма и размеры следов ушибов на коже, кровоподтеки и цвет их, состояние окружающих участков кожи и тканей и т. п.

Указанное выше положение о судебно-медицинских экспертах рекомендует составлять протокол освидетельствования живых лиц, как и исследования мертвого тела, в форме акта, состоящего из трех частей: **введения**, **описательной части** и **заключения эксперта**.

---

[1]) Зернистые отложения молодой ткани на поверхности ранений.

Введение должно содержать основание, по которому производятся освидетельствования или исследования (по предложению начальника милиции, народного следователя такого-то суда, участка, уезда), время и место его производства, фамилия и должность эксперта, перечисление присутствующих лиц, имя, отчество и фамилия, звание и лета свидетельствуемых или исследуемых и краткие сведения, добытые расследованием и имеющие значение для производства экспертизы. Описательная часть должна представлять подробное, по пунктам, описание хода освидетельствования или исследования всех найденных при этом фактических данных. Заключение должно содержать в себе обстоятельное об'яснение свойства повреждения или состояние здоровья освидетельствованного, или об'яснение причины смерти исследуемого. Введение и описательная часть составляют протокол освидетельствования или исследования, под которым подписываются все присутствующие; заключение же, как содержащее суб'ективный вывод и мнение эксперта на основании об'ективных данных освидетельствования, подписывается только экспертом (19—22 ст. положения о суд.-мед. экспертах).

Здесь мы видим значительное отступление от прежнего дореволюционного порядка составления протоколов судебно-медицинского освидетельствования: хотя такие протоколы в каждом отдельном случае являются прежде всего, следственными актами, имеющими целью установление доказательств при расследовании преступления, однако, протоколы составляются от имени врача, а не следователя. Это лишний раз подчеркивает самостоятельную и инициативную роль судебно-медицинского эксперта в деле расследования преступлений [1]).

Протокол освидетельствования составляется немедленно по окончании освидетельствования и приобщается к делу; заключение же врача-эксперта может быть им составлено и на дому, но должно быть представлено следователю в трехдневный срок после окончания судебно-медицинского освидетельствования (см. 23 ст. пол. о суд.-мед. экспертах).

Таковы условия и порядок производства судебно-медицинского освидетельствования на дознании и предварительном следствии. Изложенным исчерпываются и все указания на технику выполнения этого акта в соответствии с немногими требованиями, которые ставит закон для акта освидетельствования и которые являются общими для всех следственных актов об'ективного исследования, как-то: необходимость производства освидетельствования в дневное время, известная постепенность и последовательность исследования, приглашение для участия в освидетельствовании экспертов и предоставление права понятым и всем участвующим при освидетельствовании заявлять свои мнения или делать замечания по поводу тех или иных обстоятельств, на которые они обратят внимание в процессе исследования (190—195 ст. УПК).

ГЛАВА IX.

Акт пред'явления личности при дознании и на предварительном следствии.

Определяя общие условия производства дознания и предварительного следствия и нормируя отдельные акты расследования, Уголовно-Проц. Кодекс предусматривает, однако, далеко не все виды процессуальных действий, которые приходится производить органам дознания и народным следователям в процессе расследования преступлений.

[1]) См. статью д-ра Я. Лейбовича. Судебно-медицинская экспертиза при НЭП'е («Еженед. Сов. Юстиции», № 2—1923 г).

Закон, правда, не ограничивает следователя в принятии тех или других мер, которые необходимо принять в целях успешности расследования, и дает руководящие правила только для совершения тех действий, при производстве которых затрогиваются или могут быть нарушены права и интересы участвующих в деле лиц.

Между тем, принятие некоторых мер и оформление их в процессе расследования вызывают на практике значительные затруднения и именно потому, что для них закон не дает никаких руководящих указаний.

Одним из таких важнейших мер или следственных действий, которые необходимо бывает произвести в целях раскрытия преступления и обнаружения преступника, является акт пред'явления личности заподозренного в преступлении лица потерпевшим или свидетелям на предмет опознания в нем действительного виновника преступления.

Среди бесконечно разнообразных случаев преступных событий в практике следователей нередко проходят весьма загадочные и сложные по своей обстановке преступления, при чем в совершении их подозреваются лица, против которых единственной уликой, имеющей существенное значение, может служить опознание их потерпевшими или очевидцами преступления за тех самых лиц, которые совершили преступление. В этих случаях требуется пред'явление подозреваемого тем лицам, которые видели действительного виновника преступления в момент совершения преступления. Совершается, например, нападение на помещение, занимаемое целой семьей, налет бандитов, сопровождающийся убийствами и причинением тяжких ранений потерпевшим, из которых некоторые потом выздоравливают и поправляются от причиненных им повреждений. В то же время по каким-либо косвенным и шатким уликам задерживаются подозреваемые в этом преступлении лица; в подобном случае представляется необходимым пред'явить их потерпевшим на предмет их «опознания». Другой пример. На проезжей дороге или на улице совершается нападение грабителей, которые потом скрываются и бесследно исчезают, и только спустя некоторое время случайно задерживаются милицией какие-нибудь лица по сомнению в принадлежности им найденных у них каких-либо вещей из числа похищенных при ограблении у потерпевшего. Вероятность получения этими лицами обнаруженных у них вещей от других лиц путем покупки не исключается по данным расследования, однако, и здесь для раз'яснения сомнений требуется иногда пред'явить задержанных потерпевшему.

При совершении массовых преступлений,—погромов, контр-революционных выступлений и т. п.,—выступают в деле свидетели-очевидцы преступного события, которые описывают при дознании наружность незнакомых им ранее участников или главарей массового выступления, которых они видели на месте преступления. С течением времени, во время производства следствия разыскиваются и задерживаются те или другие лица, похожие по приметам на описанных очевидцами участников преступления: в этом случае также при отсутствии других доказательств участия задержанных лиц в этом преступлении необходимо установить прикосновенность задержанных лиц к совершенному преступлению путем пред'явления этих лиц свидетелям-очевидцам на предмет опознания ими виновников преступления.

Не подлежит сомнению, что пред'явление личности заподозренных по таким делам потерпевшим или свидетелям является существеннейшим моментом расследования, и притом таким моментом, который может иметь

решающее значение для дела и предопределить дальнейшую судьбу, может быть, ошибочно задержанного и неповинного в этом преступлении человека, который, однако, за давностью времени не может доказать своего alibi, не может доказать, что он не находился в момент совершения преступления в близости к этому месту, а был где-то в другом месте и не мог поэтому быть участником преступления.

В подобных случаях следователи обычно, допрашивая потерпевших или свидетелей, при наличности заподозренных в преступлении лиц, записывают показания этих потерпевших или свидетелей о том, что они признают или не признают виновников преступления в тех лицах, которых они видели задержанными в милиции, или которых видят приведенными в камеру следователя, или фотографические карточки которых им показываются.

Между тем, такой способ установления личности действительного виновника преступления, такой упрощенный процесс закрепления улики против подозреваемого является, как показала практика, крайне несовершенным и рискованным. Прежде всего, как уже указано ранее, свидетельское показание в смысле установления точных внешних признаков предметов, которые наблюдал или видел свидетель, никогда не дает об'ективной, соответствующей действительности истины. Не только время изглаживает или искажает впечатление, полученное свидетелем от виденного им когда-то лица, но и последующие наслоения в памяти свидетеля, при помощи которой он воспринял уже после этого те или другие новые события обыденной жизни, изменяют первоначальные впечатления, полученные им от того или другого предмета, лица или события.

Поэтому естественно, что акт пред'явления личности заподозренного должен быть обставлен всеми возможными гарантиями получения достоверного «опознавания» и должен быть проведен путем применения особых технических приемов, исключающих возможность роковых ошибок опознания, благодаря которым может пострадать непричастное к преступлению лицо, ошибочно признанное за действительного виновника преступления.

Пробельность нашего уголовно-процессуального закона в смысле отсутствия руководящих норм для акта пред'явления заставляет остановиться на этом акте несколько подробнее. Законодательства буржуазных стран также не дают для этого акта расследования достаточно прочных технических указаний. Только новый итальянский устав уголовного судопроизводства 1913 года узаконил в следственной практике новые способы исследования преступлений. Между прочим, итальянский процессуальный закон указывает на допустимость при расследовании преступлений производства с у д е б н о г о о п ы т а, когда следователь может воспроизвести тот или другой факт, подобный исследуемому, чтобы проверить истинность и действительную возможность совершения этого факта в тех или других условиях. Возможно, например, произвести выстрел в квартире, чтобы проверить показание сомнительного свидетеля и выяснить, мог ли быть слышен выстрел из такого же оружия во время совершения преступления в другой отдаленной квартире, где находился свидетель. Судебный опыт можно произвести и в случаях пред'явления личности, о чем указано будет ниже.

В отношении же способа или приема «о п о з н а в а н и я» при пред'явлении личности заподозренного итальянский устав уг. судопр. дает точные руководящие указания производящему расследование.

«Опознающий предварительно должен дать подробное описание того, кто подлежит опознанию; затем он вводится в комнату, где вместе с опознаваемым должны находиться несколько человек, имеющих хоть некоторое с ним сходство. Если опознающих несколько, то каждый допрашивается порознь» [1]).

Мы не можем рекомендовать нашим следователям подобного способа опознавания преступника путем пред'явления опознающему вместе с опознаваемым «нескольких других человек, имеющих хоть некоторое сходство с ним», но считаем, что постановка итальянским законом процесса опознавания при следствии, как особого проверочного следственного действия, заслуживает внимания.

Чтобы наметить руководящие правила, которые следует соблюдать при производстве акта пред'явления личности, необходимо исходить из тех ошибок и той недостаточной четкости и полноты исследования, которые допускаются на практике нашими следователями и которые неизбежно влекут за собой непоправимые последствия в ущерб истине и достоверности доказательств расследования.

Прежде всего, следует признать необходимым, вопреки наблюдаемым в практике случаям, чтобы при первых допросах потерпевших или очевидцев преступления, как при дознании, так и на следствии, в случаях отсутствия наличности подозреваемых в момент допроса и вообще в случаях необнаружения виновников преступления допросами тщательно и точно выяснялись и описывались со слов допрашиваемых наружность виновников преступления, которых потерпевшие или очевидцы видели и запечатлели в своей памяти в момент совершения преступления. Показаниями этих лиц должны быть установлены и подлинными их словами описаны как общее впечатление, которое получилось от личностей совершителей преступления, так и отдельные особенности и приметы их; чтобы точно установить, насколько потерпевший или свидетель сохранил в своей памяти образ преступника, подробно должны быть описаны: рост, фигура, покрой одежды, цвет костюмов, обувь, головные уборы, черты лица, усов, бороды, звук голоса, особенности речи (картавость, гнусавость, певучесть, заикание); вместе с тем должно быть выяснено и отмечено, на каком расстоянии от себя видел допрашиваемый преступника, с какой стороны, при каком освещении и т. п.

Только при таких условиях впоследствии, если перед следователем предстанет предполагаемый виновник преступления или изобличаемый косвенными уликами задержанный подозреваемый, возможно будет сличить по этому описанию личность действительного преступника, которая изображена в словесном портрете показания свидетеля с личностью обнаруженного заподозренного лица и сказать, действительно ли стоящий перед следователем человек — настоящий виновник преступления, или только похожий на него, или, наконец, совсем не причастное к делу лицо.

В практике, например, были случаи полного и настойчивого опознания преступника потерпевшим, первое неясное показание которого описывало преступника, как человека высокого роста и прямого, а заподозренный оказывался человеком среднего роста, сутуловатым и притом хромым, чего не мог не отметить потерпевший в момент совершения преступления. Потерпевший

[1]) См. А. И. Люблинского. «Новый итальянский устав уголовного судопроизводства.» Журн. мин. юст., № 5 май 1913 г., стр. 113.

заявляет, что за рост преступника он не ручался хорошо при первом допросе, а о хромоте забыл сказать, так как его, потерпевшего, больше спрашивали при первом допросе о том, как преступник ломал сундуки, пока он, потерпевший, лежал связанным. В результате возникает серьезное сомнение в достоверности показания потерпевшего, упорно утверждающего, что он опознает преступника.

При недостаточно точной или неполной записи примет преступника в первом показании, особенно при дознании, получается и другая опасность для следователя при оценке достоверности последнего показания потерпевшего при опознании подозреваемого.

Бывают случаи, что задержанный подозреваемый первый раз пред'являлся или вернее показывался потерпевшему в милиции, и потерпевший, плохо сохранивший в памяти образ преступника, но ободренный фактом задержания заподозренного преступника и убежденный, что без основания его бы не задержали,—утверждает, что задержанный «очень похож» на того человека, которого он видел в момент совершения преступления. У следователя тот же потерпевший уже категорически утверждает, что это и есть тот самый человек, который его ограбил или учинил насилие, что он теперь его хорошо признает и «узнал бы из тысячи», что он узнает его вот по этим рябинкам на лице или по косоглазию. По каким-нибудь неопровержимым данным устанавливается полная непричастность этого подозреваемого к преступлению или находится действительным виновник, изобличаемый прямыми уликами (а может-быть, и сознавшийся в преступлении). Выясняется, таким образом, безусловная ошибочность категорического опознания заподозренного потерпевшим. Психологически это об'ясняется очень просто: два первых впечатления потерпевшего, т.-е. одно от личности преступника на месте преступления и другое от личности пред'явленного ему в милиции, уже прочно слились во внутреннем восприятии потерпевшего в один образ, при чем позднейшее впечатление, полученное при пред'явлении ему задержанного человека в милиции, уже успело бессознательно для потерпевшего наслоить на первое его впечатление от личности преступника новые признаки, которых, может быть, и не было у истинного виновника преступления, но которых потерпевший не может уже отграничить от первых впечатлений, полученных от личности преступника в момент совершения преступления.

Наконец, бывают такие случаи, когда задержанный, подозреваемый действительно по общему облику, по росту, по окладу бороды или по каким-либо другим внешним признакам, очень похож на действительного совершителя преступления, которого видел потерпевший или очевидец при совершении преступления, но которого он не описал точно на первом допросе по свежему впечатлению, а потому остаются незафиксированными какие-либо резкие отличия действительного преступника, которые забыты самим потерпевшим или очевидцем за давностью времени и не могут быть напомнены ему протоколом его первого допроса. Такое совпадение общего внешнего вида двух разных лиц,—игра природы, которая нередко встречается в действительности,—может повести, в случаях недостаточно точной фиксации первых впечатлений допрошенного потерпевшего также и к опасным ошибкам. Одна свидетельница по делу о шайке фальшивомонетчиков настойчиво утверждала, что она при дознании хорошо признала показанного ей арестованного за человека, который менял в магазине фальшивый купон, и указала

при этом на явившегося в это время в камеру следователя свидетеля, имевшего некоторе сходство с обвиняемым, который находился в это время в месте заключения.

Но и при соблюдении указанного требования о подробном и точном выяснении личности преступника на первом допросе потерпевшего бывают необходимые на первый взгляд странности, которые заставляют иногда усомниться в достоверности опознания со стороны того или другого свидетеля, давшего правильное, подробное и ясное показание при пред'явлении ему обвиняемого.

Дело в том, что лицо, виденное нами в одном помещении, в том или другом костюме, при одном освещении, в той или другой позе, кажется нам совершенно не похожим само на себя, когда мы видим его в другом помещении, в другой одежде, при другом освещении или когда он держит себя иначе, чем ранее, или принял другую позу, сделал другие движения и т. д.

В камере следователя,—может-быть, в более просторном или с высокими потолками помещении, — при дневном освещении, в другом костюме, в высоких сапогах, держа себя спокойно и давая показание,—пред'являемый свидетелю предполагаемый преступник может показаться или выглядеть по общему впечатлению совсем непохожим на того человека, которого свидетель описывал в своем первом показании, как действительного виновника преступления: он может показаться выше или ниже ростом, крупнее или меньше сложением, и даже иным, например, по цвету или окраске волос. Человек с темнорусыми волосами на голове, безусый, фигурировавший при нападении на потерпевшего в черной котиковой шапке, мог показаться потерпевшему брюнетом, а без шапки в камере следователя или в милиции с запущенной растительностью или колючками на небритом лице он покажется в своем истинном виде, но непохожим на самого себя в момент совершения преступления.

Эта разница впечатлений, получаемых от одного и того же суб'екта, в зависимости от обстановки, среди которой мы видим этого суб'екта, может заставить иногда следователя акт пред'явления личности произвести на месте преступления, в той же самой обстановке, при таком же освещении, как это было во время совершения преступления.

В следственной практике прошлых лет был случай, когда потерпевшая, женщина, крепко памятливая на лица, опознавала задержанного молодого человека за участника ночного грабежа, учиненного в ее мелочной лавочке. Внешний вид этого молодого человека, задержанного в том же самом костюме, в котором он был в вечер ограбления лавки, не совпадал с описанием грабителя, которое дала потерпевшая в своем первом показании при производстве дознания. Следователь, учитывая возможность влияния освещения и обстановки на впечатления свидетелей, произвел как бы инсценировку события [1]) на месте преступления и пред'явил обвиняемого в ограблении вечером в лавке потерпевшей. Всякие сомнения в недостоверности показания потерпевшей рассеялись, и непонятное ранее для следователя и понятых опознание потерпевшей пред'явленного ей молодого человека оказалось вполне ясным и правдивым. Оказалось, что в тесной лавчонке с низким потолком обвиняемый, худощавый человек, брюнет с р е д н е г о р о с т а,

---

[1]) Инсценировка события—т. е. воспроизведение известного события на сцене, в театре, когда актеры при декорации, напоминающей обстановку этого события, «представляют» или изображают это событие так, как оно происходило или могло происходить в действительной жизни.

казался высоким, «длинным»; темно-синий, выцветший поношенный пиджак его при ламповом освещении представлялся «темно-серым», а его черные волосы, когда он стал около ящика с выручкой за прилавком, при свете висячей спущенной с потолка керосиновой лампы с круглым большим пожелтевшим рефлектором, казались не черными, а «темными, с каким-то коричневато-рыжеватым отливом»,—и это впечатление, совпадавшее с первым описанным со слов потерпевшей при дознании ее показанием, более соответствовало действительности, чем впечатление, которое получалось от обвиняемого, когда он пред'являлся потерпевшей в просторной камере следователя при ярком дневном освещении.

Таким образом, для оценки достоверности кажущегося сомнительным и неправдоподобным показания свидетеля в процессе опознавания личности представляется иногда если не необходимым, то полезным произвести своего рода «судебный опыт» или инсценировку преступного события. Естественно, что акт пред'явления личности, как доказательство действительно правильного опознания личности преступника, будет тем достовернее, чем ближе этот акт приноровлен или приближен к той обстановке, среди которой преступник находился в момент совершения этого преступления.

При этом следует, однако, указать, что, производя подобные «опыты» или инсценировки при пред'явлении личности, следователь не должен допускать какого-либо изменения естественных природных или присущих пред'являемому черт лица и других физических особенностей: пред'являемый в этом акте должен выступать в таком виде, в каком он обычно является или являлся в жизни и в своем житейском обиходе. Поэтому нельзя, например, предложить перед пред'явлением обвиняемому пригладить и тщательно прилизать волосы или закрутить усы, если он обычно ходил с вз'ерошенными волосами и никогда не закручивал усов. Фотографические снимки, которые снимаются с обвиняемых в управлениях уголовного розыска, иногда и грешат тем, что обвиняемый снимается в «праздничном» виде с предварительным необычным «облагораживанием» себя или в обритом и стриженом виде, не давая на карточке своего естественного вида и типичного для его обычного вида облика. Пред'явление таких фотографий потерпевшим или свидетелям на предмет опознания преступника, которого они видели всего один раз в жизни, в момент совершения преступления, представляется в большинстве случаев бесцельным и излишним, если принять особенно во внимание, что на таких карточках при недостаточно технической их обработке и ретушировании все снятые на карточках оказываются брюнетами.

Обобщая изложенное, для руководства при проведении акта пред'явления личности при дознании и на предварительном следствии можно дать следующие общие указания:

1. В тех случаях, где единственным уличающим обвиняемого обстоятельством является или может явиться опознание его свидетелями-очевидцами преступления, акт пред'явления надлежит произвести с возможной тщательностью, полнотой и точностью в смысле проверки показаний опознающих свидетелей, а где это возможно и необходимо, то и с инсценировкой места и обстановки преступного события, при наличности тех или других свидетелей-очевидцев, принимая при этом в соображение как об'ективные внешние

признаки воспроизводимого события, так и психологические особенности свидетелей.

2. В случаях сомнения в достоверности опознания со стороны того или другого свидетеля и признания явного несоответствия показания опознающего свидетеля с другими бесспорными данными дела следует подвергнуть проверке показание опознающего путем опроса его самого или близких к нему лиц, а может-быть, даже, как указано было ранее, путем освидетельствования его через эксперта-психиатра для выяснения степени его памятливости и правильности восприятия им в обычной жизненной обстановке тех или других внешних цветовых, звуковых или слуховых впечатлений, быстроты его соображения, наблюдательности, степени его психической уравновешенности, влияния на него чувства страха перед опасностью и т. д.

3. Перед актом пред'явления необходимо, насколько возможно, предварительно выяснить, в каком виде и в каком костюме обычно ходил пред'являемый во время, предшествующее преступному событию, а в случае выяснившихся изменений, произведенных в этом отношении предполагаемым преступником после совершения преступления, иметь это в виду, раз'яснить это свидетелям, которым пред'является обвиняемый, в случаях их недоумений, а когда возможно, то пред'явить обвиняемого в том костюме, в котором он был в день совершения вменяемого ему преступления, не изменяя, однако, его естественного или привычного вида (прическа, манера носить фуражку и т. п.).

4. В целях той же проверки достоверности опознания в необходимых случаях следует выяснять путем «опыта», осмотра места преступления или допроса других свидетелей, мог ли опознающий свидетель с того места, где он находился во время совершения преступления, видеть личность опознаваемого, и если мог, то в каком виде при том или ином освещении мог представляться ему тогда опознаваемый; наконец, мог ли свидетель слышать голос или разговор опознаваемого с того места, где он находился, а равно и другие подобные обстоятельства, если имеются указания на сомнительную достоверность той или другой части показания опознающего.

Технически выполнение акта пред'явления личности должно сопровождаться составлением протокола с указанием в заголовочной части на необходимость производства этого следственного действия в интересах расследования и применительно к 111 ст. Угол. Проц. Код. В протоколе должно быть указано, когда и где производится пред'явление подозреваемого или обвиняемого свидетелям (в отдельности каждому, если их несколько), в каком виде или одежде пред'является опознаваемый, а равно должны быть в протоколе записаны и те поправки или раз'яснения, которые дадут в связи с фактом опознания свидетели в дополнение к первым своим показаниям.

При производстве этого акта **при дознании** следовало бы органам дознания испрашивать предварительное разрешение следователя или прокурора на точном основании 101 ст. Угол.-Проц. Код.

Так как этот акт, не являющийся по существу в чистом виде актом допроса свидетеля в присутствии обвиняемого, а приближается к следственным действиям, которыми устанавливаются об'ективные данные обстановки преступления и личность опознаваемого, т.-е. к осмотрам и освидетельствованиям, то для производства акта пред'явления должны приглашаться понятые, особенно если этот акт сопровождается осмотром места преступления и инсценировкой преступного события.

ГЛАВА X.

Защита гражданских прав потерпевшего в процессе расследования преступлений.

Пролетарское государство не знает полного и неограниченного права собственности частных лиц. Классовое законодательство советского государства признало, что всякое право, в том числе и право собственности, признается и охраняется законом лишь постольку, поскольку своим осуществлением оно способствует «росту производительных сил страны» (ст. 1 и 4 Гр. Код.).

После того, как пролетариат взял в свои руки власть, первым актом советской власти была отмена частной собственности на землю (декреты II Всерос. С'езда Советов — Собр. Узак. 1917 г. № 1, ст. 3). Все леса, недра и воды были признаны национальным достоянием; орудия и средства производства и транспорта, фабрики, заводы, рудники, железные дороги, а равно и банки перешли в собственность рабоче-крестьянского государства (конституция 1918 г., ст. 3, п.п. а—д).

В период военного коммунизма право частной собственности было ограничено правом владения немуниципализированным имуществом, правом распоряжения продуктами продовольствия в пределах прожиточного минимума и правом пользования и распоряжения предметами необходимого домашнего обихода и орудиями сельского хозяйства, производства, а равно инструментами, необходимыми для профессиональных занятий, ремесл и мелких промыслов. Но в условиях новой экономической политики (1921 г.) целым рядом законодательных актов, было проведено в жизнь революционное законодательство, точно определившее права и взаимоотношения граждан во всех областях хозяйственной жизни Республики и расширившее имущественные права граждан.

В соответствии с общими началами гражданского права и ограниченным признанием права частной собственности на некоторые об'екты владения, пользования и распоряжения (52—58 ст. ст. Гр. Код.) охрана и защита гражданских прав в уголовном законе не предоставлена также всецело усмотрению частных лиц, пользующихся этими правами. В уголовном законодательстве в отношении гражданских прав частных лиц провозглашен принцип контроля органов государственной власти за осуществлением этих прав. Во имя публичного интереса, во имя защиты интересов трудящихся масс прокурору, как охранителю законности, предоставлено право вступления даже в дела частного обвинения, т.-е. в такие уголовные дела, которые могут быть возбуждаемы не иначе, как по жалобе частного лица, и могут быть прекращаемы примирением сторон (10 ст. Угол.-Проц. Код.). Точно также и в области гражданского права и процесса, в противоположность основным началам права буржуазных законодательств, прокурор вправе как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс (ст. 2 Гражд.-Проц. Код.).

Таким образом, мы видим, что и в новом республиканском законодательстве советского государства последовательно проведен классовый пролетарский принцип, согласно которому осуществление гражданских прав не может быть всецело предоставлено частным лицам без контроля государства: только те права имеют право на защиту в социалистическом государстве, которые осуществляются не во вред интересам господствующего класса, не в противоречии с их социально-хозяйственным назначением и не с целью, противной закону, или не в обход закона.

Поэтому все органы власти, в обязанность которых входит защита гражданских интересов отдельных граждан, обязаны входить в оценку этих интересов, и если эти интересы с государственной, классовой точки зрения заслуживают поддержки, эти органы должны по собственной инициативе давать защиту и охрану этим гражданским правам и интересам.

Права следователя проявлять инициативу в деле охраны частных правовых интересов отдельных лиц и учреждений определены в 121 и 121-а ст. Угол.-Проц. Код.

Не только по ходатайству гражданского истца, но и по собственной инициативе следователь вправе принять меры обеспечения гражданского иска, если признает, что непринятие этих мер может лишить гражданского истца возможности получить возмещение понесенных вреда и убытков (121 ст. Угол.-Проц. Код.).

В каждом уголовном деле, которое находится в стадии расследования, есть потерпевшее лицо, интересы которого нарушены преступным деянием, будет ли это преступное деяние посягательством на жизнь, на честь, на свободу или на имущество потерпевшего. Но не по каждому делу может и обязан следователь выступать в защиту прав потерпевшего и обеспечивать возможный гражданский иск потерпевшего. Здесь требуется предварительное разрешение целого ряда вопросов юридического и практического свойства.

Принимать меры к обеспечению гражданского иска путем наложения ареста на имущество обвиняемого возможно, конечно, лишь в тех случаях, когда можно учесть имущественный ущерб, причиненный преступлением потерпевшему, тем более, что есть преступления, последствия которых не влекут для потерпевшего никакого другого вреда, кроме морального, который нельзя ничем вещественным и материальным возместить и который нельзя оценить и перевести на деньги. Помимо обсуждения вопроса о возможности покрытия ущерба, причиненного потерпевшему преступлением, путем денежного или материального возмещения в каждом отдельном случае надлежит разрешить вопрос и о том, кто является потерпевшим и может ли быть этот потерпевший признан в качестве гражданского истца; при этом следует иметь в виду, что по некоторым делам правом на пред'явление иска пользуются не потерпевшие, а преемники их прав или их представители (напр., по делам об убийстве—близкие родственники, находившиеся на иждивении убитого, по делам о растлении малолетних—их родители или лица, на попечении которых находятся эти малолетние и т. п.).

Прежде всего, следователь обязан, конечно, принимать меры к обеспечению исков в тех случаях, когда потерпевшим является государство в лице того или другого госоргана, которому преступлением причинен имущественный ущерб.

При этом следователь в каждом отдельном случае должен обсудить вопрос о принятии мер к обеспечению иска с точки зрения фактической возможности принятия этой меры и ее целесообразности. Если, например, преступлением причинены огромные убытки государству, а обвиняемым является пролетарий, не имеющий никакого личного имущества, кроме предметов личного обихода или вообще предметов, на которые не может быть наложен арест (271 ст. Гражд.-Проц. Код.), не имело бы смысла принимать меры к обеспечению иска. С другой стороны, если потерпевшим является рабочий, нарушенный интерес которого может быть возмещен материально, а обвиняемый

принадлежит к имущему классу и нетрудовым элементам, следователь обязан как раз'яснить потерпевшему его право на иск, так и принять меры к обеспечению иска.

Наложение ареста на имущество обвиняемого может последовать не только в обеспечение будущего возможного гражданского иска, но и в виде меры обеспечения против сокрытия имущества обвиняемыми, которые привлечены по обвинению в преступлениях, караемых по Уголовному Кодексу конфискацией имущества (121-а ст. УПК).

Назначая за некоторые преступления наказания, соединенные с конфискацией имущества, закон имел в виду карательную цель—поразить не только личные права нарушителя закона, но и имущественные, лишить его всех, кроме самого необходимого, излишков его благосостояния и хозяйства или частного его имущества. И чтобы реализация возможного наказания, к которому может быть приговорен обвиняемый, была обеспечена, следователь обязан по таким делам принять меры обеспечения против сокрытия обвиняемым или его близкими родственниками его имущества. Однако, и в таких делах должны быть у следователя достаточные сведения о состоянии имущества данного обвиняемого. При этом в отношении рабочих и крестьян и вообще трудящихся должно быть выяснено, не состоит ли их имущество только из необходимых обиходных предметов, орудий сельского хозяйства, живого или мертвого инвентаря, орудий производства и инструментов, необходимых для профессиональных занятий, ремесла или мелкого кустарного промысла, посевных семян и неснятого урожая и не служит ли для них источником существования исключительно заработная плата, чтобы установить фактическую возможность принятия меры обеспечения (271 и 289 ст. ст. Гражд.-Проц. Код.).

Предварительное точное выяснение состава имущества обвиняемого, правда, не всегда бывает возможно для следователя в условиях его работы, направленной к раскрытию преступления: в таких случаях, давая общее распоряжение судебному исполнителю о наложении ареста на имущество обвиняемого с составлением описи и оценки этого имущества, следователь должен указать на необходимость при определении имущества, подлежащего аресту, руководствоваться 38 ст. Угол. Код.

Наложение ареста на имущество или капиталы обвиняемого, как в виде меры обеспечения гражданского иска, так и в виде обеспечения против сокрытия обвинямым имущества, возлагается согласно п. «д» ст. 255 Гражд. - Проц. Кодекса на судебных исполнителей, которые исполняют эти поручения в порядке, определенном 256—270 ст. того же Кодекса. На осн. 2 ч. 121-а Угол.-Проц. Код. порядок и характер мер обеспечения, применяемых на предварительном следствии, «определяется особой инструкцией Народного Комиссариата Юстиции». Такой инструкции Наркомюстом своевременно не было издано, а после издания Гражд.-Проц. Кодекса, определившего общий порядок исполнения решений и постановлений судебной власти по гражданским делам, в такой инструкции надобность миновала. Поэтому НКЮ циркуляром от 17 января 1924 года за № 13 раз'яснил лишь, что все постановления следователя, вынесенные в порядке ст. 121-а УПК, должны направляться для исполнения подлежащему судебному исполнителю («Ежен. Сов. Юст.» 1924 г., № 3—4).

Закон возлагает на следователя прямую обязанность раз'яснить потерпевшему его права на пред'явление иска, о чем должно быть отмечено

в протоколе (119 ст. УПК). А так как причиненные потерпевшему вред и убытки обычно уже выясняются при допросе потерпевшего в самом начале расследования, то на этом же первом допросе потерпевшему и следует раз'яснять его право на иск. Этим раз'яснением, во избежание составления излишнего особого протокола, можно закончить протокол допроса потерпевшего («право мое на пред'явление иска по этому делу мне раз'яснено»). Требование это является факультативным, т.-е. предоставляется право такого раз'яснения потерпевшему усмотрению следователя в каждом отдельном случае, но не обязательное для всех дел, тем более, что, как указано выше, вопрос о возможности пред'явления иска со стороны того или другого потерпевшего в каждом данном деле—есть вопрос факта.

Потерпевший, которому раз'яснено его право на иск, может заявить ходатайство с пред'явлением гражданского иска и позднее, когда он сможет точно исчислить причиненный ему ущерб или понесенные им от преступления убытки. Во всяком случае, следователь, обсуждая такое ходатайство, может признать потерпевшего гражданским истцом только после привлечения по делу лица, причинившего ущерб или убытки потерпевшему, в качестве обвиняемого. Это ясно из того, что гражданский иск может быть пред'явлен только к определенному лицу, и притом к тому лицу, преступные действия которого находятся в причинной связи с причиненными потерпевшему убытками и относятся к ним, как причина к следствию: неопределенного иска к необнаруженному виновнику преступления или только заподозренному, который, может-быть, и не будет привлечен в качестве обвиняемого, пред'явлено быть не может. И обвиняемый только с момента привлечения его имеет возможность сделать возражения против иска или оспаривать размеры причиненных им потерпевшему ущерба или убытков, исчисленных потерпевшим.

Поэтому заявление потерпевшего о признании его гражданским по делу истцом, принятое следователем от потерпевшего до привлечения обвиняемого, подлежит обсуждению после составления следователем постановления о привлечении виновника преступления в качестве обвиняемого.

Обеспечение же иска может быть допущено и в отношении заподозренного, но еще не привлеченного обвиняемого, как предварительная следственная мера в предупреждение возможности для заподозренного лица, осведомленного о возникшем против него подозрении, сокрыть свое имущество до привлечения его к следствию в качестве обвиняемого. То же самое следует сказать и в отношении принятия меры обеспечения против сокрытия имущества со стороны лиц, заподозренных, но еще не привлеченных к следствию в качестве обвиняемых, хотя по прямому буквальному смыслу 121-а ст. Угол.-Проц. Код. как-будто эта мера может быть принята лишь после привлечения обвиняемого. Если бы допустить прямое толкование этой статьи, всякий смысл указанной меры, как предупредительной, был бы утрачен, так как во многих случаях заподозренный, в отношении которого в процессе расследования медленно собираются доказательства и не всегда скоро может быть пред'явлено обвинение, имел бы возможность предупредить принятие указанной меры.

Если меры пресечения могут быть принимаемы, как предупредительные меры против подозреваемых, до привлечения их в качестве обвиняемых (145 ст. УПК), если обыски могут быть производимы у подозреваемых в предупреждение сокрытия необходимых для дела предметов (175 ст. УПК), указанное толкование наше следует признать правильным.

О принятии мер, указанных в 121 и 121-а ст. Угол.-Проц. Код., следователь, естественно, должен составить мотивированное постановление. Такое же постановление, как специально указано в законе, должно быть составлено по рассмотрении ходатайства потерпевшего в случае признания его гражданским по делу истцом или в случае отказа в этом ходатайстве (120 ст. УПК). Основания к отказу могут быть самые разнообразные: пред'явление иска к неопределенному лицу или непривлеченному в качестве обвиняемого; пред'явление иска лицом, которое не является пострадавшим от преступления, но считает себя потерпевшим (напр., родственник убитого, не имеющий права на наследование после него и не находившийся на его иждивении) и т. п.

Вопрос о праве органов дознания принимать меры, указанные в 121 и 121-а ст. Угол.-Проц. Код., должен быть разрешен отрицательно, как это ясно из самого содержания этих статей, так и из места, которое занимают эти статьи в процессуальном законе, определяя деятельность органов предварительного следствия. Однако, следует признать, что органы дознания не лишены права принимать предупредительные меры охраны имущества заподозренного в преступлении или обвиняемого от сокрытия или расхищения, и в необходимых случаях при обысках и задержании подозреваемых лиц могут принимать временные меры охраны этого имущества, доводя о принятых мерах до сведения следователя (ср. 99 и 101 ст. УПК).

Всякого рода заявления и переписки, связанные с пред'явлением гражданского иска и с принятием тех или других мер, предусмотренных указанными статьями (121 и 121-а УПК), освобождаются от всяких пошлин и сборов (16 ст. УПК).

В заключение следует сказать, что все разнообразные спорные вопросы, относящиеся к защите гражданских прав участвующих в деле лиц, которые могут возникать в процессе расследования преступлений, должны быть разрешаемы в соответствии с общими началами советского законодательства, со специальными положениями Гражд. Код. и Гражд.-Проц. Кодекса, и проверяться классовым правосознанием самого производящего расследование должностного лица.

ГЛАВА XI.

Окончание расследования и направление законченного дела.

Последним по времени и конечным актом всякого расследования является оценка материалов расследования со стороны расследующего органа или лица с точки зрения их полноты и законченности и разрешение вопроса о дальнейшем направлении дела.

Этот момент имеет значение логического обобщения данных расследования самим органом, производившим расследование. Делая сводку и обобщая материалы расследования, орган дознания или следователь подводит итоги своей работы, контролирует сам себя и определяет, все ли выполнено по данному делу, что нужно и можно было сделать, и являются ли материалы расследования настолько полными и исчерпывающими, что дело следует признать законченным.

Для органов дознания, в противоположность органам предварительного следствия, процессуальный закон не дает руководящих правил, регулирующих **оформление** этого последнего момента расследования. Органы

дознания, давая направление материалам расследования, могут изложить свои окончательные выводы, определяющие направление дела, в форме постановления, но могут направить дело в подлежащий орган суда или к следователю без постановления, при одной сопроводительной бумаге. По установившейся практике органы РКИ и ведомственные комиссии и учреждения направляют материалы расследования судебным органам, сопровождая их заключениями, докладами или об'яснительными записками, а органы ОГПУ, применительно к порядку, установленному для следственных производств, составляют соответствующие постановления о прекращении дела или обвинительные заключения.

Если принять во внимание, что разрешение вопроса об окончании расследования и о дальнейшем направлении его есть заключительный акт, выражающий суб'ективное мнение органа расследования по существу дела, оценку преступного события, его квалификацию и окончательный вывод о дальнейшем законном и правильном с точки зрения этого органа направлении дела, следует признать необходимым, чтобы органы дознания, заканчивая расследование, составляли хотя бы краткое мотивированное постановление об окончании дознания и его направлении.

Разрешение вопроса о направлении органами дознания материалов расследования в связи с упрощенной и несложной техникой расследования не представляет особых затруднений и определяется требованиями, изложенными в 1—3 п.п. 105 ст. Угол.-Проц. Кодекса.

Согласно этой статье: 1) при отсутствии в деле признаков преступления или при необнаружении виновных весь материал дознания препровождается следователю, в участке которого состоит орган дознания, для прекращения дела, кроме дел о нарушениях правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок, каковые дела органы дознания в таких случаях прекращают самостоятельно; 2) если же дознанием добыты данные, изобличающие кого-либо в совершении преступления, за которое Уголовный Кодекс грозит наказанием в виде лишения свободы до 1 года, весь материал дознания направляется непосредственно в суд по подсудности; 3) если, наконец, наказание за данное преступление превышает указанный предел, весь собранный материал органы дознания направляют следователю, в участке которого состоят, для составления постановления о предании суду [1]).

Гораздо сложнее завершается процесс окончания расследования и направление материалов по делу на предварительном следствии. Материалы следствия обычно обширнее, чем материалы дознания, они детальнее разработаны; акты следствия проведены с соблюдением правил, специально предписанных законом; доказательная сила некоторых из этих актов признается лишь под условием точного установления и тщательной проверки основных моментов расследования; наконец, самое направление дела к прокурору или в суд требует соблюдения точно указанных в законе формальностей.

Если учесть все эти обстоятельства и принять во внимание подробную нормировку этого конечного акта расследования Угол. Проц. Кодексом (202—211 ст. УПК), следует притти к заключению, что на практике этот акт должен слагаться из четырех отдельных моментов, тре-

---

[1]) См. ст. 105 в редакции, принятой 2-й сессией ВЦИК в октябре 1924 г.

бующих от следователя перед отсылкой дела для дальнейшего направления предварительной сложной и весьма важной заключительной работы:

1. Черновая общая сводка материалов предварительного следствия с предварительным окончательным прочтением или просмотром их и группировка этих материалов.

2. Оценка всего материала следствия с точки зрения его полноты и законченности и признание следствия законченным: подлежащим прекращению, приостановлению или постановке на суд с обвинительным заключением.

3. Об'явление об окончании следствия обвиняемым и последний опрос их, если дело подлежит направлению с обвинительным заключением, об'явление участвующим в деле лицам о направлении дела и другие распоряжения, связанные с окончанием следствия.

4. Составление обвинительного заключения или постановлений о прекращении дела, о приостановлении предварительного следствия, о выделении дела об отдельных обвиняемых и т. п.

Каждая из этих заключительных работ требует со стороны следователя особо-внимательного отношения.

Если исключить небольшие следственные дела, по которым произведено небольшое число следственных действий и которые со всеми подробностями укладываются хорошо в памяти следователя в процессе расследования, то по делам наиболее сложным с разнообразными большими следственными актами и многотомными материалами безусловно необходимо следователю при окончании следствия сделать о б щ у ю с в о д к у м а т е р и а л о в. Только путем перечитывания всего следственного производства, просмотра отдельных следственных актов и документов в общей перспективе сложного дела, можно возобновить в памяти часто очень важные мелочи дела, которые имеют значение при направлении его; нередко при этом устанавливаются важные недоделки и пропуски, которые могут быть еще пополнены до окончания следствия; среди большого числа вещественных доказательств и приложений могут оказаться такие, которые не осмотрены или, по оценке их значения в связи с последними следственными актами, получают новое освещение. При таком пересмотре следственного материала легче произвести и группировку материала для составления в дальнейшем обвинительного заключения или постановления о направлении дела: по прочитываемым в хронологическом порядке материалам следствия постепенно намечается самый план заключительного постановления и разрешается вопрос о том, в каком порядке следует расположить изложение обстоятельств дела, какие акты подобрать, как доказательства, изобличающие отдельных обвиняемых или группы этих обвиняемых, какие существенные моменты нужно выделить в особую категорию, как доказательства, которые подрывают улики, ослабляют обвинение или дают основание к изменению квалификации пред'явленного обвинения; наконец, при повторном чтении протоколов допроса обвиняемых в общей их связи иногда намечаются новые вопросы, которые полезно бывает разрешить при об'явлении обвиняемым об окончании следствия, а, может-быть, вызывает необходимость в каких-либо дополнительных следственных действиях. Словом, только путем такой сводки и группировки следственного материала можно сделать общий охват всего дела, дать оценку произведенному расследованию и сказать, правильное ли направление получило расследование, все ли необходимые меры были приняты для всесто-

роннего раскрытия дела и достаточно ли полно произведено предварительное следствие, чтобы признать его законченным.

Если следователь в процессе предварительного расследования пользовался составлением памятки, которую мы рекомендовали вести, давая общие руководящие указания в I части настоящего руководства, ему легче будет разобраться в следственных материалах при составлении черновой сводки перед разрешением вопроса об окончании следствия: при просмотре памятки ему будет видно, какие из намеченных следственных действий в общем плане расследования не были выполнены или не дали ожидаемых результатов и какие изменили перспективу первоначального плана, подкрепили или разбили имевшиеся в виду в начале следствия доказательства.

Когда в деле имеются большие материалы дознания или ревизионные акты, то при отборе и группировке материалов следствия необходимо бывает выделить акты дознания и ревизии, которые не были проверены полностью, но которым можно придать силу и значение актов предварительного следствия, применительно к 109 и 385 ст. Угол. Проц. Кодекса.

Если по обозрении всего следственного материала, по составлении надлежащей сводки и разгруппировке материалов, следователь, оценивая проделанную им работу с точки зрения полноты и законченности, признает, что существенные обстоятельства дела выяснены, все отдельные моменты исследуемого преступления установлены, обвиняемые обнаружены, привлечены и допрошены, доказательства собраны и проверены; или признает, что все необходимые меры для обнаружения истины были приняты, но виновники преступления остались необнаруженными, или собранные доказательства представляются недостаточными уликами для обвинения, или обвиняемые остались нерозысканными, и что, наконец, в пределах возможного и доступного все сделано и материалы следствия являются достаточно полными и исчерпывающими существо дела,—в таком случае следователь признает следствие законченным.

Далее, в связи с признанием следствия достаточно полным и законченным следователь делает вызов обвиняемых для об'явления им об окончании следствия. В отношении этого акта процессуальный закон до новеллы, принятой 2 сессией ВЦИК в октябре 1924 г., не давал достаточно точных и подробных руководящих указаний (207 ст. УПК).

Следует ли выполнение требования 207 статьи свести к формальному констатированию перед обвиняемым только факта завершения всей работы по расследованию преступления, или же обвиняемому должно быть пред'явлено следственное производство, т.-е. он должен быть осведомлен о существе собранных против него доказательств, информирован о тех следственных действиях, которые были произведены в раз'яснение дела и для проверки его об'яснений, о результатах произведенной экспертизы и осмотров и т. д.—вот вопрос, ясного разрешения которого не давали ни закон, ни двухлетняя практика наших молодых революционных народных следователей.

В этом важном вопросе мы держимся иного мнения, чем некоторые наши товарищи-следователи, полагающие, что до получения из суда копии обвинительного заключения обвиняемый не должен был быть посвящен во всю сложную процедуру расследования и что ему представляется лишь право

в пределах пред'явленного к нему обвинения указать при об'явлении ему об окончании следствия, не пожелает ли он первые свои показания дополнить указаниями на необходимость проверки следствием тех или других обстоятельств, которые он в интересах своей защиты признает существенными. Что нибудь одно: или обвиняемый, привлеченный к следствию, имеет право при окончании следствия быть осведомленным о том, в чем он, в конце-концов, обвиняется и какие доказательства против него имеются, т.-е. какие факты установлены следствием, какое заключение дано экспертизой по делу, какие его об'яснения, представленные им при допросе, проверены и каковы результаты этой проверки, и какие вещественные доказательства или документы признаны следствием изобличающими его уликами, и тогда обвиняемый сможет ответить следователю на вопрос «чем он желает дополнить следствие»; или же обвиняемый должен блуждать в темноте, догадываться, какие у следователя имеются против него доказательства, если особенно обвинение ему было пред'явлено в форме голого вопросного обвинительного пункта без указания оснований привлечения, и тогда предложение обвиняемому вопроса, «чем он желает дополнить следствие», потеряет всякий смысл. Как без оглашения обвиняемому мотивированного постановления о привлечении, так и без пред'явления ему изобличающих его материалов, добытых следствием, обвиняемый не может ясно себе представить, что он должен об'яснить в свое оправдание: что, известное ему по делу, нужно рассказать следователю (138 ст. УПК) и чем потом пожелать дополнить следствие (207 ст. УПК).

Поэтому, не расширяя толкования неполного и неясного содержания 207 ст. Угол. Проц. Код. старой редакции, до пред'явления обвиняемому полностью *всего* следственного производства, следовало признать, что акт об'явления обвиняемому об окончании следствия должен был сопровождаться осведомлением обвиняемого, в случае его просьбы о том, а) *какие новые доказательства собраны против него* по делу, кроме тех, о которых ему уже известно из постановления о привлечении его в качестве обвиняемого, и б) *какие результаты дала при следствии проверка об'яснений его*, данных им следователю при первом допросе его в качестве обвиняемого.

В настоящее время статьей 207 УПК в редакции, принятой 2 сессией ВЦИК в октябре 1924 года, вопрос этот разрешается еще шире и определеннее: в случае просьбы обвиняемого следователь обязан пред'явить ему все производство по делу, а также обязан спросить обвиняемого, чем он желает дополнить следствие. Никаких копий следственных актов обвиняемому при этом, однако, выдаваемого быть не может.

В случае необходимости об'явить об окончании следствия в порядке указанной статьи закона *нескольким обвиняемым*, и притом проживающим или содержащимся под стражей за пределами участка следователя, необходимо послать отдельные поручения в порядке 126 ст. Угол. Проц. Код. тем следователям, в участках которых эти обвиняемые проживают, сняв для пред'явления обвиняемым копии тех следственных актов, которые содержат указанные выше сведения (см. пункты а и б, отмеченные выше курсивом).

По делу, по которому привлечено несколько обвиняемых, об'явление об окончании следствия и пред'явление следственного производства может быть произведено одним актом для всех обвиняемых, однако, в особых случаях

производство может быть пред'явлено и каждому обвиняемому отдельно, в отсутствии других обвиняемых, по тем же самым соображениям, по которым допрос нескольких обвиняемых по одному и тому же делу производится порозиь (137 ст. УПК).

Если обвиняемый, по об'явлении ему об окончании следствия, заявит ходатайство о дополнении следствия, следователь должен обсудить это ходатайство и в случае отказа обвиняемому в проверке обстоятельств, на которые ссылается обвиняемый, составить мотивированное постановление об отказе и содержание его об'явить обвиняемому (208—209 и 114 ст. УПК).

Предварительное следствие может быть дополнено по указанию обвиняемого только в случае необходимости проверки обстоятельств, имеющих существенное значение для дела и недостаточно или совсем неустановленных до того времени предварительным следствием. В каждом отдельном случае, это, конечно, вопрос факта, однако, к таким заявлениям, особенно о допросе дополнительных свидетелей, указанных обвиняемым, следователь должен относится с осторожностью, чтобы в целях раз'яснения второстепенных фактов по просьбе обвиняемого не затягивать следствия, тем более, что обвиняемые не лишены права в свое время просить суд о вызове дополнительных свидетелей.

После дополнения следствия новыми данными по указанию обвиняемого вторичное об'явление ему об окончании следствия не может быть признано целесообразным; иначе это значило бы создавать бесконечную затяжку в направлении дела без всякой к тому надобности. Достаточно в таких случаях при удовлетворении ходатайства обвиняемого о дополнении следствия об'явить ему, что следствие будет дополнено проверкой указанных обвиняемым обстоятельств, после чего делу будет дано дальнейшее направление.

Последний и самый важный момент, оформляющий законченное следствие, — это с о с т а в л е н и е о б в и н и т е л ь н о г о з а к л ю ч е н и я по делу, по которому обвиняемые привлечены к следствию и вполне или в достаточной степени изобличаются собранными против них по делу доказательствами.

Обвинительное заключение должно состоять из двух частей: описательной и резолютивной. Первая из них должна заключать в себе изложение обстоятельств дела, как они установлены предварительным следствием, с указанием тех доказательств, на которых основано заключение следователя о необходимости предания суду обвиняемого; во второй части должны быть указаны имя, отчество и фамилия или прозвище обвиняемого, его возраст, судимость, классовая принадлежность, род занятий, место, время, способ и мотивы совершения преступления, а также указан потерпевший. В резолютивной части должно быть также указано, каким именно уголовным законом карается данное преступление (210 ст. УПК).

Так как обвинительные заключения по содержанию своему могут быть чрезвычайно разнообразны в зависимости от рода преступления, в котором обвиняются привлеченные обвиняемые, от характера доказательств, которыми они изобличаются, от числа привлеченных обвиняемых и степени их участия в деле или прикосновенности их к делу и т. д.,—общего образца для такого заключения дать нельзя. Можно дать лишь схему примерного построения обвинительного заключения с указанием технических правил, которые должны быть соблюдаемы при составлении его.

1. Заголовок обвинительного заключения должен содержать перечень всех обвиняемых с указанием статей Угол. Кодекса, по которым каждый из них обвиняется.

2. Описательная часть может начинаться с изложения начального момента совершения или обнаружения преступления или повода, по которому было возбуждено по данному делу уголовное преследование, с указанием времени, к которому относится учиненное преступное деяние или начатие дела. Эта вводная часть должна давать или общую без деталей картину обнаруженного преступного события, которое устанавливалось в процессе предварительного следствия, или содержать сведения о том, какие факты послужили поводами к начатию расследования (тогда-то и там-то, при таких-то обстоятельствах был обнаружен труп; тогда-то такими-то органами дознания были получены сведения о существовании контр-революционной организации, о появлении в обращении фальшивых знаков госуд. оплаты; тогда-то при производстве ревизии или обследования были обнаружены факты хищений, бесхозяйственного ведения дела, заключения убыточных сделок, полный развал предприятия; тогда-то милицией был задержан такой-то по сомнению в принадлежности оказавшихся при нем таких-то вещей; тогда-то на такой-то линии ж. д. произошло столкновение поездов; тогда-то такое-то лицо подало жалобу туда-то, обвиняя такого-то в том-то... и т. п.).

3. После того по составленной ранее сводке из материалов следствия и согласно намеченной группировке фактического материала, добытого следствием, описываются последовательно отдельные моменты или факты преступного события, как они раскрывались в процессе расследования, наблюдая при этом, чтобы хронологическая последовательность этих моментов или фактов давала картину постепенного раскрытия преступления с указанием лиц, участие которых в исследуемом преступлении выявилось в процессе расследования.

4. При изложении постепенно раскрывавшейся по данным следствия картины преступного события следует указывать, какими следственными действиями установлены те или другие обстоятельства или обнаружны те или другие фактические данные (осмотром места преступления, допросом потерпевшего или свидетелей, обыском и т. д.), делая в скобках после каждого отдельного самостоятельного пункта, излагающего отдельные факты, установленные следствием, ссылки на листы дела, где находятся те или другие следственные акты.

5. В делах, по которым в процессе предварительного следствия устанавливались убытки, причиненные действиями обвиняемого и была произведена бухгалтерская экспертиза, должны быть после изложения общего хода преступных событий описаны результаты произведенной экспертизы с точными или приблизительными выводами эксперта о размерах убытков.

6. Свидетельские показания не должны излагаться полностью в подтверждение тех или других обстоятельств дела, а тем более приводиться прямой речью (от первого лица), и притом показание каждого свидетеля отдельно: установление тех или других моментов или отдельных фактов показаниями свидетелей должно быть изложено описанием этих моментов или фактов с указанием, что они подтвердились показаниями такого-то свидетеля или таких-то свидетелей, при чем также должна быть сделана ссылка на листы дела, содержащие протоколы допроса этих свидетелей.

7. Об'ективное описание преступного события, последовательно раскрывавшегося на предварительном следствии, должно вместе с тем указывать на доказательность описанных фактов, установленных теми или другими следственными актами, при чем сомнительные или непроверенные факты или слухи, неизвестно от кого исходящие, не должны приводиться как доказательства.

8. После общего описания преступного события, в связи с теми доказательствами, которые добыты против отдельных обвиняемых и подтверждаются теми или другими данными следствия, описательная часть должна содержать изложение сущности тех об'яснений, которые дали при допросе обвиняемые, каждый отдельно, с указанием, нашли ли эти об'яснения подтверждение при проверке следствием или не подтвердились, и также со ссылками на листы дела.

9. Никакие лирические восклицания, суб'ективные впечатления, высмеивание или оскорбительные намеки составителя заключения в отношении лиц, фигурирующих в деле в качестве обвиняемых или свидетелей, недопустимы: изложение должно иметь характер делового, спокойного, убедительного повествования о преступном событии, как оно рисуется или представляется на основании материалов предварительного следствия.

10. Описательная часть, в общем, должна давать своим содержанием полную картину преступного события, при чем все основные моменты преступного события должны быть ясно и четко выявлены в изложении: какое по фактическим признакам преступление имело место в данном случае, кто совершил это преступление, с какой целью оно было совершено, где и когда, в каких отдельных действиях выразилось участие в деле отдельных обвиняемых и какими средствами или орудиями оперировали обвиняемые при совершении преступления.

11. Резолютивная часть по своему содержанию должна быть естественным логическим выводом из содержания описательной части: то, что изложено в описательной части, как бы суммируется в резолютивной части. Поэтому она связывается с предшествующей ей описательной частью словами: «на основании вышеизложенных данных» или просто: «на основании вышеизложенного»... и далее излагаются обвинительные пункты, в которых в сжатом виде формулируется в отношении каждого предаваемого суду обвиняемого сущность обвинения по фактическим признакам, определяющим участие обвиняемого в том или другом преступлении.

12. При этом основные моменты этого фактического участия в преступлении предаваемого суду обвиняемого в резолютивной части должны быть изложены, с одной стороны, настолько просто и ясно, чтобы каждому обвиняемому, который впоследствии получит от суда копию обвинительного заключения, было понятно, в чем он обвиняется, какие преступные действия ему вменяются в вину и в какой степени приписывается ему обвинительной властью участие в преступлении; с другой стороны, эти моменты должны быть изложены настолько юридически правильно, чтобы они подходили под признаки той статьи Уголовного Кодекса, по которой квалифицируется обвинение и которая проставляется в конце резолютивной части (3 ч. 210 ст. УПК).

13. Вместе с тем в резолютивной части после наименования предаваемого суду обвиняемого должна быть дана краткая его характеристика в соответ-

ствии с указаниями 2 ч. 210 ст. Угол. Проц. Код. (возраст, судимость, классовая принадлежность и т. д.).

Примерно, резолютивная часть по несложному делу о разбое может быть изложена так:

На основании изложенного гр. такой-то (имя, отчество и фамилия), стольких-то лет, ранее не судившийся, по происхождению крестьянин, по профессии столяр, беспартийный, обвиняется в том, что такого-то числа, месяца и года, на дороге между селами такими-то, в лесу, открыто, с корыстной целью напал на проходившего этой дорогой артельщика такого-то и, угрожая ему револьвером, потребовал у него деньги, а когда такой-то (потерпевший) отдал ему кожаную сумку с деньгами (столько-то рублей), он (обвиняемый) сорвав у такого-то (потерпевшего) с жилета принадлежащие последнему серебряные часы с металической цепочкой, стоющие столько-то рублей, скрылся в лесу. Означенное преступное деяние такого-то (обвиняемого) является предусмотренным 1 ч. 184 ст. Угол. Код.

По более сложному делу о заключении явно убыточной для госоргана сделки по стачке с контрагентом казны резолютивная часть заключения может быть изложена примерно так:

На основании изложенного... обвиняется в том, что, состоя в должности заведующего таким-то отделом такого-то госучреждения и имея уполномочие на совершение сделок по таким-то операциям от имени этого учреждения, такого-то числа, месяца и года заключил с гражд. таким-то (наименование контр-агента) явно невыгодный для этого учреждения договор поставки, согласно которому гр. такому-то (контрагенту) была уплочена за поставленный такой-то товар такая-то сумма из расчета столько-то рублей за пуд; отказавшись за несколько дней до этого от предложения заключить договор поставки на такой же товар с таким-то госпредприятием, предлагавшим такой же товар дешевле на столько-то рублей за пуд; при этом, заключая указанный договор с таким-то (контрагентом), он (обвиняемый) действовал по предварительному сговору с таким-то (контрагентом) и, хотя предвидел заведомо невыгодные последствия этого договора для госучреждения, однако, из корыстных видов и в виду родственных связей с таким-то (контрагентом) предпочел выгоды последнего интересам государства. Указанное преступное деяние обвиняемого является предусмотренным 2 ч. 128-а ст. Угол. Код.

В конце резолютивной части указывается также, какому суду по подсудности подлежит рассмотрению данное дело.

Далее следует список лиц, вызываемых в судебное заседание: потерпевший или представитель потерпевшего лица или учреждения, свидетели в порядке, определяемом степенью близости их к преступлению (сначала непосредственные очевидцы преступления или первые, обнаружившие его), или же в порядке раскрывавшихся событий преступления, эксперты, переводчики и т. п.

Здесь же прилагается список лиц, относительно которых по данному следственному производству дело выделено или подлежит прекращению, или чем особое постановление следователя о выделении дела о том или другом обвиняемом или о прекращении в отношении того или другого обвиняемого должно быть приложено к обвинительному заключению с изложением мотивов и законов, на которых основано это постановление.

Внизу, под обвинительным заключением, как и под постановлением, должна быть проставлена дата времени составления заключения или постановления и указано место составления их.

Под обвинительным же заключением, по установившейся практике, следует обычно справка о вещественных доказательствах, имеющихся по данному делу, о судебных издержках, произведенных в период производства следствия, о гражданском иске и т. д.

Однако, правильнее было бы в целях наиболее удобного пользования справочным материалом не сливать обвинительное заключение или постановление,—эти обособленные документальные акты по делу,—со справками, а выделять последние на отдельном бланкированном листе, вшитом в начале дела, за обложкой первого тома (если их несколько). Тогда «справочный лист» мог бы быть составлен в виде бланка по такой форме:

Справочный лист по делу..............................

а	Обвиняемые.	Пост. о привлеч. л. д.	Меры пресечения л. д.		Прот. допроса л. д.
1					
2					
3					
4					
5					
6.					
7					
8					
9					
б	Гражданский иск (заявлен таким-то)..............				
в	Судебные издержки (имеются в общей сумме такой-то)......				
г	Эксперты и переводчики (вызывались такие-то)..............				
д	Освидет. псих. состояния обвиняемого (было произведено)				
е	Розыск скрывшегося обвиняемого (был произведен).........				
ж	Свед. о прежн. судим., о приводе, копии пригов. (имеются)				
з	Приложения: документы о личности обв., фотогр. карточки и пр. (имеются)..............................				

Этот бланк печатается на лицевой стороне полулиста, при чем в графе л. д. (листы дела) под рубриками б, в, г, д, е, ж, з обозначаются листы дела на которых имеются: или соответствующие постановления (о признании

гражданского истца), или протоколы (экспертизы или освидетельствования в порядке 197 ст. УПК), или переписки, относящиеся к тем или другим следственным действиям (о выдаче издержек, о мерах к розыску обвиняемого, о судимостях и т. п.).

На обратной стороне того же полулиста бланкируется:

Вещественные доказательства.					
№№ по порядку.	№№ по книге вещ. док.	Наименование их.	Где взяты, у кого отобраны.	Где хранятся или куда отосланы, когда и за каким №	Протокол осмотра их л. д.

Следующий полулист этого бланкированного на обоих сторонах полулиста содержит опись бумаг, находящихся в деле с первого до последнего нумерованного листа дела, как это заведено в производстве следователей по каждому отдельному делу.

Такая система справочного листа давала бы при движении дела по инстанциям всякому, знакомящемуся с делом, сразу все необходимые сведения с указанием в производстве листов дела, на которых имеются эти сведения. В то же время и следователю при направлении дела легче проконтролировать себя по этому листу и вспомнить, все ли сведения на месте в производстве и где какие сведения можно быстро найти, не перелистывая дела. Если при этом в общей описи бумаг при составлении ее будут подчеркиваться или при печатании на машине выделяться крупным шрифтом фамилии свидетелей, то в каждом даже многотомном деле можно будет в две минуты отыскать любой следственный акт и все необходимые сведения, относящиеся к тому или другому следственному действию.

В заключение необходимо дать схемы построения других заключительных постановлений следователя, помимо обвинительного заключения.

Постановление о направлении дела на прекращение по недостаточности собранных улик (2 п. 202 ст. УПК) составляется, в общем, по тем же правилам, которые указаны выше для составления обвинительного заключения, т.-е. излагаются данные предварительного следствия в известной последовательности, с тою лишь разницей против обвинительного заключения, что здесь следователь во второй части, давая оценку установленным при следствии фактам, мотивирует недостаточную убедительность доказательств или недостаточную доказанность фактов, выясненных по делу: обвинительное заключение доказывает основательность обвинения, пред'явленного обвиняемому; постановление же о прекращении доказывает неосно-

вательность возникшего предположения или подозрения против подозреваемого.

Во всех других случаях направления дел в порядке 203 ст. Угол.-Проц. Кодекса, т.-е. по необнаружению виновных (1 п. 202 ст. УПК), а равно и по другим основаниям (4 ст. УПК) составления подробного постановления не требуется. После вводной части, излагающей повод, по которому возникло дело, и в общих чертах существо дела, которое служило предметом исследования, в постановлении лишь следует указать на наличность факта, удостоверенного теми или другими сведениями, который служит основанием для прекращения дела (обвиняемый, несмотря на все принятые меры, остался нерозысканным; или смерть обвиняемого удостоверяется справкой из актов гражданского состояния; или между обвиняемым и потерпевшим состоялось примирение, как это видно из протокола или засвидетельствованного заявления потерпевшего, и т. п.), а при прекращении дела по амнистии требуется лишь ссылка на законодательный акт, если под него подходит данное преступное событие. Только при направлении дела на прекращение за отсутствием состава преступления иногда необходимо бывает подробнее, путем анализа обстоятельств заподозренного преступного факта, в соответствии с той или другой статьей Уголовного Кодекса, обосновать свое суждение об отсутствии признаков преступления в исследуемом событии, которое вначале представлялось преступным. Например, было принято дело для производства предварительного следствия по признакам 128 ст. Угол. Код. о бесхозяйственном ведении дела лицом, стоящим во главе государственного учреждения или предприятия, а при следствии выяснилось, что «расточение имущества учреждения или предприятия» в данном деле не явилось результатом «бесхозяйственности, основанной на небрежном или недобросовестном отношении к порученному делу» лица, заподозренного в преступлении, а произошло вследствие других об'ективных причин, не зависевших от воли этого лица, при наличности вполне добросовестного и старательного его отношения к делу. В подобном случае следователь, излагая обстоятельства дела и указывая на об'ективные, установленные следствием причины убыточного ведения хозяйства, делает вывод, что в данном случае нет состава преступления в действиях заподозренного лица, так как для состава преступления, предусмотренного этой статьей, требуется наличность суб'ективного момента—небрежности или недобросовестности, которые в данном случае не имели места.

Точно также в случае направления дела на прекращение в виду невменяемого состояния обвиняемого (прим. к 203 ст. УПК и 197 ст. УПК) после изложения в общих чертах обстоятельств исследуемого преступного факта и доказательств, которыми изобличается привлеченный или заподозренный обвиняемый, в постановлении указываются результаты судебно-медицинского освидетельствования обвиняемого и делается вывод, что дело подлежит прекращению.

В случаях выделения дела об отдельных обвиняемых (напр., для отсылки дела о несовершеннолетнем согласно 38 ст. Уг.-Проц. Код. в комиссию о несовершеннолетних или для направления другому органу расследования, применительно к 312 ст. Угол.-Проц. Код., о преступлении, не связанном с исследуемым), также должно быть составлено особое постановление с указанием мотивов такого выделения. Такое выделение может быть произведено как в процессе производства предварительного следствия,

так и по окончании его, одновременно с направлением дела при обвинительном заключении.

Наконец, следует иметь в виду, что если при окончании следствия выяснилось, что дело о некоторых привлеченных к следствию обвиняемых (128 ст. УПК) должно быть прекращено, то, составляя обвинительное заключение в отношении обвиняемых, подлежащих преданию суду, следователь должен составить особое постановление о прекращении дела в отношении тех лиц, которые были привлечены, но улики против которых при дальнейшем следствии не подтвердились или были опровергнуты. В отношении же лиц, привлеченных при дознании в качестве подозреваемых, но не привлеченных при следствии в качестве обвиняемых, в случае направления дела с обвинительным заключением такого постановления составлять не следует, так как эти акты дознания в отношении привлечения и допроса заподозренных силы и значения следственных действий не имеют (ср. 101 и 109 ст. УПК).

После составления обвинительного заключения или постановления о прекращении дела все производство направляется в первом случае прокурору на осн. 211 ст. Угол.-Проц. Код., а во втором в суд., на основании 203 ст. Угол.-Проц. Код., при особых препроводительных бумагах. Перед этим должно быть произведено полное внешнее оформление дела, т.-е. следственное производство с актами дознания или заменяющими его ревизионными актами должно быть снабжено обложками к каждому тому в каждом томе листы дела должны быть перенумерованы и в конце подведен итог листов каждого тома, должны быть вшиты в начале дела описи бумаг, заключающихся в деле; каждый том должен быть прошнурован и по шнуру опечатан сургучной печатью; вещественные доказательства также должны быть опечатаны и снабжены особыми нумерами; если имеются приложения, они должны быть также или вложены в особые папки или запечатаны в конверты и приложены к делу. При этом, если вещественные доказательства или приложения не отсылаются вместе с делом, а препровождаются на хранение, для них должны быть составлены особые сопроводительные бумаги, если же они следуют вместе с делом, то в препродительной бумаге прокурору или суду должно быть указано, что при деле имеется столько-то свертков, пакетов или папок с вещественными доказательствами или приложениями. Наконец, должны быть заготовлены об'явления потерпевшему, гражданскому истцу о направлении дела, а равно и все другие бумаги распорядительного характера, связанные с окончанием дела. По арестантскому делу должна быть составлена бумага начальнику места заключения о перечислении арестованного за прокурором или судом, к которым направляется дело. Вся эта техническая канцелярская работа производится обычно по указанию следователя секретарем или делопроизводителем, которые отвечают за правильность нумерации листов дела, составления описей, вложения содержимого в конвертуемые опечатываемые пакеты и т. п., хотя скрепа под этими записями и печатями может быть заверена самим следователем.

После всей этой проделанной работы делаются соответствующие отметки в настольном реестре и книге вещественных доказательств, регистрируются в исходящем реестре сопроводительные бумаги, и дело уходит из камеры следователя, оставляя по себе след лишь в настольных книгах и в архиве черновых записей и памяток следователя.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Организация и внутренний распорядок работ по производству следственных действий.

ГЛАВА XII.

Оборудование камеры следователя.

Исключительные особенности работы по расследованию преступлений, проходящей как в месте постоянного пребывания следователя, так и вне этого места, сложность и разнообразие следственных действий, требующие часто особенной обстановки в целях успешного и тщательного выполнения этих действий, ставят перед нами вопрос и об организации камерной работы следователя, о необходимом оборудовании камеры и о нормализации внутреннего распорядка работ в следовательской камере.

Намечая в дальнейшем некоторые нормали для указанной организационной стороны следовательской работы, мы отнюдь не забываем фактической обстановки и условий, в которых вынуждены работать наши следователи в силу общих экономических и финансовых условий, переживаемых Республикой.

Последний сводный отчет о деятельности судов РСФСР за первое полугодие 1923 года показывает, что причины неудовлетворительного состояния следственного дела коренятся не только в «неопытности наших следователей, только-что влившихся в ряды судебных работников, и незнакомстве их с техническим порядком ведения следствия», но и в крайне тяжелых внешних условиях работы, «в скудости отпускаемых средств на канцелярские и хозяйственные надобности» и т. п. [1]). Сведения, полученные с мест, отмечают, на ряду с безграмотностью следователей, почти полное отсутствие средств на содержание и раз'езды следователей.

Признавая, что тяжелое положение следователей явление временное, и надеясь на лучшие времена, мы полагаем, что скудость наших средств еще более обязывает нас уметь экономить наши силы и средства и указывать пути к рациональной постановке следственного дела.

Прежде всего, должен быть разрешен удовлетворительно вопрос о помещениях, отводимых губисполкомами под судебные учреждения вообще и камеры следователей, в частности. При благоприятных жилищных условиях, в которых находятся многие населенные пункты Республики, необходимо добиваться предоставления судебным местам наиболее просторных и светлых помещений. Не только в Западной Европе, но и в России при устройстве и организации новых судебных мест в последние годы до революции создавались в особенности удобные и построенные по всем правилам строительной техники «дворцы» правосудия.

Если обыкновенную канцелярскую и кабинетную работу ответственных и рядовых советских работников еще возможно вести в условиях крайнего

---

[1]) См. «Еженед. Сов. Юст.», № 51—52 1923 г., стр. 1190.

уплотнения и в неприспособленных вполне помещениях, то для следовательской работы, как и для работ, например, бухгалтерских и счетоводных в госучреждениях, должны быть предоставляемы удобные, просторные и светлые помещения.

Нельзя ручаться за успешность работы следователя, нельзя отвечать за точность ее и за мельчайшую тщательную разработку деталей дела, требуемую Угол.-Проц. Кодексом, если следователи по нескольку человек (следственые части при губсудах и участках) ютятся в тесных, часто плохо освещенных, иногда проходных комнатах, обставленных поломанной мебелью, без особых ожидательных помещений для свидетелей и т. п. Общеизвестная истина, что обстановка, среди которой работает сотрудник, отражается на продуктивности его работы. Недаром, в некоторых учреждениях и предприятиях за границей, напр., в Германии, даже помещения для конторских служащих устроены и обставлены по последнему слову НОТ'а. Поэтому, в целях нормализации работы следователя, следовало бы при выборе и устройстве камер для следователей иметь в виду практические указания, которые намечаются характером работы и всей деятельности по производству предварительного следствия.

1. Помещение камеры должно быть светлым и просторным; оно должно быть изолировано от шумных проходных комнат, в которых находятся посетители, являющиеся по другим делам и в другие учреждения, чтобы гарантировать свидетелей и обвиняемых от возможных в таких местах стачек и недоступного контролю влияния на этих лиц со стороны посторонних, подпольных адвокатов и т. п.

2. При камере должна иметься ожидательная комната для вызываемых лиц, отделенная от камеры глухой дверью, чтобы ожидающие допроса не могли слышать и наблюдать допроса вызванных до них свидетелей, экспертов и обвиняемых. Помещение это должно быть также светлым, чтобы ожидающие допроса лица могли использовать свободное время чтением газет и т. п.

3. В камере, как у следователя, так и секретаря, должны быть письменные столы с запирающимися ящиками, в которых могли бы храниться печати, штемпеля, а также те секретные дела и переписки, которые до времени требуют хранения в особой тайне. Стол следователя рекомендуется ставить так, чтобы следователь сидел спиной к стене перед столом и мог видеть все происходящее в камере во время допроса: свет должен падать на стол с левой стороны, чтобы можно было, не меняя постоянно положения тела и правой руки, свободно читать написанное и прочитываемое. Стол должен быть достаточно просторным, чтобы на нем могли поместиться необходимые справочники (кодексы), дела, по которым на данное число назначены следственные действия, приложения к ним и необходимые бланки. Постоянное перебегание от стола к шкафу за делом, за бланками, за листом бумаги нарушает устойчивость работы и разбивает внимание, часто необходимое при допросе, отвлекая и допрашиваемого от связного его рассказа.

4. В камере, в распоряжении секретаря должны находиться запирающиеся шкафы или бюро: 1) для хранения настольных книг и нарядов, 2) для дел, находящихся в производстве, 3) для бланок, 4) для вещественных доказательств и 5) для справочных изданий, необходимой литературы и законодательных материалов.

Настольные книги должны вестись записями без пропусков в строго хронологическом порядке; во входящем и исходящем реестре бумаги записы-

ваются в день поступления их и отправки [1]); в настольном дела записываются в день их поступления, остальные записи о движении дела делаются при отсылке дела; такой же порядок должен быть принят для записей в книгу отдельных исполняемых следователем в порядке 126 ст. УПК поручений. Кроме настольных книг должны быть заведены в папках особые наряды: 1) для инструкций, циркуляров и др. общих распоряжений и приказов, получаемых от НКЮ, суда и прокуратуры, а равно и других учреждений и органов власти (наряд переписок для сведения и руководства): в него все поступающие такого рода переписки, по ознакомлении с ними следователя и с отметкой его должны вшиваться также в хронологическом порядке по мере поступления; 2) для разного рода бумаг и переписок, которые не имеют значения для дела и которые к делам не прилагаются, как, напр., вручение повестки, по которым вызываемые лица являлись на допрос, переписки по хозяйственным вопросам с подлежащими учреждениями, по заказам бланок и т. п. (наряд разных переписок, и 3) для всякого рода сведений по отчетности, которые составляются периодически по бланкам, в порядке, установленном циркулярными распоряжениями (наряд сведений по отчетности). Наконец, денежная книга и книга для записи вещественных доказательств должны вестись записями в соответствии с правилом, что всякая сумма денег и всякая вещь отмечается поступившей в день получения и отмечается выбывшей в день отсылки или выдачи.

Дела, находящиеся в производстве, должны храниться в порядке их нумерации, если их несколько десятков, чтобы не рыться в них, теряя время, в случае необходимости достать то или другое дело, или же располагать их на полках по групам: дела арестантские, многотомные, оконченные или приостановленные в ожидании возвращения посланных требований и поручений и т. п. Переписки, протоколы и всякие акты, наслаивающие дело, должны подшиваться по возможности в день поступления или окончания следственного действия и тогда же нумероваться: при таком порядке не будет случайных ошибок вложения бумаги из одного дела в другое, разыскивания завалявшейся где-нибудь среди текущих переписок бумаги или протокола и т. п. Точно также отметки об исполнении (посылка требования или поручения милиции, другому следователю, срочный вызов телефонограммой свидетеля или обвиняемого, запрос учреждению, копия прокурору и т. д.) должны делаться в день отправки этих бумаг на соответствующих листах дела, а отпуска в копиях при машинописном исполнении также должны подшиваться к делам в хронологическом порядке. Большая часть этой технической работы должна выполняться по указанию следователя секретарем.

Бланки или заготовленные штемпельные оттиски также должны храниться в известном порядке, чтобы не тратить время при разыскивании нужного в данный момент образца.

Для вещественных доказательств лучше также иметь особое хранилище: шкаф с делениями для более крупных и мелких предметов, сундук или особо приспособленный ящик. Весьма важно при этом, чтобы вещественные доказательства были сохранены в этих вместилищах от порчи их сыростью, молью, мышами.

---

[1]) При раз'ездах, вне места постоянного пребывания следователя, исходящие бумаги могут нумероваться следователем или летучими нумерами по особому листку, или литерами нумера последней выпущенной до от'езда бумаги.

Вещественные доказательства, имеющие для дела исключительное значение или ценность или подверженные изменениям (документы, предметы со следами крови, драгоценности до сдачи их в подлежащие учреждения и т. п.), должны постоянно храниться в опечатанном сургучными печатями виде и вскрываться только на то время, когда они осматриваются или пред'являются свидетелям. Нумеруются они в порядке нумерации по книге вещ. доказательств, и, кроме того, может быть отдельная нумерация целой серии вещественных доказательств, приложенных к одному и тому же делу.

Тот минимум справочных изданий и законодательных материалов, который должен иметься в камере следователя, может быть сведен к следующему: 1) Собрание Кодексов РСФСР, 2) отдельно Уголовный Кодекс и Уголовно-Процессуальный Кодекс с алфавитными указателями, 3) «Еженедельник Советской Юстиции», с 1922 г., содержащий в себе ведомственные циркуляры и инструкции, и, наконец, 4) «Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства», хотя бы с 1921 года, т.-е. со времени перехода на новую экономическую политику, содержащее все новое революционное законодательство.

На целый ряд вопросов, возникающих при следствии, можно всегда найти ответы в указанных Кодексах и «Еженедельнике Сов. Юстиции», а по специальным вопросам в области промышленности, внешней и внутренней торговли, военного дела, охраны труда и т. д., которые часто вклиниваются в уголовные дела, надежным регулятором является наше законодательство последних четырех лет, публикуемые в «Собр. Узаконений». Нахождение под рукой всех этих изданий при навыке пользоваться ими при помощи алфавитов с'экономит много времени для следователя, которому не нужно будет по каждому вопросу бегать и искать совета или разыскивать в камере пом. прокурора или в отделе исполкома нужный ему декрет, инструкцию или какой-нибудь специальный законодательный акт.

Хотя приспособление внешней обстановки к условиям работы и является одним из важнейших принципов научной организации труда (НОТ), однако, и при самых лучших внешних условиях работы не может быть надлежащей продуктивности труда, если не будет между сотрудниками правильного распределения работы, организационного опыта и дисциплины.

Поэтому в процессе камерной работы следователя должны быть точно разграничены: его труд по производству следственных действий и подсобный труд его ближайшего и часто единственного сотрудника—секретаря или делопроизводителя. Это разграничение сводится к тому, что вся подготовительная работа по снятию и отсылке копий, по записи входящих и исходящих бумаг, по составлению простейших исполнительных отношений, наведение справок, посылка телефонограмм, повесток и извещений, наблюдение за внешним порядком в камере и хранением в исправности и на своем месте дел, бланок, вещей и всякого прочего имущества, а равно вся канцелярская работа и оформление дел, должны лежать на обязанности секретаря, который является персонально ответственным за точное, своевременное и аккуратное выполнение всей этой работы в пределах указаний, даваемых следователем, с проявлением, однако, собственной инициативы и самостоятельности.

Особого внимания при организации следовательской работы заслуживает учет дел следователя и регистрация их. Поэтому мы считаем необходимым остановиться здесь несколько подробнее на системе регистрации следственных производств.

Книжная система ведения настольных реестров и регистрации дел в по-

следнее время, по почину НКРКИ, проводящего принципы и технику научной организации труда, вытесняется карточной системой, которая нашла уже себе применение и в некоторых московских судебных учреждениях.

Лицевая сторона.

<table>
<tr><td colspan="2">192.........год.</td><td colspan="4">ДВИЖЕНИЕ ДЕЛА.........СЛЕДОВАТЕЛЯ.........</td><td colspan="2">ДЕЛО №.........</td></tr>
<tr><td colspan="2">Число и месяц вступления.........
....
от кого поступило
....
вх. №.........</td><td colspan="4">Название дела:.........
....
.........</td><td colspan="2">Пост. о принятии дела от ....
....
послано увед прокурор ....</td></tr>
<tr><td>1</td><td colspan="2">Привлеченные к следствию обвиняемые:</td><td>По ст. Уг. Код.</td><td colspan="2">Когда сост. пост. о привлечении.</td><td>Меры пресечения.</td><td>Когда допрош.</td></tr>
<tr><td></td><td colspan="2">.........
....
....
....
....
.........</td><td></td><td colspan="2"></td><td></td><td></td></tr>
<tr><td></td><td></td><td>Число их.</td><td></td><td colspan="3"></td><td>Число их.</td></tr>
<tr><td>2</td><td>Гражданские истцы ....</td><td>.........</td><td>5</td><td colspan="3">Обыски и выемки ....</td><td>.........</td></tr>
<tr><td>3</td><td>Свидетели ....</td><td>.........</td><td>6</td><td colspan="3">Осмотры.........</td><td>.........</td></tr>
<tr><td>4</td><td>Эксперты и переводчики</td><td>.........</td><td>7</td><td colspan="3">Освидет. в порядке.........ст. Угол. Проц. Код.........</td><td>.........</td></tr>
<tr><td>8</td><td colspan="4">Вещественные доказательства и приложения
....
.........</td><td colspan="3">Куда, когда и за каким № отосланы: ....
.........</td></tr>
</table>

Легкую, удобную и наиболее простую систему карточек вместо громоздких настольных реестров следовало бы ввести и в производстве народных следователей.

Мы рекомендовали бы для этого однотипную одинарную карточку для всех следователей и всех следственных производств. Такие карточки из плот-

ной александрийской бумаги размерами, приблизительно, 23 × 16 сант. должны представлять из себя бланк следующего образца (стр. 162—163):

Оборотная сторона.

192......год.		НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЛА.	ДЕЛО №......	
			По ст. Уг.Пр. Код.	Число, мес. и исх. №
1	С обвинением......	Куда направлено......		......
	На прекращение......			......
	В дисципл. порядке.			......
	Для приостановлен..			......
	Для освидетельств..			......
2	Возвращено к доислед.	Куда вновь направлено......		......
	Число и мес......			......
	От кого			......
	Вх. №......			......
3	Вновь возвращено к доследованию......	Куда вновь направлено......		......
	Число и мес......			......
	От кого			......
	Вх. №......			......
4	Передано другому следователю или органу дознания	Куда отослано......		......
				......
5	Особые замечания.			......

Следователь (подпись)

Такая карточка вполне заменяет настольный реестр, отражая в себе весь ход следствия с начального момента принятия дела и до момента направления его. Карточки в течение года хранятся в двух ящиках, устроенных по типу картотек: в одном—карточки по законченным и направленным делам, в другом—карточки по делам, находящимся в производстве. По числу карточек вто-

рого ящика сразу видно, сколько в каждый данный момент находится на руках у следователя дел и какие. Карточка заводится в день принятия нового дела, и в ней заполняются лишь верхние заголовочные части лицевой стороны. Сведения о привлеченных обвиняемых вписываются периодически в процессе работы; остальные графы заполняются по окончании следствия при направлении дела, после чего карточка из второго ящика перекладывается в первый. По окончании года карточки оставшихся на 1 января незаконченных дел переписываются на новые с новой нумерацией дел и с отметкой внизу переносных нумеров дела предшествующего года, а старые карточки с крупной надписью по лицевой стороне: «перенесено на такой-то год под таким-то нумером» подкладываются в порядке нумерации к карточкам первого ящика, проверяется их целость и наличность, после чего все они прошиваются шнуром, опечатываются и складываются отдельно в архив следователя, а ящики используются карточками нового года. В графе обвиняемых (лицевая сторона, п. 1) при массовом числе обвиняемых могут быть отмечены лишь фамилии и инициалы привлеченных лиц или к карточке может быть приклеен дополнительный листок; в рубриках 2, 3, 4, 5, 6 и 7 отмечается лишь число допрошенных лиц той или другой категории или произведенных следственных действий, хотя в некоторых может быть прописано и обозначение фамилии гражд. истца или лица, у которого произведен обыск и т. д. На обратной стороне карточки при направлении дела в графе 1 подчеркивается тот титул (основание), по которому направляется дело. Те рубрики, которые при направлении дела не заполняются соответствующими записями (нет привлеченных обвиняемых, не было произведено осмотров, обысков и т. п.), прочеркиваются горизонтальной чертой, кроме пп. 2—5 оборотной стороны. В пункте 5 под рубрикой «особые замечания» отмечаются случаи исключительного исхода дела; напр., дело было вытребовано прокурором и получило направление в партийном порядке или согласно особых директив высших органов и не было возвращено следователю: к таким карточкам должна быть подложена переписка, указывающая время исключения данного дела из производства следователя, или на карточке должна быть в указанной графе ссылка на переписку, подшитую в секретный или другой наряд, с указанием времени получения этой переписки.

Карточки должны храниться в картотеке в порядке нумерации у секретаря, под его ответственностью за целость их, вместе с другими книгами и нарядами. В больших участках, при большом количестве обвиняемых, при карточках, как и при настольных реестрах, для справок секретарем могут быть введены алфавиты с записями привлеченных обвиняемых.

ГЛАВА XIII.

Бланковая система оформления актов расследования.

В целях той же нормализации труда и экономии времени в работе следственного аппарата практика ввела в канцелярский обиход следователя бланки. Изложение следственного акта по бланку, конечно, сокращает время, потребное для составления протокола или постановления. Чтобы написать от руки, например, заголовочную часть протокола допроса обвиняемого с пятнадцатью вопросными пунктами, по которым излагаются ответы обвиняемого с предварительными сведениями о его личности, нужно

затратить несколько лишних минут и при этом напрягать мысль, чтобы вспоминать каждый раз все эти вопросы и следить за их последовательностью, тогда как по бланку заполнение этой части протокола сводится к механической работе без всякого усилия мысли.

В процессе более, чем двухгодовой работы следователей после издания новых процессуальных норм судебного права, пользование бланками получило у следователей широкое распространение, в виду чего руководящие указания по этому вопросу являются излишними.

Следует лишь избегать составления бланков для таких актов, содержанием которых являются соображения и мотивы, которые получают разнообразное выражение и индивидуализируются в отдельных случаях; так, например, для постановлений о привлечении, о выборе меры пресечения и заключительных постановлений о прекращении дела, хотя бы по формальным основаниям: в этих случаях пробельные пустые места бланок могут оказаться тесными для изложения мотивировочной части, и приучить следователя к шаблонному выражению своих мыслей. Поэтому бланки для таких актов должны содержать лишь заголовочную часть.

Статьи процессуального закона в бланках даже для однотипных следственных актов не должны быть печатаемы: их следует уже проставлять от руки при составлении акта, тем более, что в отдельных случаях эти статьи могут видоизменяться в зависимости от отдельных моментов того или другого акта (напр., при составлении протокола обыска или выемки в одних случаях проставляются общие статьи 175 и 177 ст., в других заменяются или дополняются статьями 178, 180, 186 и др.).

Проставление соответствующих статей Угол.-Проц. Кодекса в следственных актах необходимо потому, что эти статьи заменяют очевидную мотивировку акта или повод к его совершению и обосновывают, таким образом, закономерность самого акта.

В целях упрощения пользования Угол.-Проц. Кодексом при составлении и изложении актов предварительного следствия мы даем ниже перечень постановлений и протоколов с указанием соответствующих статей, которые должны проставляться в этих следственных актах.

1) Постановление о принятии дела или приступе к производству предварительного следствия . . . . п. 91 и 123 ст. УПК.
2) Постановление о принятии дела о преступлении, подлежащем расследованию в другом участке, для совершения следственных действий, не терпящих отлагательства. . . . п. 91 и 125 ст. УПК.
3) Постановление о принятии дела, переданного по предложению прокурора из другого участка . . . . . 4 п. 91 и 124 ст. УПК.
4) Постановление о признании материалов дознания достаточно полными и принятии дела для производства лишь обязательных отдельных следственных действий . . . . . 109 и 123 ст. УПК.
5) Постановление об отказе в производстве следствия . . 95 ст. УПК.
6) Постановление об отводе следователя от производства следствия в указанных законом случаях . . . . . . 43, 45 и 122 ст. УПК.
7) Постановление о привлечении заподозренного в качестве обвиняемого и пред'явлении ему обвинения . . . . 128 ст. УПК.
8) Постановление о принятии меры пресечения против привлеченного обвиняемого . . . . п. 144 и 147 ст. УПК.

9) Постановление об избрании против обвиняемого в виде меры пресечения содержания под стражей . . 5 п. 144, 147 и 158 ст. УПК.

10) Постановление о принятии меры пресечения в отношении лиц, из'ятых из общего порядка; ссылка на соответствующий закон (см. главу: привлечение и допрос обвиняемого, отд. I, ч. II) и те же статьи . . . . 144 и 147 ст. УПК.

11) Постановление об отмене или изменении меры пресечения по предложению прокурора . . . . 148 ст. УПК.

12) Постановление об отмене или изменении мер пресечения по усмотрению следователя в случаях, когда отпадает дальнейшая необходимость в принятой ранее мере пресечения . . . 161 ст. УПК.

13) Постановление об опротестовании предложения прокурора по вопросу о мере пресечения в случае несогласия следователя с этим предложением прокурора . . . . 148 ст. УПК.

14) Постановление об отстранении привлеченного в качестве обвиняемого должностного лица от должности . . . . 142 ст. УПК.

15) Постановление о признании потерпевшего гражданским истцом . . . . 120 ст. УПК.

16) Постановление об отказе потерпевшему в признании его гражданским истцом с указанием ему права его на обжалование . . 120 и 215 ст. УПК.

17) Постановление о принятии меры к обеспечению гражданского иска . . . . 121 ст. УПК.

18) Постановление о принятии меры обеспечения против сокрытия имущества обвиняемыми в преступлениях, за которые закон карает конфискацией имущества . . . . 121-а ст. УПК.

19) Постановление о направлении в народный суд переписки об отказе от дачи показания свидетелем для привлечения его к ответственности (также эксперта, переводчика или понятого) по 104-б ст. Угол. Код. . . . . 60 и 62 ст. (64, 73, 76) УПК.

20) Постановление о производстве новой экспертизы по делу в случае признания следователем первой экспертизы неполной или недостаточно ясной . . . . 174 ст. УПК.

21) Постановление об отказе обвиняемому в вызове указанного им эксперта . . . . 114 и 169 ст. УПК.

22) Постановление о производстве обыска или выемки в учреждениях и у частных лиц (а также в помещениях дипломатических представителей иностранных государств; выемки почтово-телеграфной корреспонденции) . . . . . 175 ст. (176, 178, 186) УПК.

23) Постановление о приобщении к делу предметов или документов, признанных вещественными доказательствами (а также о возвращении вещ. доказательств их владельцам) . . . . 67 ст. УПК

24) Постановление о выделении дела о малолетнем или несовершеннолетнем обвиняемом для направления в комиссию о несовершеннолетних . . . . 38 ст. УПК.

25) Постановление о направлении по подследственности дела о преступлении, неизвестно где совершенном, по приведении в известность места совершения преступления . . . . 123 ст. УПК.

26) Постановление о выделении дела о преступлении, не имеющем связи с исследуемым преступлением, для направления по подследственности или подсудности . . . . . . 117 и 312 ст. УПК.

27) Постановление о приостановлении следствия вследствие невменяемого состояния обвиняемого впредь до его выздоровления . . . . : 197 ст. УПК.

28) Постановление о прекращении следствия в виду совершения преступления обвиняемым в невменяемом состоянии или психического заболевания обвиняемого после совершения преступления . . . . 197 ст. УПК.

29) Постановление о приостановлении следствия за нерозыском скрывшегося обвиняемого . . . . 133 ст. УПК.

30) Постановление о признании предварительного следствия оконченным и о вызове обвиняемых для об'явления им об окончании следствия или пред'явления им производства по делу . . . . 207 ст. УПК.

31) Постановление об удовлетворении ходатайства обвиняемого о дополнении следствия или об отказе в этом ходатайстве . . . . 114 и 208 ст. УПК.

32) Постановление о направлении дела на прекращение: за смертью обвиняемого, за примирением обвиняемого с потерпевшим по делам частного обвинения, за отсутствием жалобы потерпевшего по делам, возбуждаемым не иначе, как по жалобам; за истечением давности, за отсутствием состава преступления, вследствие акта об амнистии, за необнаружением виновных или по недостаточности улик . . . 4 ст. (1—6 п.) или 202 (1—2 п.) и 203 ст. УПК.

33) Постановление о направлении дела для предания обвиняемого суду (обвинительное заключение) . . . . . 209—210 ст. УПК [1]).

34) Протокол допроса обвиняемого . . . 135—139 ст. (140) УПК.

35) Протокол допроса эксперта . . . . . . .170—171 ст. УПК.

36) Протокол допроса свидетеля . . . 163—166 ст. (167) УПК.

37) Протокол об отказе свидетеля от дачи показаний . . 60 ст. УПК.

38) Протокол о производстве экспертизы . 63—64 и 171 ст. (172) УПК.

39) Протокол обыска или выемки . . 175, 177, 179—185 ст. УПК.

40) Протокол обыска в помещении дипломатических представителей иностранных государств . . . . . . 175, 177—185 ст. УПК.

41) Протокол выемки корреспонденции в почтово-телеграфном учреждении . . . . 175—176 и 188 ст. УПК

42) Протокол осмотра вещественных доказательств или приложений . . . . : 66—67 и 189 ст. УПК.

43) Протокол осмотра места совершения преступления . . 190 и 192 ст. УПК.

44) Протокол судебно-медицинского осмотра и вскрытия трупа . . . 193 ст. УПК.

45) Протокол судебно-медицинского освидетельствования потерпевшего или обвиняемого . . . . 190—192 ст. УПК.

---

[1]) В самом обвинительном заключении указываются лишь статьи, определяющие подсудность дела (25—28 ст. УПК) и квалификацию преступления по Уг. Код. (см. гл. 11, часть II).

46) Протокол судебно-медицинского освидетельствования обвиняемого на предмет определения его возраста . . . . . . 141 ст. УПК.

47) Протокол судебно-медицинского освидетельствования для определения психического состояния обвиняемого . . . 196 ст. УПК.

48) Протокол о принятии поручительства и залога за обвиняемого . . . . 155 ст. УПК.

49) Протокол об'явления обвиняемому об окончании предварительного следствия и о пред'явлении ему следственного производства . . . . 207 ст. УПК.

50) Протокол заявления потерпевшего или очевидца о совершенном или обнаруженном преступлении . . . . 92 ст. УПК.

51) Протокол о пред'явлении личности обвиняемого потерпевшему или свидетелю . . . . 111, 190 и 192 ст. УПК.

52) Протокол очной ставки . . . . . 137 или 163 ст. УПК.

Этими актами почти исчерпываются следственные действия, оформляемые в постановлениях и протоколах.

Естественно, что бланки заготовляются следователями не для всех этих следственных актов, а лишь для некоторых (см. п.п. 1, 22, 30, 34, 35; 36, 39 и 49.

При сношениях с учреждениями и должностными лицами в препроводительных бумагах, излагающих сообщения, уведомления, поручения и требования должны быть также проставлены соответствующие статьи процессуального закона:

1) При даче поручений органам дознания о собрании справок, о производстве розыска и т. д. . . . . 110 ст. УПК.

2) При сообщении другому следователю об исполнении отдельного поручения о производстве следственных действий . . 126 ст. УПК.

3) При требовании, обращенном к учреждению, лицу или организации, о доставлении необходимых для дела сведений, справок и документов . . . . 176 ст. УПК.

4) При сообщении учреждению сведений о привлечении должностного лица этого учреждения в качестве обвиняемого и отстранении его от должности . . . . 142 ст. УПК.

5) При вызове обвиняемых и свидетелей повестками или извещениями . . . . 130 или 162 ст. УПК.

6) При сообщении копий прокурору о приступе к производству следствия. о принятии меры пресечения, в частности, о заключении обвиняемого под стражу, и т. д. . . . . . 110, 147, 160 ст. УПК.

7) При отправке обвиняемого в место заключения . . 160 ст. УПК.

8) При направлении законченного дела в суд или прокурору вместе с постановлением или заключением . 198, 203, 211 ст. УПК и др.

Органы дознания, обязанные руководствоваться при производстве расследований правилами, установленными для производства предварительного следствия (101 ст. УПК), должны также по возможности обосновывать свои действия по расследованию преступных деяний ссылками на указанные статьи закона с из'ятиями, указанными в 97—105 ст. Угол.-Проц. Код.

ГЛАВА XIV.

Распределение времени работ по производству следствий.

Каким бы опытом ни обладал следователь, как бы быстро он ни работал, никогда он не может точно расчитать своего времени, правильно распределить его и ввести в рамки нормального рабочего дня. Досуга и отдыха нет и не может быть в обычной непрерывной работе следователя, который какбудто работает на преступников своего участка и от них зависит. Едва успеет он заканчивать одни дела, в это время возникают другие; следственные действия по всем разнообразным делам, находящимся в данный момент у него в производстве переплетаются во времени, и одна работа, случается, сбивает с нормального пути другую. Намечены на неделю у него допросы свидетелей по ряду дел, предположено закончить экспертизу, произвести осмотр вещественных доказательств, освидетельствование, составить постановления о направлении законченных дел, а в это время получаются сведения о новых совершенных в его участке преступлениях, требующие экстренного выезда, осмотра, вскрытия: прежняя работа разбивается, назначенные ранее следственные действия откладываются или переносятся на другое время, вызванные свидетели иногда отпускаются недопрошенными, сложное большое дело, налаженное и близкое к окончанию, затягивается. Или поступает одно или сразу несколько дознаний с задержанными подозреваемыми; требуется ознакомиться с ними, разрешить вопрос о принятых органом дознания мерах пресечения, определить сравнительную важность вновь поступивших дел, соблюсти сроки, установленные для пред'явления обвиняемому обвинения, и. т д.

Такая зависимость следователя от состояния и размеров преступности в его участке, от числа поступающих дел,—особенно в неблагоприятных внешних условиях работы, при материальной необеспеченности и отсутствии необходимых средств на раз'езды, на канцелярские расходы,—делает его работу крайне тяжелой и подчас невыносимой. Если даже считать, что среднее годовое количество дел, падающее на одного следователя, числом в 250 [1]) есть норма, которая не может загрузить следователя, то и в таком случае непрестанное напряжение следователя, переход от одних следственных действий к другим, и необходимость все эти действия зафиксировать на бумаге точно, полно и всесторонне и оформить их заставляют думать, что такая работа требует исключительных способностей, большого навыка и огромного запаса нервной энергии.

Прежде всего, в указанных условиях, как показала практика, следователь не может ограничить свою работу определенными часами. Если он не занят вечерами кабинетной работой,—составлением постановлений, прочтением новых дел,—то его голова обычно занята мыслями, связанными с теми или другими произведенными сегодня или назначенными в ближайшие дни следственными действиями. В постоянном круговороте дел, которые проходят перед следователем, дел, по которым каждый день нужно что-то сделать, следователю приходится разрешать проблему распределения своего рабочего времени. Опыт показал, что только при непрерывной кропотливой работе, отсутствии перерывов и перебоев в ней, точной планировке расследования по ка-

---

[1]) См. сводный отчет о деятельности губ. и областных судов РСФСР за 1-е полугодие 1923 г. («Еженед. Сов. Юст.», № 51—52, 1923 г., стр. 1189).

ждому делу при способности быстро ориентироваться в каждом деле и спокойном, хладнокровном отношении к работе следователи находили секрет ежемесячного направления ровно столько же дел, сколько новых дел к ним поступало за тот же месяц, т.-е. умели распределять свое время так, что всякое дело прорабатывалось и заканчивалось во-время и не накоплялось залежей дел с пропуском предельных сроков, установленных законом.

Мы не решаемся в настоящем руководстве дать каких-либо нормалей хотя бы для примерного распределения работ следователя во времени. Здесь можно только ограничиться советом, который мы давали ранее: по каждому вновь возникшему делу в самом начале расследования составить план необходимых следственных действий, итти по этому плану, контролируя выполнение его записями в памятке, не расширяя при этом об'ема расследования за пределы возможных достижений следователя и соблюдая чувство меры при производстве следственных действий с точным учетом времени, которым располагает следователь и с учетом качества и количества работ, которые ему предстоит исполнить по другим делам.

Плановая работа при навыке сразу определять степень важности каждого отдельного дела, делать правильный анализ признаков преступного деяния и отдельных моментов, подлежащих выяснению в данном деле, при уменьи отделять в каждом деле существенное и необходимое от маловажного и ненужного и при классовом подходе, обобщающем оценку результатов расследования того или другого преступления, даст возможность следователю справиться с большой и сложной работой и использовать время, находящееся в его распоряжении, настолько правильно, что в его производстве не будет залежей дел, ожидающих амнистии или запоздалого направления их на прекращение.

При этом следует, однако, заметить, что такая продуктивная и быстрая работа возможна при условии, когда следователь будет чувствовать себя не только хозяином дела, самостоятельно распоряжающимся выбором и назначением следственных действий, но и хозяином своего времени. Никакие нормы рабочего времени, никакое распределение извне его рабочих часов не могут иметь применения к деятельности следователя.

Мы думаем, что всякая попытка втиснуть работу следователя в рамки шестичасового рабочего дня,—не менее и не более,—стесняет до некоторой степени самостоятельность следователей, поставленных законом в положение органов единоличной следственной власти. Подведение же следователей под общую категорию лиц, «занятых умственным и конторским трудом» (ст. 95 Код. зак. о труде), и установление для них обязательных явки и ухода в определенные часы, может отразиться на продуктивности работы следователей и приучить их формально и второпях заканчивать свои занятия в пределах шестичасового рабочего дня, хотя бы в ущерб делу и полноте расследования.

Даже по законодательству царского времени следователи, в силу исключительных особенностей работы по расследованию преступлений, были не ограничены служебными часами, установленными для всех других присутственных мест и должностных лиц. В то же время в уставе уголовного судопроизводства была статья, предписывающая следователям работать вне всяких рамок казенного времени: «производство их (предварительных следствий) не останавливается и в табельные или воскресные дни, если обстоятельства дела того требуют» (225 ст.). Следователь не может не отправиться

на осмотр места совершения преступления или осмотр и вскрытие трупа в праздничные и нерабочие дни, если обстоятельства данного дела этого требуют в интересах успеха расследования; следователь не может бросить обвиняемых или свидетелей, вызванных для допроса, если допрос этот затянулся позже назначенного для конца работ часа, и т. д.

Выставленное нами положение не требуется об'яснять и доказывать: его следовало бы провести в жизнь безоговорочно и узаконить. Согласно Кодексу законов о труде «Наркомтруду по соглашению с ВЦСПС предоставляется право установить категории ответственных политических, профессиональных и советских работников, труд которых не ограничивается временем, установленным в ст. 94» (прим. к 94 ст. Код. зак. о труде).

Если канцелярия или секретариат следственного аппарата, как учреждение конторского типа, должно подчиняться общим нормам распределения рабочего времени, это не значит еще, что следователи должны вгонять в шестичасовую рабочую норму не поддающиеся часовому учету следственные действия: установление времени для следовательской работы в пределах точно установленных «от сих и до сих» часов, когда может быть проделана только часть этой работы, а другая в условиях канцелярской обстановки не может быть совсем выполнена,—лучший способ умертвить живое дело.

Поэтому следовало бы в порядке профсоюзного нормирования условий рабочего времени включить следователей в категорию ответственных советских работников, *труд которых не ограничен временем*. Хотя на местах следователи поставили себя так, что они фактически являются хозяевами своего времени, юридическое признание этого положения все-таки было бы необходимо, чтобы вывести следователей, как и других ответственных работников суда и прокуратуры из положения работников, обязанных отрабатывать урочное время. Сверхурочная же работа следователя учету не поддается, а по роду, значению и характеру своему особой оплате не подлежит.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

Научная техника уголовных расследований.

ГЛАВА XV.

Установление доказательств по уголовным делам при помощи специальных приемов научных расследований.

До сих пор, говоря о технических приемах расследования преступлений, мы употребляли слово «техника» в общежитейском, бытовом значении этого слова. Под техникой вообще понимаются правила приложения каких-либо знаний к делу или к практике.

Нормы нашего Уголовно-Процессуального Кодекса, как и всякого процессуального закона, построены или основаны на известных положениях теории, на тех или других *юридических* (правовых) предпосылках науки уголовного права. Каждый процессуальный закон, каждая статья его, имеет свое юридическое обоснование. Так, например, если в процессуальном законе сказано, что следователь при обысках должен избегать излишнего по-

вреждения запоров, дверей и других предметов (180 ст. УПК), то это основано на том правовом, юридическом положении, что каждый гражданин вправе иметь те или другие хозяйственные ценности и предметы обихода, что эти предметы являются частью общенародного достояния, в которые вложен труд человека и материалы, и что бесцельное, ненужное повреждение таких предметов, хотя бы находящихся в обладании частного лица, должно быть признано неправильным, незаконным, нецелесообразным.

Давая же технические указания по поводу исполнения требований процессуального закона,—об обысках, о допросе свидетелей, о составлении протоколов и т. д.,—мы указывали, какими правилами и соображениями нужно руководствоваться и какого порядка придерживаться при применении закона на практике, при приложении юридических знаний к делу. Это и есть техника применения юридических норм к отдельным случаям, к практике расследования преступлений.

Теперь мы переходим к научной технике уголовных расследований, которая является самостоятельной отраслью знания и которая учит нас, как применять специальные технические знания и приемы при расследовании преступлений: какие существуют в науке приемы технического исследования предметов и живых людей, места совершения преступления и вещественных доказательств; при помощи каких научно-технических приемов может быть устанавливаема и обнаружена личность преступника и вообще какое значение в деле расследования преступлений могут иметь прикладные, вспомогательные специальные технические отрасли знаний: химия, судебная медицина, физиология, фотография и т. д.

Применение специальных технических знаний в целях расследования преступлений особенно начало развиваться со второй половины прошлого века, когда целый ряд ученых стал посвящать себя работе научного исследования преступлений и связал свою научную деятельность с юридической работой, с деятельностью розыскных органов и судебных учреждений. Возникла, таким образом, особая отрасль уголовной науки, которая получила особое наименование: «научно-уголовная техника расследования преступлений» или просто: «уголовная техника».

В последнее десятилетие этой специальной работе посвятили себя многие ученые, профессора, специалисты в тех или других областях научных знаний. В некоторых крупных центрах Западной Европы были учреждены или при университетах, или при судебных учреждениях, или префектурах (полиция) особые лаборатории, в которых под руководством профессоров или других специалистов производятся при помощи научно-технических приемов, принятых в физических и биологических науках специальные исследования по уголовным делам и разрабатываются вопросы применения техники к делу расследования преступлений.

Из ученых, оказавших услуги делу расследования преступлений, известны Бертильон и Бальтазар в Париже, Гальтон в Лондоне и особенно в последние годы перед империалистической войной проф. Лозаннского университета (Швейцария) доктор химии Рейсс.

В своих лабораториях и кабинетах научно-судебной экспертизы эти ученые устанавливают способы обнаружения личности преступника, исследуют

подложные документы, вещественные доказательства, следы крови и всякие предметы, добытые при расследовании преступлений, применяя научные методы, дающие им возможность сделать точные выводы, к которым нельзя притти на основании одного даже самого тщательного внешнего осмотра исследуемых об'ектов.

У нас, в России, до революции, до начала девятисотых годов, дело научно-судебного технического исследования было поставлено сравнительно с западно-европейскими странами довольно слабо: исследование следов крови на вещественных доказательствах и химико-микроскопическое исследование внутренностей отравленных жидкостей, извержений и т. п. производилось по требованиям судебно-следственных властей врачебными отделениями губернских правлений и медицинским департаментом при министерстве внутренних дел; фотографирование преступников, мест преступления, трупов, вещественных доказательств производилось центральными и местными сыскными отделениями, а дактилоскопические снимки (о чем будет сказано ниже) для установления личности преступников были сосредоточены в центральном дактилоскопическом бюро в Петербурге (Ленинград).

Только с начала девятисотых годов постепенно, сначала в столицах, а затем и в других округах судебных палат, были организованы Кабинеты научно-судебной экспертизы при прокурорах палат, в которых по требованиям розыскных органов и следственных властей и производились химические, физико-микроскопические и фотографические исследования предметов и документов, относящихся к раследованию преступлений.

В вихре Октябрьской революции, после сломки старого аппарата судов, в острый период гражданской войны и военного коммунизма, естественно, дело научно-судебной экспертизы оказалось в забытом и разрушенном состоянии.

В последние годы, с утверждением в советских республиках революционной законности, с урегулированием дела расследования преступлений постановка научно-судебной экспертизы и научно-технических исследований, в целях раскрытия преступлений, вновь стала налаживаться, и в настоящее время функции прежних кабинетов научно-судебной экспертизы и центрального дактилоскопического бюро выполняются Центральным Уголовным Розыском Республики в Москве.

В структуре Ц. У. Р. среди других подотделов, выполняющих активные и розыскные операции, в целях научно-технических исследований, организован научно-технический подотдел, который и ведет научно-исследовательскую работу по расследованию преступлений, как по поручениям розыскных органов, так и судебных учреждений [1]).

Научно-технический подотдел, возглавляемый начальником подотдела, разделяется на две самостоятельные по существу работ части: 1) центральное регистрационное бюро, во главе с заведующим, работающее для всего Союза ССР, и 2) кабинет научно-техниче-

[1]) К сожалению, до последнего времени не имеется опубликованного положения о новой структуре Центр. Угол. Розыска и, в частности, его научно-технического подотдела, а равно не имеется и отчетов последнего о его работах, почему в дальнейшем изложении об организации и постановке дела научно-технических исследований и о достижениях подотдела в этой области мы вынуждены были воспользоваться информацией, полученной от начальника научно-технического подотдела тов. Потапова.

ской экспертизы, в составе трех экспертов, выполняющих научные работы по исследованиям. В центральном регистрационном бюро, состоящем из двух частей—части регистрационно-дактилоскопической и части справочно-розыскной,—и сосредоточено дело регистрации дактилоскопических снимков; сюда из уголрозысков всех республик присылаются дактилоскопические (пальцевые) отпечатки зарегистрированных преступников и по сличении с имеющимися в бюро отпечатками прежних лет часто устанавливается подлинная личность преступника.

Кабинет научно-технической экспертизы состоит из: 1) фотографической лаборатории, 2) химической лаборатории и 3) музея. Здесь, в первых двух лабораториях, и имеются все аппараты и приспособления, необходимые для микро-фотографических и микро-химических исследований [1]).

На местах, в уголовных розысках, техническая часть поставлена пока слабо: в них, однако, имеются приспособления для производства регистрационных снимков и составления регистрационных карт и фотографические аппараты для с'емки местностей, фотографирования преступников, трупов, документов и проч.

Для руководства работами по исследованию для органов уголовного розыска издана инструкция о деятельности учреждений угол. розыска, утвержденная Наркомюстом 3 октября 1922 года; в этой инструкции имеются краткие указания, относящиеся к технике исследования пятен крови, документов и т. п. (стр. 117).

При помощи своего технического лабораторного аппарата научно-технический отдел имеет широкую возможность производить фотографическое и химическое исследования вещественных доказательств: обнаружение текста подложных документов путем цвето-отделительного фотографического процесса в целях восстановления вытертого на бумаге или скрытого под пятном письма путем химического анализа чернил в документах с вытравленным текстом, путем химического анализа бумаги, исследованием проклейки ее и состава различных веществ ее; восстановление текста разорванных или подмоченных документов с неясным письмом; определение химического состава растворов, подозрительных или содержащих отраву веществ и жидкостей; фотографирование местностей с метрическими измерениями; фотографирование документов для определения подлинности или подложности почерков и т. д.

Необходимость в производстве исследований, доступных кабинету научно--технической экспертизы, конечно, встречается не часто в делах народных следователей, тем более, что значительное количество исследований медицинского характера (исследование пятен крови, состава жидкостей и пищевых веществ, внутренностей человека и т. п.) производится Подотделами медицинской экспертизы при губернских отделах здравоохранения [1]), к которым должны обращаться следователи в подлежащих случаях; при определении же подлинности и подложности документов с текстом, не испорченным травлением и подчистками, возможно ограничиться производством калиграфической или графологической экспертизы.

---

[1]) Химия—наука, занимающаяся изучением свойств простых тел (веществ природы); микро-фотографическое и микро-химическое исследования—такие исследования, которые производятся при помощи микроскопа, т. е. аппарата с увеличительным стеклом, под которым самые маленькие частицы веществ наблюдаются нами в увеличенном виде.

[2]) Собр. Узак. 1921 г. № 75, ст, 616, Пол. о суд.-мед. экспертах, ст. 25.

Так как следователь в своей работе является полным хозяином расследования, который только и может своевременным принятием тех или других мер, направленных к выяснению истины, правильно поставить дело и установить в деле доказательства, то следует признать, что ему необходимо иметь хотя бы общее понятие о тех технических достижениях и успехах, которые имеются в научных исследованиях в области уголовной техники. Только зная средства и методы, которыми владеет научно-техническая экспертиза, только понимая значение и смысл этих исследований в применении к отдельным моментам расследования, следователь может при исследовании преступления достаточно внимательно отнестись к имеющимся в его распоряжении вещественным доказательствам, предметам и документам, обратить внимание на незаметные для непосвященного в технику обстоятельства, сохранить их от порчи и изменения и своевременно обратиться к органу научно-технической экспертизы для исследования.

Поэтому мы считаем необходимым дать краткое изложение тех методов и способов научно-технического исследования, которые доступны и притом в достаточной степени выполнимы при современной постановке у нас органов научно-технической экспертизы.

ГЛАВА XVI.

Основные виды применения научно-уголовной техники к расследованию преступлений.

Одним из важнейших достижений технических наук в применении их к целям расследования преступлений было получение способов установления личности преступника путем снятия с него «словесного портрета».

Лица, занимающиеся преступной деятельностью, с давнего времени регистрировались: их отмечали в особых книгах или списках в розыскных или полицейских учреждениях; в старину преступников даже клеймили (выжигали и затирали порохом клейма на лбу и других частях тела), чтобы у каждого преступника была печать на всю жизнь; в царское время делались отметки о судимости на паспортах и т. п.

Регистрация имела целью вести учет преступным элементам чтобы преступник, однажды изобличенный в каком-либо преступлении, был отмечен и его легко можно было бы всегда найти в случае повторения им преступлений или вообще в случаях розыска подозрительных лиц при расследовании преступлений.

Научный способ, который был впервые применен в целях регистрации преступных элементов, получил название антропометрии[2]).

Антропометрический способ, предложенный в 1882 г. франц. ученым Бертильоном для опознания преступников, для установления их тождества или идентификации, заключается в том, что задержанного преступника при помощи особых приспособлений измеряют и описывают его рост, сложение, размеры и формы отдельных частей его тела: уха, лба, носа, губ, подбородка, овала (округления) лица, черепа; отмечают цвет волос, бровей, век, глазных

---

[1]) Антропометрия (греч. слово) — значит измерение человека, т.-е. измерение тела человека и его отдельных частей с описанием особенностей и примет.

яблок, окраску кожи, осанку (т.-е. манеру держать себя) и т. п., и, наконец,— все особые предметы (родинки, бородавки, рубцы на теле, хромоту и т. д.).

Описание всего этого и составляет словесный портрет данного преступника. Все эти особенности записывались на особом листе или карте по определенной шкале (или таблице с цифровыми делениями); здесь же наклеивались два фотографические снимка измеренного преступника: один снимок, снятый прямо в лицо (en face), без поворота головы фотографируемого, другой—в профиль (en profil), т.-е. сбоку, так что на снимке получается одна сторона лица с резким очертанием носа, одного глаза, губ и подбородка.

По таким одним словесным портретам опытные агенты парижской префектуры настолько четко изучали описанного преступника, что могли безошибочно узнавать его на улице даже в случае, если этот преступник подкрашивал (гримировал) себя и искусственно менял свой внешний облик.

Признание верности антропометрического способа описания преступника было основано на том установленном анатомией положении, что в природе не бывает и не может быть двух лиц, вполне похожих, как две капли воды, друг на друга, у которых размеры формы тела, цвет отдельных органов и прочие особенности вполне совпадали бы.

Однако, с конца прошлого века английским ученым Гальтоном был найден и вошел в практику розыскных органов другой способ или метод регистрации преступников, более точный, простой и не допускающий возможности сомнений и ошибок: путем снятия отпечатков пальцев с руки преступника. Этот метод получил в науке название дактилоскопии [1]).

Систематическое изучение рисунков или узоров кожи на пальцах огромного количества людей на основании дактилоскопических отпечатков показало, что хотя узоры линий на концах пальцев, на коже, имеющие вид дуги, петли, круга и др. изогнутых линий, могут быть разделены на несколько общих разновидностей, однако, у каждого отдельного человека они имеют в деталях такое разнообразие, что резко отличают эти узоры от таких же узоров другого человека и исключают полное совпадение отпечатков двух различных людей.

Впервые дактилоскопическая регистрация была введена в Англии законом 1894 года, а позднее была принята и в России при организации центрального дактилоскопического бюро, а в настоящее время ведется и систематизируется такая регистрация в центральном регистрационном бюро научно-технического подотдела Уголовного Розыска Республики (см. гл. 15), где хранятся все прежние сохранившиеся дактилоскопические снимки преступников и куда присылаются такие снимки из других уголрозысков Республики.

Процесс снятия пальцевых отпечатков сравнительно прост. На гладкую металлическую или стеклянную пластинку наносится равномерно легкий слой типографской краски, после чего каждый палец дактилоскопируемого особым приемом прокатывается по этой пластинке, а затем окрашенный краской палец прикладывается на регистрационную карту, где и получается отпечаток. На регистрационной карте каждого дактилоскопируемого делаются

---

[1]) Дактилоскопия (греч. слово)—точно означает «рассмотрение пальцев»; так называется специальный способ опознования личности на основании изучения пальцевых опечатков.

в одном ряду отдельные оттиски всех пяти пальцев правой руки, в другом ряду левой, а еще ниже одновременные оттиски только четырех пальцев без большого одной и другой руки. Вверху карты отмечаются: фамилия, имя и отчество, род преступления, за которое задержан преступник, год его, а далее в рубриках: «дактилоскопическая» «классификация» проставляются исчисленные путем особого счета линии узоров, которые обозначаются в результате дробными цифрами. Таким образом получается цифровая формула для каждого преступника (см. рис. на стр. 179). На обратной стороне карты в ряде пунктов записываются сведения о личности дактилоскопируемого и его приметы [1]). По картам другой формы (№ 1) в Уголовном Розыске Республики принято несколько иное расположение и состав регистрационных сведений, при чем на одной из сторон карты наклеиваются фотографические снимки дактилоскопируемого спереди (в лицо) и в профиль. В настоящее время, впрочем, разрабатывается опять новая форма этих карт.

Карточки в бюро раскладываются для хранения в особом порядке по шкафам, согласно их квалификации по дробным цифрам дактилоскопической формулы.

Чтобы на практике об'яснить важное значение в уголовном деле дактилоскопии, приведем пример, подобные которому были в практике недавнего прошлого. В Москве обнаружено преступление, убийство; виновник не розыскан, но в комнате, где совершено убийство, на чайном стакане, которого по обнаружении убийства никто не касался, обнаружен осмотром едва заметный след пальцевых отпечатков на стекле. Отпечатки сняты и отправлены в центральное дактилоскопическое бюро, которое отвечает, что по сверке с регистрационными картами, имеющимися в бюро, присланные отпечатки принадлежат такому-то лицу, которое было задержано тогда-то и там-то таким-то розыскным органом за такое-то преступление. Наведенной по этим сведениям справкой устанавливается, что означенное лицо осуждено судом и отбывает наказание в такой-то тюрьме. Новой справкой устанавливается, что это лицо уже отбыло наказание и освобождено или, скажем, бежало из места заключения. В Москве или по месту родины уже нетрудно розыскать по этим сведениям это лицо, изобличенное, таким образом, простым дактилоскопическим исследованием в убийстве, совершенном после того, как оно уже было ранее зарегистрировано в связи с совершением им другого преступления.

Фотографирование предметов, имеющих особое значение для расследования и, в особенности, места совершения преступления также усовершенствовано введением новых научно-технических приемов.

В главе «о производстве осмотров» мы уже указывали на важное значение в уголовных делах производства полного и тщательного осмотра места совершения преступления следователем и на необходимость составления чертежей или планов при осмотрах. Бывают, правда, редкие и весьма исключительные случаи, когда осмотр места преступления, зафиксированный в протоколе, не может дать полной картины найденного при осмотре без точных

---

[1]) Рисунок дактилоскопической карты сделан по клише т. Семеновского, автора книги: «Дактилоскопия, как метод регистрации», изд. Управления Уголовного Розыска Республики. Москва, 1923 г. (с разрешения автора).

измерений целого ряда предметов и расстояний, указывающих на взаимное расположение этих предметов. Поэтому в этих исключительных случаях полезно бывает сфотографировать место преступления. Но, как известно, обыкновенный ремесленный способ фотографирования не может справиться со всеми трудностями, которые встречаются при фотографировании предметов в тесном или темном помещении, а для снимков некоторых отдельных предметов, для получения правильного изображения требуется постановка аппарата на известном расстоянии или в известном положении: например, труп необходимо фотографировать не сбоку, не со стороны, а сверху, и т. д.

В целях получения точных измерительных фотографических снимков употребляется фотография, усовершенствованная парижским ученым Бертильоном. Фотографирование по метрической системе Бертильона, требующей фотографических камер известной конструкции, доступно и некоторым нашим угрозыскам, в распоряжении которых имеются метрические аппараты, приспособленные по системе Бертильона.

Сущность метрической фотографии Бертильона заключается в том, что, благодаря определенному положению аппарата (об'ектив находится над полом или землею на высоте 1,5 метра) и определенному расстоянию между об'ективом и светочувствительной пластинкой (10 или 15 сант.), получается такой снимок, по которому возможно вычислить с точностью размеры снятых предметов и расстояния между ними. Такое исчисление производится легко простым умножением, если снимок известного масштаба наклеить на составленные по системе Бертильона бланки с рамкой, по сторонам которой имеются цифровые шкалы [1]): с правой стороны цифры указывают, во сколько раз предмет представляется на фотографическом изображении уменьшенным против натуральной величины; с левой стороны цифры указывают расстояния, в которых находился снятый предмет от об'ектива.

Фотографирование по системе Бертильона местностей, комнат, помещений для получения надлежаще точных снимков требует, во всяком случае, участия специалиста-фотографа, которому следователь лишь должен раз'яснить, какую цель преследует фотографирование места, чтобы определить, с какой стороны и при каком освещении снять предметы.

Ф о т о г р а ф и р о в а н и е д о к у м е н т о в также имеет огромное значение при расследованиях преступлений, особенно в делах о подлогах. Простое фотографирование в уменьшенном или увеличенном масштабе не может еще дать материала к разрешению тех или иных вопросов, возникающих при следствии. Исследование документов-рукописей, на которых имеются вытравленные слова текста, стертые искусственно или изгладившиеся от влияния атмосферных влияний, воды и т. п.; документов, на которых на месте подчищенных записей имеются позднейшие записи или чернильные и другие пятна; документов, мелко написанных и неразборчивых; документов, подделанных под чужую руку или на подменной, другого сорта бумаге и т. п., требует участия в работе эксперта, специально занимающегося этим делом в научно-техническом подотделе Уголовного Розыска Республики, который имеет возможность помимо фотографирования применить при исследовании лабораторные приемы химического исследования.

Проявление текста сожженных документов по испепелившимся, скомканным или по истлевшим останкам их также требует не только осторожного

---

[1]) Шкала или скала—линейка, линия с цифровыми делениями.

Фамилия Маслов

Пол Мужской

Имя, отчество Александр Иванович

Дактилоскопическая классификация 25/14 67385-16 / 67375

Род преступности 17.

Правая рука.

1. Большой.	2. Указательный.	3. Средний.	4. Безымяный.	5. Мизинец.
Линия перегиба				

Левая рука.

6. Большой	7 Указательный.	8 Средний.	9. Безымяный.	10. Мизинец.
Линия перегиба				

Левая рука одновременный оттиск четырех пальцев, во всю длину, без большого.	Правая рука одновременный оттиск четырех пальцев, во всю длину, без большого

Лист заготовлен в Моснов. Губерн. Упр. Угол. Роз. Примечание

Составлен Еремейчику

Скреплен [illegible]

Марта 15 дня 1923 года. № дела *38149.*

1. Фамилия *Маслов.*
2. Точное имя, отчество *Александр Иванович.*
3. Если не русского происхождения, то каким именем называется —
4. Кличка или прозвище —
5. Предполагаемый возраст *около 25 лет.*
6. Заявленный возраст (по возможности год, месяц и число рождения) *Май 1898 год.*
7. Место рождения *г. Москва.*
8. Место прописки *3-я Троицкая ул., д. 6, кв. 20.*
9. Семейное положение (холост, женат) *холост.*
10. Есть ли дети, кто и сколько — —
11. Вдовец, разведен —
12. Последнее постоянное местожительство *г. Москва.*
13. Национальность *русский.*
14. Вероисповедание *православный.*
15. Профессия *торговец.*
16. Судимость *не судился.*
17. Когда, по какому делу и кем задержан или привлечен *13 марта с. г., за вооруженное ограбление, инспектором 1-го района.*
18. Примечание: —

(Подпись зарегистрированного) *А. Маслов.*

1. Рост *1 метр 60 сант.*
2. Волосы *светло-русые.*
3. Борода *бритая.*
4. Усы и бакенбарды *русые*
5. Глаза *серые.*
6. Особенности выговора, походки, привычки и т. п. *шепелявит.*
7. Особые приметы *на середине лба узкий поперечный шрам $6^1/_2$ верш. длиною.*

собрания, изъятия из печей, упаковки и пересылки этих останков, но и специального исследования особыми приемами, доступными лишь для специалистов в области научно-уголовной техники.

Исследование следов крови на одежде и предметах, исследование внутренностей, ядовитых, отравляющих веществ и извержений возможно и следует в обычном порядке, как мы уже говорили, производить через подотделы медицинской экспертизы губернских отделов здравоохранения. Однако, исследованиями этих предметов иногда требуется установить значение какого-либо предмета, попавшего в кровь, в жидкость, в извержения, например, волоса, шерстинки, кусочка бумаги и т. п. В этих случаях также надежнее, детальнее и полнее может быть произведено исследование научно-техническим подотделом.

Кабинетом научно-технической экспертизы этого подотдела в последнее время произведен ряд микро-фотографических и микро-химических исследований, которые подтверждают огромную важность работ этого учреждения в деле уголовного расследования: исследованием мельчайшей пыли на весах, найденных у лица, подозреваемого в торговле кокаином, были обнаружены частицы кокаина; при анализе раствора жидкости по другому делу был обнаружен морфий; разорванный документ, найденный при утопленнике и потерявший следы написанного, был восстановлен и прочитан; по одному делу об убийстве по отпечатку пальцев на осколке зеркала установлена дактилоскопическим исследованием личность обвиняемого, что подкрепило уже имевшиеся улики против этого обвиняемого и т. д.

Отпечатки следов ног на земле, своевременно сохраненных, часто имеют значение веских улик против обвиняемого, который разыскивается впоследствии и изобличается лишь косвенными уликами. Такие следы могут также быть подвергнуты исследованию. Для сохранения таких следов употребляются технические приемы для отливки слепков с них при помощи скульптурного гипса, смешанного с водой: гипсовой массой заливается след на земле со всеми его выемками, после чего на застывающий гипс накладываются палочки, которые вновь заливаются гипсовой массой для большей скрепы слепка, после чего затвердевший слепок вынимается, обмывается водой от приставших примесей и в таком виде может сохраняться долгое время.

Хотя такое воспроизведение оставленных преступником следов, требующее осторожной и искусной работы, и является пока роскошью в условиях работы наших следователей, у которых к тому же дела со следами на земле не составляют редкости, однако, надо думать, что такая техническая работа по отливке следа, в случае надобности, может быть выполнена безукоризненно также только научно-техническими силами эксперта.

В случаях необходимости сохранения неглубоких следов ног на твердой поверхности и снятия других неотделимых знаков на земле возможно прибегнуть к фотографированию их по изложенной выше метрической системе Бертильона, при чем в подобном случае также требуется соблюдение некоторых технических условий, которые без научного эксперта-фотографа невыполнимы.

Исследование подозрительных кровяных пятен, обнаруженных на замытом белье или тканях, так и исследование чернильного письма, написанного разными чернилами (в под-

ложных документах), не всегда дает положительные результаты при химическом анализе пятен или чернильных штрихов, а потому обращение в подобных случаях, минуя медицинские органы, к научно-технической экспертизе для исследования при помощи микро-фотографии является наиболее правильным.

Словом, нельзя перечислить всех случаев, когда в следственной или розыскной практике расследования преступлений возможность установления тех или других весьма важных обстоятельств может ускользнуть от следователя только потому, что он не сделает попытки обращения в органы научно-технической экспертизы или не поинтересуется теми возможностями, которые открывает в деле исследования преступлений научно-уголовная техника.

Если признать, что научная техника сделала значительные успехи за последние десятилетия и оказала услуги делу расследования преступлений, можно надеяться, что в будущем судебно-научно-техническая экспертиза займет в уголовной практике первенствующее место перед другими судебными доказательствами.

В последнее время значительные успехи сделала также наука в области экспериментальной психологии, найдя способы путем технических чувствительных приборов определять внутренние человеческие способности: степень внимания, силу волевых импульсов (побуждений) и т. д.

Несомненно, что и эта наука свои достижения и успехи внесет в дело расследования преступлений, когда в будущем социалистическом обществе возможно будет предугадывать и предопределять в лице отдельных граждан социально-опасные элементы и принимать против них предупредительные меры, лишающие их возможности совершать преступления.

Ограничившись изложенными сведениями из области научно-уголовной техники, мы отсылаем следователей, которые пожелали бы подробнее ознакомиться с указанной отраслью уголовных знаний, к тем источникам, которые имеются в литературе [1]).

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Особенности производства расследований некоторых преступлений в зависимости от характера и рода их.

ГЛАВА XVII.

О расследовании массовых преступлений.

Ранее мы уже указывали, что технические приемы расследования отдельных преступлений разнообразятся в зависимости от того, какое именно преступное деяние подлежит расследованию: при расследовании убийства

---

[1]) См. Проф. Рейсс «Научная техника расследования преступлений», курс лекций, прочитанных в Лозанне, изд. 1912 г. прилож. к журн. М. Ю.; С. Н. Трегубов. „Основы уголовной техники,“ изд. 1915 г. юрид. кн. маг. «Право»; П. Семеновский. „Дактилоскопия, как метод регистрации“, изд. 1923 г. Упр. Угол. Розыска Республики.

применяются иные приемы исследования, чем, например, при исследовании подлогов и т. п.

Помимо этого, совершенно иной подход и иная техническая разработка материалов расследования требуется при исследовании преступлений в зависимости от их характера, от числа участников и от взаимоотношений между участниками одного и того же преступного деяния.

В этом отношении различаются преступления индивидуальные и массовые.

Под категорию индивидуальных преступлений можно подвести все те преступления, которые совершаются отдельными лицами (индивидумами) или небольшими организованными группами отдельных лиц. В этих преступлениях, хотя бы и совершенных несколькими лицами (группой, бандой, шайкой), обычно имеется более или менее тесная организационная связь между участниками: обычно все участники знают друг друга и не только спаяны между собой единством намерения и преступной цели, но и распределяют между собой роли участия своего в намеченном преступлении или его выполнении.

Под массовыми преступлениями разумеются такие преступления, которые совершаются массой, толпой, скопищем, т.-е. большим человеческим коллективом, часто неорганизованным, а если организованным, то представляющим такую организацию, где участники массового преступления не могут все знать друг друга, некоторые вовлекаются в преступление случайно и принимают участие в преступлении не всегда по одним и тем же мотивам и соображениям; при этом в преступлениях массового характера, направленных к одной и той же цели, часто участвуют группы разных социальных слоев, различных классовых интересов и различной профессиональной принадлежности. Наконец, самое массовое преступление («массовый беспорядок») может охватить очень большое количество людей и возникнуть неорганизованно, без подготовки, стихийной вспышкой по незначительному внешнему поводу: так начинались в прежнее время еврейские погромы, разгромы торговцев на базарах, вызванные произвольным повышением цен на товары во время голода и дороговизны, так-наз. «аграрные беспорядки» в царское время и т. д.

Наиболее типичными преступлениями массового характера, предусмотренными нашим Угол. Кодексом, являются массовые беспорядки, сопровождающиеся погромами, разрушением путей и средств сообщения, освобождением арестованных, поджогами и т. п. (75 ст. Уг. Код.).

Быстрое и всестороннее расследование массовых преступлений имеет всегда огромное, нередко общегосударственное значение. С одной стороны, такие массовые преступления бывают важны по своим об'ективным последствиям, по своему разрушительному влиянию или большому экономическому ущербу, который наносится государству этими преступными деяниями. С другой стороны, важно бывает выяснить организационную сторону таких массовых беспорядков, чтобы установить личности подстрекателей, руководителей и организаторов, подготовлявших и создававших такие беспорядки, если они имели организованный характер: государство заинтересовано, чтобы опасные элементы были парализованы навсегда и чтобы с корнем были вырваны и уничтожены те вредные элементы, которые используют какие-либо настроения в населении с целью вызвать выступления против порядка управления.

Кроме того, при расследовании этих преступлений весьма важно установить и общие экономические или политические причины, которые благоприятствуют возникновению подобных массовых беспорядков или служат ближайшими поводами для таких стихийных выступлений. При этом, особенно при отсутствии сведений о подготовке и организованности таких массовых выступлений, представляется существенно необходимым выяснить внутренние суб'ективные побуждения, которые руководили массой, толпой, скопищем в данном конкретном случае, так как выступления подобного характера, учиненные в силу неотвратимых, неизбежных и тяжелых экономических условий или по малосознательности, невежеству, заблуждению и т. д., могут оказаться ненаказуемыми, и суд может ослабить или совсем признать ненужным всякое воздействие или всякую репрессию против нарушителей закона, ограничившись ликвидацией массовых беспорядков принудительными мерами или принятием превентивных, т.-е. предупредительных, мер против возможного возникновения в будущем подобных событий.

В классовом государстве рабочих и крестьян такой исход дел, особенно когда виновниками являются пролетарские массы, предусматривается самим законом (ср. 20, 25 и 78 ст. Угол. Код.).

Естественно поэтому, что расследование массовых преступлений в некоторых случаях может представить значительные трудности в смысле техники расследования по сравнению с расследованием индивидуальных преступлений. Чтобы разрешить эти трудности, органам дознания и следователям следует помнить, прежде всего, что расследование указанных выше массовых преступлений обычно требует особой быстроты и спешности: когда в каком-либо выступлении участвует множество людей, которые после совершения преступления скрываются, разбегаются или рассеиваются, трудно бывает выяснить состав участников преступного скопища, если это не было сделано своевременно, в первые же дни после ликвидации этого выступления. С другой стороны, было бы совершенно невыносимой задачей выяснение и изобличение виновников массовых беспорядков, если при расследовании применять обычные технические приемы дознания и следствия и тщательно выяснять все обстоятельства дела со всеми его подробностями.

Расследование индивидуального преступления основано на деталях, на мелких, часто незначительных обстоятельствах, которые должны быть обследованы: каждый предмет (пуговица, окурок, след ноги и т. п.) по делу, например, об убийстве должен быть осмотрен; при осмотре места совершения преступления значение этих предметов для дела должно быть подвергнуто обсуждению. При исследовании же массовых преступлений ни одному следователю, конечно, не придет в голову, осматривая место, где происходили беспорядки, заниматься приобщением к делу окурков, найденных пуговиц, фуражек, принадлежностей костюмов и других вещей, которые могли быть брошены участниками беспорядков.

Точно также, если при исследовании индивидуальных преступлений требуется выяснение в отношении каждого обвиняемого подробной его характеристики, его прежних отношений к потерпевшему, его привычек, вкусов, его образа жизни, то нет особой необходимости в отношении участников беспорядков подробно останавливаться на мелочах личной жизни этих участников массового преступления.

Из всего этого ясно, что расследование преступлений массового характера с самого начала должно итти иными путями, чем расследование преступлений индивидуальных.

И если для расследования единичных преступлений того или другого рода, как мы выше указывали, трудно установить общие приемы, пригодные для всех преступлений, хотя бы одного и того же рода, то для исследования массовых преступлений может быть выработан до некоторой степени однообразный, одинаковый, упрощенный шаблон.

Прежде всего, следует отметить, что особенностью расследования массовых преступлений является однообразная, однотипная система доказательств, техника собирания которых сводится к простейшим приемам.

Расследование массовых беспорядков, предусмотренных 75 ст. Угол. Код., обычно идет почти исключительно на показаниях свидетелей-очевидцев, которыми устанавливаются отдельные участники беспорядков и выясняются роль и образ действий тех или других участников массовых выступлений. А если главными доказательствами в таких делах являются свидетельские показания, то, имея в виду однообразие устанавливаемых фактов участия многих лиц в преступных массовых действиях, можно всегда упростить и ввести в тесные рамки приемы допросов многочисленных по этим делам свидетелей.

Если построить общую типовую схему расследования массовых беспорядков, то она, приблизительно, должна выразиться в следующих актах. По получении первых сообщений о массовых беспорядках, уже ликвидированных воинской силой или прекращенных после самоотрезвления выполнившей все преступные действия самой толпы, которая произвела погромы, разрушения и разграбление зданий, сооружений, путей сообщения и т. п., следует произвести общий осмотр места преступления и составить чертеж местности, не останавливаясь при этом на деталях, как это делается при осмотре места совершения убийства, грабежа, поджога и т. д.

Этим осмотром требуется лишь сделать общий охват и обзор размеров разрушений, произведенных массовым коллективом, степень вреда и убытков, которые причинены выступлением преступной толпы, и установить пределы района или местности, которая была охвачена беспорядками.

Затем в порядке планомерного расследования должен быть намечен ряд свидетелей, которые могут выяснить общий ход событий во время беспорядков, обстоятельства, предшествовавшие беспорядкам, и поводы, послужившие сигналом или начальным моментом к возникновению беспорядков. В этом отношении в первую категорию подлежащих допросу лиц включаются потерпевшие, если есть таковые по делу, представители административных органов и руководители учреждений, предприятий и организаций, против которых были направлены насильственные действия участников массовых беспорядков, и, наконец, агенты милиции, уголовного розыска и ГПУ, которые могли быть в силу служебных обязанностей командированы для гласного или негласного наблюдения на место происшествия в момент начала беспорядков.

Одновременно с этим при помощи органов дознания собираются сведения о свидетелях, которые во время беспорядков оказались ближайшими очевидцами преступного выступления, не участвуя сами в эксцессах, произведенных толпой или организованной массой.

Допросы последней указанной категории свидетелей в интересах эко-

номии времени и быстроты расследований должны ограничиваться кратким выяснением фактов, которые наблюдались свидетелями, а именно: кого видел данный свидетель в толпе, производившей беспорядки, в чем выразилось участие виденного свидетелем лица в беспорядках и где, в каком месте преступного скопища, это происходило.

В дальнейшем возможно из полученных в указанном порядке материалов расследования сделать выборку и произвести группировку изобличенных участников беспорядков, т.-е. составить исчерпывающий список всех подозреваемых, проходящих по актам дознания и следствия, и против каждого выясненного участника беспорядков составить перечень изобличающих данного подозреваемого свидетелей.

Выполняя по такому плану и в пределах намеченной схемы следственные действия, следователь легко сможет произвести массовый отбор подозреваемых, в достаточной степени изобличенных в участии в беспорядках, и составить постановления о привлечении их в качестве обвиняемых, при чем эти постановления могут уже составляться также по краткому образцу, где в качестве «оснований для привлечения» (129 ст. УПК) указывается, что показаниями свидетелей-очевидцев таких-то такой-то (обвиняемый) в достаточной степени изобличается в том-то (следует формулировка обвинительного пункта).

Только при такой упрощенной системе закрепления доказательств, только при таких технически-несложных приемах исследования и составления актов, и при такой наглядной, может быть, несколько грубой, группировке материалов возможно быстро ориентироваться в данных расследования и свободно оперировать с большим количеством свидетелей и участников массового выступления.

Все сведения, полученные при дознании и на предварительном следствии, зафиксированные в указанной системе и разгруппированные в указанном порядке, весьма легко по окончании следствия внести в справочный лист, где будут перечислены все привлеченные обвиняемые с указанием листов дела, содержащих постановления о привлечении, меры пресечения и протоколов допроса (см. гл. 11, часть II), а в случае большого количества обвиняемых, к справочному листу может быть приложен алфавитный список обвиняемых со ссылкой на нумерацию обвиняемых по справочному листу.

Должно отметить, однако, что в соответствии с общими началами советской исправительно-трудовой политики и классовым началом советского уголовного законодательства при расследовании преступлений массового характера следует, по возможности, ограничивать круг лиц, привлекаемых к следствию в качестве обвиняемых.

Не следует забывать, что огромное большинство населения советского государства состоит из трудящихся, рабочих и крестьян. Это фактическое нахождение в толпе или скопище еще отнюдь не знаменует собой сознательного выражения протеста против основ советской государственности и существующего правопорядка.

Поэтому естественно, что при расследовании массовых преступлений необходимо тщательно разбираться в «основаниях привлечения» заподозренных, определяя возможность вменения тем или другим отдельным участникам массовых беспорядках участия в преступлении.

Во всяком случае, при правильном усвоении классовой уголовной политики, при правильном классовом подходе следователь, исследующий массо-

вое преступление, прежде всего, должен вскрыть расследованием ближайшие причины и поводы возникновения массовых беспорядков и обнаружить главных виновников преступного выступления массы: организаторов, подстрекателей и руководителей или наиболее опасных и активных участников, которые своими действиями проявили вполне сознательное, явно враждебное отношение к существующему государственному правопорядку.

Привлечение же массы участников преступного скопища, учинившего преступление, огулом, без учета и предварительного обсуждения классовой принадлежности каждого рядового участника беспорядков, его экономического положения, его роли и степени его сознательности участия в выступлении было бы нецелесообразным, тем более, что массовое привлечение гибельно отражается на хозяйственной жизни, на всем укладе и быте населения и на его политических настроениях.

Притом же в задачу уголовной политики советского государства входит не непременно карательное воздействие на малосознательных нарушителей закона, а борьба с «общественно-опасными элементами», угрожающими основам советского строя и правопорядку, т.-е. с лицами, сознательно подтачивающими строй рабоче-крестьянского государства.

ГЛАВА XVIII.

Особенности производства расследований по делам о контр-революционных преступлениях, о должностных преступлениях и о хозяйственных преступлениях.

Так как состав преступлений каждого отдельного рода преступных деяний, предусмотренных различными главами Угол. Код., определяется особыми признаками, то и расследование каждой группы таких преступлений требует особенного подхода, особенных методов, способов и приемов.

Наибольшую трудность в этом отношении для исследования представляют из себя некоторые группы преступных деяний, которые об'единены в главах I, II и IV Угол. Кодекса (контр-революционные преступления, должностные и хозяйственные).

Контр-революционные преступления являются важнейшим видом посягательств, непосредственно направленных против советской государственности и завоеваний пролетарской революции. Преступные деяния, предусмотренные в разделе I главы 1 Угол. Кодекса, требуют поэтому особенно серьезного и тщательного исследования.

Два важнейших момента этого рода преступных деяний должны быть выявлены при расследовании: 1) цель и 2) внешнее выражение или организационная сторона деяния.

С одной стороны, необходимо установить, что преступные действия лица, группы или организации имели целью или были направлены к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянского Правительства, или к оказанию помощи международной буржуазии, ведущей борьбу с враждебной ей «коммунистической системой собственности», или, наконец, что эти действия заведомо для лиц, совершивших их, содержат в себе покушение на основные политические или хозяйственные завоевания пролетарской революции. С другой стороны, следует выяснить при расследовании и дать

полную картину тех действий, в которых выразились посягательства контр-революционных элементов на советскую государственность: выразились ли эти действия в организации вооруженных восстаний, в сношениях с иностранными государствами или их представителями, в возбуждении населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей, в активном противодействии экономическому развитию государства или пассивном соботаже[1]), в террористических актах против отдельных революционных деятелей, в разрушении или повреждении путей и средств сообщения и т. п.

При выяснении внешних форм и способов деятельности контр-революционных элементов весьма важно бывает установить организационную сторону этой деятельности обнаружить, где находится штаб контр-революционной организации, явочные и конспиративные квартиры, типографии для печатания воззваний, склады оружия и т. п.

При расследовании шпионских организаций необходимо выяснить связи, при помощи которых ведутся та или другая переписка или сношения по передаче государственных тайн, места, где находятся или состоят на службе тайные агенты организации, по каким направлениям и какими способами ведутся сношения этих агентов с русской или зарубежной организацией.

При этом обнаруживается иногда существование шифров для переписок между участниками организации: прочтение зашифрованных переписок часто представляет значительные трудности и требует участия особых, знакомых с этим делом специалистов.

При установлении признаков экономической контр-революции, как и военного шпионажа, требуется производство сложных экспертиз через сведущих и особо-уполномоченных на это лиц: в первом случае для выяснения возможности использования обвиняемыми тех или других способов в работе государственных учреждений и предприятий в целях разрушения или подрыва промышленности, торговли и транспорта и для установления степени опасности действий обвиняемых и возможных последствий их для хозяйственной жизни Республики с точки зрения экономической или торговой политики государства; во втором случае для выяснения значения тех секретных сведений, которые были использованы обвиняемыми во вред государству, и источников, из которых могли быть почерпаемы те или другие сведения врагами государства и т. п.

Уже из указанных выше особенностей, которые следует иметь при составлении плана расследования контр-революционных преступлений, видно, что расследование этих преступлений должно итти совершенно иными путями, чем исследование других уголовно-наказуемых деяний.

Если при расследовании открытых массовых выступлений, направленных против порядка управления, главными источниками доказательств являются преимущественно показания свидетелей, то улики и доказательства

[1]) Саботаж — происходит от франц. слова «сабо»—деревянный башмак: в деревянных башмаках ходили французские крестьяне, работавшие на маленьких фабриках. Топтание на одном месте в деревянных башмаках у станка при показывании одной видимости работы, работа «спустя рукава» и называлась саботажем. В переносном смысле — саботаж означает сознательное небрежное исполнение всякой работы.

по делам о преступлениях контр-революционного характера, добываются, по крайней мере, вначале, в большинстве случаев агентурным путем, путем предварительного негласного наблюдения, и основываются, главным образом, на агентурных сведениях и на перелисках и документах, отобранных при обысках.

Крайней осторожности и особой секретности требует, прежде всего, в этих делах получение всякого рода нужных для дела сведений, не исключая производства осмотров, обысков и выемок документов и даже самых допросов лиц, которые могут дать те или другие сведения в качестве свидетелей. Непосредственных допросов свидетелей, не вполне надежных в политическом отношении или сомнительных в смысле их лойяльности [1]) в отношении советской власти, или, наконец, малосознательных, следует по таким делам избегать, чтобы не сделать какие-либо секретные обстоятельства или факты достоянием врагов государства или не спугнуть обвиняемых, против которых собираются доказательства.

При обысках у заподозренных и обвиняемых по этим делам имеют исключительную ценность и значение отобрание переписок и прочих предметов, устанавливающих связи и круг знакомств этих лиц, а также осмотр литературы, библиотек и рукописей, имеющихся у них: известный подбор литературы, книг и изданий, как и нахождение воззваний, листовок и т. п., часто характеризуют владельца, изобличают его в принадлежности к преступной организации или обрисовывают его политическое настроение более, ярче и полнее, чем всякие свидетельские показания добрых и близких знакомых его.

Точно также л и ч н ы е обыски лиц, задержанных во время обысков на квартирах, где подозреваются явки и сношения членов контр-революционных организаций, должны быть производимы с необычной, исключительной тщательностью: кроме проверки личности такого задержанного, поводов и причин захождения этого лица в обыскиваемую квартиру, следует внимательно осмотреть все находящиеся при этом лице вещи и предметы: мелкие записочки на тонкой бумаге и шифрованные письма могут быть скрыты в предметах, которые на первый взгляд не возбуждают никакого подозрения: внутри тросточки, в пристегнутом мягком воротничке сорочки, в узелке с хлебом, внутри булки, в портсигаре, внутри мундштука папироски, под стелькой обуви, за обшлагом рукава и т. д.

Так как борьба с контр-революцией и шпионажем и вообще охрана завоеваний революции от антисоветских элементов является, прежде всего, непосредственной и ближайшей целью деятельности органов Государственного Политического Управления [2]), то органы дознания в случаях обнаружения признаков преступлений, предусмотренных 57—73 ст. Угол. Код., должны сообщать об этом в соответствующий отдел ГПУ с одновременным извещением об этом прокурора [3]); следовательно, у которого в производстве возникает дело о контр-революционном преступлении, должен производить расследование в тесном контакте с органами ГПУ, осведомляя при этом про-

---

[1]) Лойяльность (фр. слово) — преданность закону, конституции государства, политическая благонадежность.

[2]) Собр. Узак. 1922 г. № 16, ст. 160, и 1923 г. № 81, ст. 782.

[3]) См. инструкцию московской милиции от 25 апреля 1923 года, § 26.

курора о ходе расследования, а равно сообщая ему немедленно и о производстве тех следственных действий, которые вызывают необходимость принятия каких-либо исключительных и срочных мер и которые требуют участия или содействия других органов власти и, в частности, органов ГПУ (ср. положение о судоустройстве, ст. 78, п. «б», и примеч. к ст. 91).

Все требования и поручения, обращаемые к административным учреждениям и лицам по такого рода делам, о доставлении каких-либо сведений, необходимых для дела и имеющих особо секретный характер, должны быть направляемы или через подлежащего прокурора, или, во всяком случае, по предварительному соглашению с ним (ср. прим. к 176 ст. Угол.-Проц. Код.).

Выполнение указанных выше условий поможет каждому следователю справиться с задачей успешного расследования важнейших государственных преступлений: точный анализ закона, предусматривающего данное контрреволюционное преступление, даст ему возможность правильно наметить план расследования и поставить вехи, по которым должно итти следствие; а совместная с органами ГПУ и под непосредственным наблюдением прокурора работа обезопасит его от неосторожных шагов, неполноты и недоделок, которые неизбежны при единоличной работе по сложным делам.

При этом остаются в силе и соображения, высказанные нами в главе о массовых преступлениях. В тех делах, где расследуются действия преступной организации, широко раскинувшей свою работу и об'единившей в себе многочисленные группы общественно-опасных элементов, главной целью расследования должно быть обнаружение главарей и руководителей организации: нахождение одного или нескольких второстепенных, рядовых участников большой опасной для государства организации сводит почти на-нет всякое расследование.

Должностные преступления, по нашему процессуальному законодательству, преследуются в общем порядке: никаких существенных из'ятий для возбуждения уголовного расследования в отношении должностных лиц в законе не содержится. Каждый гражданин, каждое должностное лицо или учреждение, ревизионный орган РКИ и орган дознания могут просить прокурора о возбуждении уголовного преследования против должностного лица за совершенное им служебное преступление; дело получит законный ход и будет передано для производства предварительного следствия без всяких предварительных сношений и согласия на это со стороны начальства, которому подведомственно это должностное лицо.

До революции, по законодательству царского времени, существовал иной порядок для привлечения к ответственности и предания суду должностных лиц: существовала так-называемая административная гарантия. Чтобы назначить следствие и возбудить судебное преследование против должностного лица за служебное преступление, необходимо было получить на это согласие и разрешение его административного начальства при чем должностные лица были разделены на разряды в зависимости от органов власти, которыми они назначались на должности. Должностные лица различных категорий могли быть преданы суду только этими органами, которые назначали их на должности; таким образом, вопрос о возбуждении уголовного преследования против должностных лиц всецело зависел от усмотрения административных ведомств, к которым принадлежали эти должностные лица. Каждое ведомство как бы давало гарантию (т.-е. обеспе-

чение, защиту) своему должностному лицу в том, что оно само будет в каждом отдельном случае решать, следует ли судить это должностное лицо за преступление, совершенное им по службе. Поэтому, получив жалобу или сведения о совершенном должностным лицом преступлении, начальство этого должностного лица само производило через своих чиновников административное дознание и затем в закрытых заседаниях разрешало вопрос о предании суду этого должностного лица или о прекращении дела (1086—1088 ст. уст. угол. судопр.). Естественно, что при таком порядке административная гарантия при господстве бюрократии и безответственного ведомственного чиновничества сводилась часто к попустительству и укрывательству административными ведомствами подчиненных им должностных лиц и вела к полной безнаказанности преступлений, особенно учиненных должностными лицами высших классов и рангов (чинов).

С упразднением административной гарантии, естественно, вопрос о расследовании должностных преступлений получил первостепенную важность. В советском государстве нет ведомственного деления должностей в том смысле, как это понималось в царской России и как это понимается в других буржуазных государствах: в советских республиках все должностные лица служат не ведомствам, а государству, и все являются одинаково ответственными за свою работу перед единым советским законом, установленным властью советов.

А так как в советском трудовом государстве, при национализации всех областей народного хозяйства, самое понятие должностного лица должно было расшириться, то естественно, что и преступления по должности, как нарушения служебного долга перед коллективом трудящихся, перед рабоче-крестьянским государством, получили особое значение, а вместе с тем в связи с полной реорганизацией социального строя и всей народно-хозяйственной жизни эти преступления отлились в крайне разнообразные формы и внешние проявления.

Некоторые особенности расследования должностных преступлений и сравнительная с другими преступными деяниями сложность их расследования и об'ясняются, с одной стороны, указанным расширением понятия «должностное лицо», определение которого дает Уголовный Кодекс (примеч. к 105 ст.); с другой тем крайним разнообразием служебных нарушений, которые могут быть подведены под статьи Кодекса.

Трудность расследования должностных преступлений увеличивается и тем, что согласно новеллам 1923 года Уголовный Кодекс в последней редакции относит одни и те же служебные правонарушения то к деяниям, за которые закон грозит уголовной ответственностью, то к нарушениям, которые преследуются в дисциплинарном порядке (105—109 и 117 ст. Угол. Код.). Между тем, на практике разграничить однородные деяния, хотя бы в зависимости от отдельных признаков, указанных в законе, и подвести одни под ответственность уголовную, а другие под дисциплинарную чрезвычайно трудно, тем более, что провести точно самую грань между уголовной и дисциплинарной ответственностью вообще очень трудно [1]).

---

[1]) См. доклад т. Курского на 2-й сессии ВЦИК X созыва по законопроекту о дисциплинарных судах.

Анализируя отдельные статьи II главы Угол. Кодекса о должностных преступлениях, мы видим, что преступные деяния, предусмотренные первыми четырьмя статьями (105—108), имеют общий, «групповой» характер, не определяемый точными признаками: под эти статьи могут быть подводимы чрезвычайно разнообразные преступные нарушения служебных обязанностей, об'единяемые общими широкими наименованиями: «злоупотребление властью», «превышение власти», «бездействие власти» и «халатное отношение к службе».

Как видно из содержания первой половины текста 105 статьи, эти виды служебных нарушений признаются наказуемыми лишь в случаях наступления тех или иных об'ективных последствий деятельности должностного лица, а именно, если действия должностного лица «имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушение общественного порядка или охраняемых законом прав или интересов отдельных граждан».

Следовательно, по принятии дела о должностном лице для производства предварительного следствия, следователь. прежде всего, должен установить, имело ли место в результате деятельности должностного лица хотя бы одно из указанных об'ективных последствий. Если следствием не установлена наличность ни одного из этих последствий, значит вообще преступного элемента в действиях должностного лица нет, и дело подлежит прекращению.

Если же указанные последствия, или хотя бы одно из них, имеются налицо, следует выяснить важнейшие моменты, от установления которых зависит разрешение вопроса, подлежит ли это дело направлению в уголовно-судебном порядке или в порядке дисциплинарном. Направлению в судебном порядке с последствиями по 1 ч. 105 ст. Угол. Код. дела о должностных преступлениях указанных категорий подлежат лишь в случаях, если установлено, что действия должностного лица, вменяемые ему в вину: 1) имели систематический характер, т.-е. неоднократно повторялись и были возведены как бы в систему, или 2) совершались по мотивам корыстной или личной заинтересованности, или, наконец, 3) имели особо тяжелые последствия или хотя бы заведомо для должностного лица угрожали тяжелыми последствиями.

Во всех остальных случаях, т.-е. при отсутствии указанных моментов, действия должностного лица караются в дисциплинарном порядке, и, следовательно, дело о должностном лице подлежит направлению или в соответствующий дисциплинарный суд в порядке 3—8 ст. положения о дисциплинарных судах (Собр. Узак. 1923 г., № 54, ст. 531), или же в соответствующую ведомственную инстанцию, имеющую право наложения дисциплинарных взысканий за нарушение служебной дисциплины (Собр. Узак. 1921 г., № 8, ст. 58), в зависимости от служебного положения подлежащего взысканию должностного лица (см. ст. 3—4 пол. о дисц. судах).

При этом в отношении формального порядка направления дел в дисциплинарный суд следует иметь в виду, что следователь, составив постановление о направлении дела в дисциплинарном порядке (или в дисциплинарный суд, или начальству обвиняемого), препровождает дело прокурору, который в случае согласия с постановлением следователя или вносит дело в распорядительное заседание Верхсуда или губсуда, или же направляет начальству должностного лица, обвиняемого в служебном упущении (прим. 1 к п. «б», ст. 5 пол. о дисц. судах).

Разграничивая в процессе предварительного следствия преступления должностного характера указанных выше четырех категорий и подводя преступные служебные действия под ту или другую из указанных статей (105—108), следователь должен точно и правильно в каждом отдельном случае определить, под какую из указанных категорий преступных деяний подходит исследуемое служебное преступление, тем более, что здесь легко смешать разновидности указанных категорий преступлений в виду их близкого родства между собой.

Под злоупотребление властью (105 ст. У. К.), как видно из буквального текста статьи, могут быть подводимы лишь сознательные и намеренные деяния должностного лица, которые оно могло совершить «единственно благодаря своему служебному положению». Это — такие случаи, где представитель власти, учинив противозаконное деяние или нарушение долга службы и дисциплины, употребил во зло присвоенные ему по должности права или полномочия или использовал служебное свое положение.

Превышение власти (106 ст. У. К.) предусматривает случаи, когда должностное лицо, хотя и не совершившее злоупотребления, дозволило себе превысить свои права и полномочия, т.-е. совершило такие действия или отдало такие распоряжения, которые могли исходить только от вышестоящих органов власти или вообще от представителей других служб, в компетенцию которых входят указанные действия. Превышение власти может быть учинено должностным лицом не только злонамеренно и сознательно, но и по недостаточно ясному или ошибочному пониманию существа своих прав и обязанностей, или по излишнему служебному усердию, или, наконец, по легкомысленной запосчивости и т. п.

Под бездействием власти (107 ст. У. К.) следует разуметь невыполнение должностным лицом каких-либо определенных действий, которые оно по обязанности службы должно было выполнить, и, следовательно, при расследовании предусматриваемого этой статьей служебного упущения должно быть, с одной стороны, точно установлено, какие именно действия должностное лицо не выполнило или какие распоряжения, обязательные для него, оно не сделало, а с другой,—должно было выяснено, входило ли в круг его прямых обязанностей совершение этих действий или распоряжений. При этом бездействие власти, как и превышение, может быть не только злонамеренно допущенным упущением, но и следствием ошибки, заблуждения, легкомыслия и т. п.

Под халатным отношением к службе (108 ст. У. К.), чтобы не смешивать этот вид преступного упущения с бездействием власти, следует понимать длящееся, хотя бы короткое время, поведение должностного лица, выразившееся в невнимательном, небрежном или явно недобросовестном отношении его к возложенным по службе обязанностям. Характерным признаком этого вида служебного преступления является суб'ективный момент—невнимательность и небрежность должностного лица, как причина халатного отношения к делу. Халатность, т.-е. распущенность, как-будто исключает умысел, злонамеренность и сознательность, а потому признак «явно недобросовестного отношения к делу» не совсем вяжется с существом преступного поведения, предусматриваемого этой статьей: последний указанный признак сближает уже это преступное деяние с саботажем (2 ч. 63 ст. У. К.). Во всяком случае, при расследовании подведенного под 108 ст. Угол.

Код. преступного деяния «явно недобросовестное отношение» должностного лица к делу необходимо четко выявить и доказать.

При расследовании служебных преступных деяний указанных групп почти всегда налицо подозреваемый или обвиняемый в преступлении, однако, это обстоятельство не облегчает задачи следствия по таким делам, так как органы дознания или ревизий, устанавливающие в деятельности госорганов злоупотребления, указывают иногда в качестве виновника не то должностное лицо, которому должно быть вменено в вину то или другое служебное правонарушение, или приписывают преступные злоупотребления коллективу (коллегиальному учреждению или правлению предприятия и т. п.), отдельные члены которого часто не могут и не должны нести ответственности за действия коллектива, как юридического лица, или его председателя.

Поэтому при обнаружении и расследовании должностных преступлений по каждому делу, прежде всего, необходимо, как это ясно из сделанного выше анализа карательных норм, устанавливать точно пределы полномочий данного должностного лица, в действиях которого подозреваются злоупотребление, превышение или бездействие власти или служебная халатность, т.-е. выяснять об'ем прав и обязанностей, которые присвоены его должности. Точно также необходимо выяснять пределы полномочий каждого отдельного члена коллегиального органа, которому в целом вменяется в вину совершение тех или других злоупотреблений.

Установление этих данных должно основываться на приложенных к делу или истребованных следователем от подлежащих учреждений и предприятий уставов, положений и правил, в которых определяются права и обязанности должностных лиц, мандатов, удостоверений и доверенностей, наконец, тех или других общих декретов и ведомственных постановлений или организационных планов и проектов госорганов. При отсутствии документальных данных права, обязанности и ответственность должностных лиц и служащих государственных учреждений и хозяйственных органов выясняются путем допросов руководителей этих органов или сослуживцев и сотрудников.

При квалификации в процессе расследования преступных деяний указанных категорий следует также иметь в виду, что об'ектом преступных деяний, предусмотренных 105—107 ст. Угол. Код. (злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти), могут быть лица, облеченные властью, т.-е. преимущественно ответственные работники и руководители учреждений, предприятий и организаций, управомоченные делать самостоятельные распоряжения, обязательные для подведомственных им служащих. Лица низшего технического персонала, конторские служащие, курьеры и т. п. могут привлекаться по этим статьям постольку, поскольку круг их полономочий и пределы их прав и обязанностей в данном конкретном случае давали им возможность действовать самостоятельно в сфере их служебной работы. Указанные лица могут мыслиться, как обвиняемые в должностных преступлениях, предусмотренных 105—107 ст. Угол. Код., только по соучастию с главными обвиняемыми, носителями власти. Ответственность за нормальную и плодотворную деятельность государственного аппарата в целом и отдельных самостоятельных его органов несут руководители этих органов, и следственные дела о злоупотреблениях, имевших «тяжелые последствия», по которым привлечены «стрелочники», имеют обычно малоценное

значение и обыкновенно или амнистируются после приговора, или даже прекращаются самим судом.

В частности, и в практике следователей в последние годы отмечались случаи привлечения неответственных совработников, как должностных лиц, по 110 ст. Уг. Код. Между тем, из содержания и прямого смысла этой статьи ясно, что привлекаться в качестве обвиняемых по этой статье могут только руководители и ответственные представители госорганов, так как нельзя представить себе и никаким расследованием нельзя установить и доказать, чтобы полное расстройство и развал в деятельности руководящих центральных и местных аппаратов управления или таких же хозяйственных государственных аппаратов производства, снабжения, распределения или транспорта могли быть последствием злоупотребления властью, превышения власти, бездействия власти и халатности конторских служащих и рядовых работников госаппарата, а не ответственных руководителей этого госаппарата.

В тех делах, где должностное лицо обвиняется в определенных действиях, которые являют признаки служебных злоупотреблений и которые запрещены специальным законом, помимо общих указаний Угол. Кодекса, квалифицировать действия должностного лица не представляется особых затруднений. Существует целый ряд декретов, ведомственных приказов, циркуляров и постановлений, в которых излагаются правила, обязательные для исполнения должностными лицами, и указывается статья Уголовного Кодекса (105, 106, 107 и др.), по которой привлекаются к уголовной ответственности нарушители этих правил. Напр., декретом СНК от 21 декабря 1922 г. о службе в госучреждениях и предприятиях запрещены прием и оставление на службе лиц, опороченных судебным приговором, запрещено совместительство государственной службы с частной и т. д., и в этом же декрете указано, что руководители госорганов, нарушившие правила этого декрета, караются по 106 ст. Уг. Код. («Собр. Узак.», № 1—1923 г., ст. 8); циркуляром НКФ от 21 августа 1923 г. за № 40 предписано местным органам точно соблюдать при самообложении населения порядок, установленный постановлением ВЦИК, и при этом указано, что виновные в нарушении этого порядка должностные лица волисполкомов и крестьянских комитетов общественной взаимопомощи привлекаются к уголовной ответственности по 105 и 106 ст. Угол. Код.[1]). В подобных случаях нарушения правил декрета или специального ведомственного постановления должны быть подводимы под те статьи Угол. Код., которые указаны для нарушителей в этих декретах или постановлениях.

Однако, в практике расследований гораздо чаще встречаются разнообразные должностные злоупотребления, особенно обнаруженные при ревизиях,

---

[1]) См. также: декр. о мерах к урегулированию торговых операций (С. У. 23 г. № 14, ст. 173); декр. о коммивояжерах (С. У. 23 г. № 1, ст. 19), приказ РВСР от 8/II 23 г. № 289 о незаконном пользовании печатью в военном ведомстве, инструкцию НКВД от 20/XI 22 г. № 355 о нарушении правил по надзору за ведением азартных игр., Цирк. правления Госбанка от 28/IX 22 г. № 232 о скупке благородных металлов, инстр. НКФ и НКВТ от 20/IV 23 г. об ответственности кредитных учреждений за покупку валюты для госучреждений и предприятий и мн. др. (подробно указаны в «Угол. Код.» изд. Моск. губ. суда 1924 г.).

и эти злоупотребления обнимают целый ряд действий, подходящих под признаки 105—107 ст. Угол. Код.

Здесь необходимо разобраться в отдельных наиболее важных и установленных расследованием фактах преступных служебных действий, разгруппировать их по квалификации в соответствии со статьями Угол. Кодекса, установить признаки, требуемые для признания наличности состава преступления в этих действиях, выяснить об'ем служебных полномочий обвиняемых должностных лиц, как выше указано, и в зависимости от результатов этой работы разрешать вопрос о направлении дела. По таким делам полезно бывает вначале допросить в качестве свидетелей лиц, производивших ревизионное расследование: при этих допросах бывает возможно уже в самом начале предварительного следствия выделить из массы мелких нарушений однородные наиболее крупные факты, на которых при ревизии останавливались ревизоры и которые в актах ревизии могли быть недостаточно полно зафиксированы.

Привлечение и допрос обвиняемых должностных лиц правильнее всего отлагать к концу следствия, когда уже достаточно полно выяснены обстоятельства дела и достаточно четко выявлена квалификация вменяемых должностному лицу преступных действий, кроме, конечно, тех случаев, когда в порядке 158 ст. Угол.-Проц. Код. представляется необходимым ускорить привлечение обвиняемого в целях принятия против него меры пресечения, соединенной с лишением свободы.

При этом мы считаем необходимым предостеречь следователей от предварительных, иногда массовых допросов заподозренных в должностных преступлениях лиц в качестве свидетелей, чтобы потом этих же лиц, на основании их показаний, привлечь в качестве обвиняемых. В практике следователей наблюдаются неоднократно подобные факты. Ненормальность этого приема будет уже ясна сама собою, если обратиться к указаниям процессуального закона, регулирующего допросы свидетелей и обвиняемых. Допрашивая должностное лицо в качестве свидетеля, следователь категорически предлагает ему говорить правду, предупреждая его об ответственности за ложное показание; призывая к допросу то же лицо в качестве обвиняемого, следователь должен предоставить ему полную свободу об'яснений, хотя бы обвиняемый говорил заведомую для следователя неправду. При двойном допросе заподозренного,—сначала в качестве свидетеля, а потом обвиняемого, — опорочивается достоинство следственного допроса: первое его показание, как свидетеля, затем или уничтожается вторым его показанием, как обвиняемого, или же опорочивается, так как получает характер как бы обманного действия против заподозренного: как-будто от него хотели получить изобличающие его сведения по делу, не предупредив его, что этими сведениями он сам будет изобличаться.

Поэтому следовало бы в интересах доказательной прочности, моральной чистоты и об'ективности следственного допроса установить практику: не допрашивать заподозренных в преступлении лиц, в частности, должностных лиц, в качестве свидетелей.

Даже с точки зрения целесообразности правильнее в план расследования ввести сначала допрос наиболее важных свидетелей, имеющих дать существенные по делу показания (потерпевшие, очевидцы, близкие по работе сотрудники), а по установлении основных моментов расследования, разрешать

прямо вопрос о привлечении заподозренного в качестве обвиняемого или о прекращении в отношении него возникшего дела.

Наконец, если отбросить процессуальный формализм старого законодательства, скорее следует признать допустимым и вполне целесообразным актом затребование через начальство заподозренного должностного лица от этого последнего об'яснений по тем или другим вопросам, предварительное выяснение которых необходимо получить от самого обвиняемого. В этом случае вопросы могут быть поставлены именно так, чтобы начальство заподозренного и сам он знали, что об'яснение требуется по делу, в котором идет речь о возможной ответственности данного должностного лица за те или другие действия.

Если в актах ревизии или дознания уже имеются об'яснения, замечания или показания заподозренных должностных лиц, то истребование нового предварительного об'яснения было бы, конечно, излишним. Во всяком случае, первоначальный допрос подозреваемого лица в качестве свидетеля, если уже в следствии *имеются указания на прикосновенность этого лица к преступлению*, не должен входит в план следственных действий, и такие допросы могут быть допускаемы разве только в исключительных случаях, когда, напр., можно ожидать, что только показанием этого лица может быть выяснена неосновательность падающего на него подозрения и прикосновенность к делу не его, а кого-то другого из его сослуживцев.

Изложенные общие указания в отношении расследования должностных преступлений можно считать достаточными для того, чтобы следователь, пользуясь ими, мог наметить вехи, по которым должно итти расследование тех должностных преступлений, которые в Уголовном Кодексе об'единены в общих групповых статьях, а в жизни отливаются в самых разнообразных и сложных формах.

Хозяйственные преступления занимают центральное место в нашем Уголовном Кодексе, на ряду с важнейшими преступлениями другого рода, и выделены в особый раздел (гл. IV).

Естественно, что в советском государстве, где частная собственность ограничена и допускается лишь, как временная уступка, в условиях переходного к коммунизму строя, где материальные богатства страны и крупная промышленность национализированы и где все хозяйство ведется государственным коллективом, весь хозяйственный строй регулируется иными началами, чем хозяйственная жизнь капиталистических стран.

Наше советское государство со времен Октября «не только стало рабоче-крестьянским, но и вместо принципиально политического суб'екта стало не в меньшей, если не в большей степени, и *хозяйственным суб'ектом*, к тому же в целом ряде случаев монопольно-хозяйственным суб'ектом, исключающим в соответственных областях хозяйственной деятельности всякую частную конкуренцию» [1]).

Поэтому понятно, почему и карательные нормы, воспрещающие те или другие действия в области хозяйственной, выделены в особый раздел и почему они представляют исключительное значение. Хозяйственные преступления направлены против государства, как «хозяйственного суб'екта», и подта-

---

[1]) Проф. Гойхбарг. «Хозяйственное право РСФСР», т. I изд. Госиздата 1923 г., введение, стр. 7.

чивают, ослабляют и разрушают весь хозяйственный аппарат государства; они же тормозят хозяйственные завоевания пролетарской революции.

С точки зрения особенностей и трудностей расследования представляют особый интерес и требуют некоторых руководящих указаний преимущественно хозяйственные преступления, предусмотренные 128, 128а и 130 ст. Угол. Код.

1. Первая из указанных статей предусматривает бесхозяйственность стоящих во главе государственных учреждений или предприятий лиц или их уполномоченных.

Угол. Кодекс не дает определения самого понятия «бесхозяйственность», как понятия первообразного, в котором сходится бытовое и юридическое понимание этого слова. Бесхозяйственность—значит нарушение экономики при ведении всякого хозяйства, неэкономное и невыгодное обращение с хозяйственными благами, неэкономное и невыгодное приходо-расходование рессурсов (средств) всякой хозяйственной единицы.

Давая анализ преступной бесхозяйственности, предусматриваемой 128 ст. Уг. Код. следует отметить два момента, определяющие эту бесхозяйственность: суб'ективный и об'ективный. Законом карается бесхозяйственность, которая является результатом небрежного или недобросовестного ведения дела; это—суб'ективный момент. Об'ективно—бесхозяйственность наказуется, когда она имела своим последствием расточение имущества учреждения или предприятия или трудно возместимый ущерб их достоянию. Оба признака или момента должны быть налицо, чтобы бесхозяйственность могла бы признана уголовно-наказуемым деянием. Если, например, по какому-либо делу устанавливается, что неэкономное, нерасчетливое ведение дела повлекло большие убытки для предприятия, но ни небрежного, ни недобросовестного отношения к делу со стороны руководителя этого предприятия проявлено не было; напротив, доказана энергичная, старательная деятельность руководителя, даже малоопытного и не вполне умелого, к последствия — убытка получились лишь вследствие наступления обстоятельств, которые трудно было предвидеть (повышение цен на рынке на какие-либо предметы, исчезновение изделий, необходимых для ремонта орудий, и невозможность своевременного их получения, смена в личном составе сотрудников или рабочих предприятия и т. п.), то в подобном случае для вменения руководящему предприятием лицу преступной бесхозяйственности нет оснований.

Из изложенного ясно, что при расследовании бесхозяйственности следует, прежде всего, установить персонально личность возглавляющего учреждение или предприятие суб'екта, который активно и единолично или совместно с другими лицами руководил, распоряжался или вел хозяйственную часть учреждения или предприятия; установить время (период) заведывания его этим предприятием, т.-е. операционный срок; выяснить, как велось хозяйство: была ли какая-нибудь система в работе и производстве операций, имелся ли предварительный план, был ли достаточно правильный порядок в ведении дел или все это признавалось руководителем сознательно или по небрежности излишним, хотя все это возможно было спланировать: это необходимо для оценки суб'ективного момента расследования. Наконец, следует выяснить, какой именно ущерб был причинен государству бесхозяйственным ведением дела, и в какой сумме или размере исчисляется этот ущерб; последнее устанавливается при учете сложных или больших операций госорганов бухгалтерской или счетоводной экспертизой.

Выясняя осложняющие квалификацию преступления признаки, следует установить, не было ли у руководителя сообщников в лице других причастных к работе предприятия лиц и не было ли у них между собой или с посторонними лицами сговора, направленного к цели расхищения государственного имущества и к личному обогащению участников. Эти обстоятельства могут быть установлены путем осмотра писем и переписок, найденных при обысках у лиц, причастных к ведению данного хозяйства, или же выяснением свидетельскими показаниями связей руководителя предприятия и знакомств его с другими лицами, которые использовали его бесхозяйственность; наконец, ответ на эти вопросы может быть найден и при осмотре книг, корреспонденций и документов госпредприятия во время бухгалтерской экспертизы.

2. 128-а ст. Угол. Код. предусматривает заключение лицом, уполномоченным действовать от имени государственного учреждения или предприятия, убыточных договоров или сделок, которые причинили одно из перечисленных в 128 статье последствий.

Для состава преступления, предусмотренного этой статьей, таким образом, требуется наличность об'ективных последствий (расточения имущества или вообще трудно возместимого ущерба государству) и, кроме того, наличие оформленной сделки, убыточность которой с момента заключения ее должна была казаться очевидной для заключавшего ее представителя государственного учреждения или предприятия. Закон требует для хозяйственника известного опыта в деле, за которое он взялся или к которому он приставлен; поэтому при заключении сделки он обязан предвидеть возможные убытки и не заключать сделок при условиях, грозящих убытками учреждению или предприятию.

При этом под «договором» или «сделкой» следует разуметь вообще письменный акт, создающий договорные правоотношения для сторон, хотя бы наличность договорных отношений удостоверялась односторонним письменным актом (нарядом, ордером, приказом, заказом) учреждения или предприятия. Такое раз'яснение дано Центроналогом по поводу установления признаков договора подряда и поставки (цирк. от 17 февраля 1923 г. за № 168). Естественно, что при ином, более узком толковании понятия договора или сделки оказались бы свободными от уголовной ответственности представители учреждений и предприятий, заключающие убыточные словесные договоры о сроках, ценах и др. условиях сделки и оформляющие эти договоры односторонним актом.

При расследовании преступлений этого рода одинаково ценными должны признаваться доказательства как документального характера, так и свидетельские показания. Прежде всего, следователь, конечно, должен истребовать подлинный акт, устанавливающий наличность сделки, т.-е. договор или другой документ, удостоверяющий заключение сделки, и сделать анализ этого письменного акта и его отдельных пунктов и установить степень убыточности этого акта для органа, от имени которого он заключен. В раз'яснение убыточности договора при оценке договорного акта возможны: приглашение сведущих в торговом или промышленном деле лиц; допрос свидетелей, которые имели то или другое отношение к сторонам во время заключения сделки; истребование от соответствующих официальных органов сведений о ценах, о состоянии рынка, об условиях труда и т. п. (торговые и фондовые отделы, биржи, маклера и т. д.).

Проверяя убыточность сделки, необходимо установить, действительно ли она повлекла за собой убытки для госоргана и не наступили ли какие-нибудь условия, к о т о р ы е с д е л а л и с д е л к у у б ы т о ч н о й в п р о ц е с с е в ы п о л н е н и я и к о т о р ы х н е л ь з я б ы л о п р е д в и д е т ь. Словом, здесь требуется очень тонкая разработка материалов и осторожная оценка доказательств, в виду целого ряда условий, от наличности которых одна и та же сделка может быть признана и явно убыточной, и нормально-выгодной.

Так как при расследовании дела о заключении убыточной сделки весьма часто об'ективные документальные данные дают мало материала для правильной оценки сделки и мотивов к ее заключению; с другой стороны, квалифицирующие обстоятельства, как напр., вхождение заключившего сделку в стачку с контрагентами [1]) казны (2 ч. 128-а ст. Угол. Код.), бывает трудно выяснить и доказать, то следователь должен широко использовать метод установления улик при помощи свидетельских показаний. При этом бывает полезно выяснить образ жизни обвиняемого, заключившего сделку, круг его знакомств, а также и лиц, через которых он познакомился или впервые столкнулся с контрагентом, и где с ним встречался в частной жизни: все свидетели, начиная от лиц, совместно живущих или служивших с обвиняемым, и кончая рестораторами и трактирщиками, в заведениях которых имел свидания обвиняемый с деловыми людьми, могут быть допрошены для выяснения связей и сношений обвиняемого с контрагентами.

3. Расследование хозяйственного преступления, предусмотренного 130 ст. Угол. Кодекса, которое определяется, как заведомо злонамеренное неисполнение недобросовестным контрагентом государства обязательств по договору, заключенному с государственным учреждением или предприятием, может представить еще большие затруднения по сравнению с указанными выше преступлениями. Анализ содержания этой статьи приводит к заключению, что существенным моментом преступного неисполнения обязательств по договору является суб'ективный момент: заведомая злонамеренность или заведомая недобросовестность действий контрагента при выполнении принятых им на себя обязательств.

В этой статье ярко выпирает исключительная особенность нашего законодательства в области договорного права и норм, регулирующих взаимоотношения государства с его контрагентами: эта статья уголовного закона логически вытекает из основ всего хозяйственного советского революционного права.

По русскому дореволюционному праву, как и по законам буржуазных государств, из невыполнения обязательств по договорам гражданского права, покоившегося на формальном моменте, для агента договора—государства могли вытекать последствия, дающие ему лишь право пред'явления гражданского иска к нарушителю формальных условий договора. Для государства считалось неважным, по каким мотивам подрядчик, арендатор или поставщик не выполнил обязательства по договору; поэтому контрагент казны

---

[1]) Контрагент (от латинского слова con-traho)—лицо, связанное с другим какими-либо отношениями договорного характера: отсюда—контракт, т. е. соглашение с контрагентом, договор; некоторые неправильно производят это слово от лат. слова contr-ago, подразумевая под этим лицо, как бы ведущее дело против другого лица.

отвечал только имущественно, в гражданском порядке за неисполнение договорных условий.

В советском государстве, где публичный интерес коллектива преобладает над интересами частных лиц, в случаях опасного столкновения этих интересов мотив неисполнения договора, заключенного с государственным органом, является небезразличным и делает в глазах государства его контрагента обманщиком и мошенником, а не честным, правомерно действующим в гражданском обороте дельцом, отвечающим только своим карманом.

Все сказанное ранее в отношении других хозяйственных преступлений всецело может иметь применение и к расследованию преступного неисполнения договорных обязательств с государством.

При расследовании преступлений этого рода следователю путем анализа договора необходимо точно вскрыть существо обязательств, принятых на себя контрагентом, выяснить фактическую выполнимость их контрагентом в указанные в договоре сроки с точки зрения самого контрагента и в условиях его собственного хозяйства или его денежных или материальных ресурсов в момент принятия на себя обязательств по договору. Бывает, что следствием устанавливается явная несообразность этих обязательств с силами, средствами и возможностями контрагента, и притом заведомая для последнего.

Кроме того, при производстве следствия по такому делу необходимо в связи с содержанием договорных условий установить, какие суммы или материальные ценности отпускались по договору госорганом контрагенту и на какие именно цели, и какое назначение давалось этим суммам или ценностям контрагентом в процессе выполнения договора и до момента отказа от дальнейшего исполнения этого договора или до момента обнаружения недобросовестных действий контрагента.

Борьба с хищниками, оперирующими с государственными средствами под видом дельцов, оказывающих за вознаграждение услуги государству и злонамеренно в интересах наживы вводящих в заблуждение или обман государственные органы, должна вестись беспощадно. И так как в таких делах обычно незаметными путями бывают связаны целые группы хищников и промежуточных агентов, взаимно покрывающих друг друга, то по этим делам следует выяснять соучастие прикосновенных к делу лиц, к рукам которых прилипают казенные деньги.

Не стесняясь формальными рамками карательных норм, соучастие таких лиц, можно квалифицировать, если не применительно к 15—16 ст. Угол. Код., то, как самостоятельное преступление, по признакам 187—188 ст. Угол. Код.

Таковы основные руководящие указания, которые могут быть даны следственным органам при расследовании наиболее важных и типичных хозяйственных преступлений.

В заключение следует отметить пределы экспертизы, в которую обычно выливается проверка действий обвиняемых в указанных хозяйственных преступлениях лиц.

При расследовании бесхозяйственности руководителя хозяйственного органа (128 ст. УК), для установления полной картины преступления необходимо бывает осветить сполна всю хозяйственную жизнь данного госоргана или хозоргана и дать оценку всей системе и всем порядкам хозяйствования этого органа. Поэтому экспертиза по этим делам должна охватить

широко всю операционную деятельность учреждения или предприятия за известный период: состояние финансов, коммерческой части, учет материальных ценностей, постановку бухгалтерии и отчетности и т. п.

Наоборот, в план экспертизы по делам о преступлениях, предусмотренных 128-а и 130 ст. Угол. Кок., нет надобности вводить учет и проверку всех операций учреждения или предприятия, потерпевшего от преступных действий лица, заключившего убыточные или невыполненные договоры. В этих случаях достаточно ограничиться проверкой по документам фактических обстоятельств, связанных только с возникновением данного договора и процессом его выполнения. Попутно может быть произведена проверка порядка заключения и проведения других однородных договоров от имени этого учреждения или предприятия, а равно общей постановки учета и контроля исполнения договоров, заключаемых этим госорганом.

Обобщая изложенное, можно сказать, что весь процесс расследования важнейших преступлений, предусмотренных I, II и IV главами Угол. Кодекса, должен проходит следующими путями: прежде всего, необходимо произвести **анализ** статьи закона, карающего преступление, подлежащее исследованию, и в соответствии с этим составить **план**, в пределах которого должны быть произведены по делу те или другие следственные действия; в дальнейшем **более или менее тщательную разработку отдельных моментов расследования следователь должен определять в зависимости от особенностей каждого исследуемого преступного деяния, учитывая при этом степень важности последствий и вреда, причиненного государству этим преступлением.**

Заканчивая настоящее руководство, мы хотели бы в заключение указать, что наш труд, конечно, не исчерпывает всех вопросов, которые могут возникнуть в практике дознания и предварительного следствия. Область расследования преступлений настолько обширна, самые преступления и применяемые при расследовании их приемы настолько в отдельных случаях разнообразны, что нельзя дать готовых рецептов на все частные случаи практики следственных и розыскных действий. Однако, мы попытались осветить и разрешить в своем руководстве все те общие и основные вопросы, которые возникают на практике при применении норм процессуального права к работе по расследованию преступлений и на которые пока нет достаточно полных и детальных ответов ни в литературе, ни в немногочисленных циркулярах и раз'яснениях НКЮ.

Не претендуя на новизну разработки вопросов дознания и предварительного следствия, мы, тем не менее, сознательно вышли из общепринятых рамок и программ изложения этих вопросов в учебниках уголовно-процессуального права и руководствах дореволюционного времени, и, с одной стороны, излагая общие теоретические основы, на которой построена система расследования преступлений, исходили из основных организационных задач деятельности государственных органов советского пролетарского государства; с другой, давая руководящие указания по отдельным вопросам производства следственных и розыскных действий, мы построили свои указания на основе классового подхода и свободного толкования норм действующего процессуаль-

ного закона, отходя, где мы считали это целесообразным, от буквы закона к его духу и смыслу.

Если органы и должностные лица, в задачу которых входит исследование преступлений, — в частности, следователи, — найдут в настоящем труде полезные для себя указания и ответы хотя бы на половину тех вопросов, которые встают перед ними в их тяжелой и технически трудной работе, мы будем считать, что наша задача выполнена удовлетворительно.

СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАСТЬ I.

Введение.

Стр.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Органы расследования и пределы их деятельности.

Глава 1.

Глава 2.

Глава 3.

Глава 4.

Глава 5.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Общие условия и основные задачи деятельности органов дознания и предварительного следствия.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 6.

Глава 7.

Глава 8.

Глава 9.

Глава 10.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Особенности производства расследования некоторых преступлений в зависимости от характера и рода их.

Глава 17.

Глава 18.

Цена 1 р. 50 к.

